Станислав Грабовский

Очень гадкая книга

Очень гадкая книга

Содержание

Вместо вступления
13-ый штат
Ночка
Моя история
Второй день, и третий
Начало

Вместо вступления

Я, лишь, надеюсь; нет, я надеюсь; хотя, опять не то. Я, действительно, лишь надеюсь… И опять не то. Очень странно, что я затрудняюсь выразить мысль, тем более теперь, но возможно это очередной тактический ход моего меняющегося и возрастающего из минуты в минуту интеллекта? Может он таким образом не изготовляется для глубокой работы, как тот леопард для прыжка, подбирая под себя задние конечности, а уже ведёт её? Может. Тогда всё нормально. Без разницы, какими, чтобы одерживать победу за победой в битве за битвой, будут мои действия на пути борьбы с этой гнусной, но наимощнейшей системой. Можно сказать с системой Зла. С теми, кто методично, до и сейчас, нужное низводили до бесполезного, вымещая пагубным; святое очерняли развратом, называя грядущим; кто уничтожал и продолжает уничтожать тела, мысли, душу и Бога людей.

Кому я пишу? Кому читать ли это послание, которое, судя по тому, что предстоит изложить, вполне потянет на целую книгу? Уж точно я не пишу тому, кто находится сейчас от меня в радиусе десяти метров, - хм, этим двум трупам, - равно как и в радиусе десяти километров, и даже двадцати тысяч, то есть - ни одному человеку. Впрочем, и это может быть, может кому-то и из ныне живущих, главное, чтобы этот человек попал в то время, в которое - уж воображу - будет придумана машина времени. Главное, чтобы это прочитал человек или организация, у которых будет возможность донести это до человечества середины второго десятка нашего уважаемого третьего миллениума. А нам - тем, кто обитает в 2049-ом, это ни к чему. Никому. Меньше знаешь – добрее сновидения. Если ты не часть системы – это единственное твоё удовольствие на сегодняшний день.

Я предосудительно даю название этому своему посланию «Очень гадкая книга» на тот случай, если оно попадёт кому-то в руки в виде брошюрки, но и без этого. Хотелось бы, что б человек сначала взглянул на название того, что он держит в руке. Мне представляется, что в таком случае происходит какая-то определённая завершённость первого контакта человека с этим посланием, может и самая подходящая для дальнейшего переваривания описываемого, потому что

содержание этого послания на все сто отражает название, а название - полностью оправдывает содержание. Оправдывает - не в смысле задаёт моральную приемлемость отражённым в нём событиям, а просто в нужной, достаточной и необходимой мере указывает на природу того мира, в котором я сейчас буду пытаться раствориться, кануть, но быть, хоть и знаю, как некогда великий Прометей, через какие ужасы и страдания мне придётся пройти под нашим небом. Вот только Прометей, ко всему прочему, знал ещё и то, что спасение придёт, что он совершает благо, что морально он будет оправдан перед потомками, что станет легендой, а я всего лишь надеюсь на второе и третье из этого.

Так что, уважаемые современники, можете смело отложить дальнейшее чтение этого послания (или книги), если у вас под рукой нет устройства, которое вас перенесёт в середину второго десятилетия нашего века. Это для них, не для нас. Ну, а если это читаете сейчас вы, за окном у которого примерно 2017-ый год, я даже не знаю, что и сказать. Значит – сработало! Как – не знаю, даже не представляю, что могло произойти, но сработало ж! И, наконец, ничего не могу сказать тем, кто читает это, живя после 2049-го года – значит, что-то пошло не так. Очень не так. Значит, кому-то очень хочется показать, что всё это не имеет никакого значения.

Только что я опять избежал смерти, потому что запрограммирован на выживание и победу. Ужасно, когда вы не можете сделать, что хотите, но ещё хуже, когда делаете то, что не сделать вы не можете. Хотя, кому как.

Сколько у меня времени, чтобы написать всё, что надо? День, два? Неделя? Самому решать, или я уже поступаю не иначе, как то необходимо? И что, и сколько должно быть написано, ведь, кажется, одной правильно написанной страницы уже хватило бы, чтобы на йоту уменьшить все те несчастья, которые потом застанут каждого (это я о тех, кого они уже застали, о нас, живущих сейчас). Немногим мгновением ранее, будучи прозорливым, но нетерпеливым, я, скорей всего, воскликнул бы себе самому: «А какая у тебя проблема? Зачем ставишь перед собой такую задачу? Ведь это личное, это твоё. Тщеславия ради так распространяешься обо всём этом? Зачем ты это пишешь?». Да нет, не тщеславия ради. Потом, когда или если останется время, если посчитаю нужным, во вступлении к этому вступлению или где-то на страницах этого послания, я «попрошу (может быть) для себя награды». А в данное мгновение, сейчас, для меня самое важное быть полезным, а не значимым. Поэтому, только чтобы допустить и принять возможность вообще проворачивать то, что мы провернули с Сержантом, - а таких пар, как мы с ним, в нашей организации было около сотни, - чтобы только представить, что я смогу и сделаю в ближайшее время, и как мне это удастся, и почему, мне лучше своевременно указать на пару-тройку моментов, касательно того, кто я и где я. Я, мы. Мы – те, кто даже если бы захотели, не смогли б повести себя как хлюпики. Да что там, как хлюпики. Мы не можем ни самоуничтожиться, ни дать себя уничтожить. Вот какие мы. Солдаты. Мы – Солдаты тайной организации, её мышцы, её физическая сила; организации, действующей на благо людей в самый гадкий период человеческого существования. Период педокрадии.

Я не знаю, как долго пробудут жизнеспособными ещё те правила, понятия и система вообще, созданные организациями, занимающимися обеспечением «живым» мясом групп-извращенцев, стянувших на свои счета 99% всех денег нашей земли. Я не знаю, кто остановит эту гнусность и беспредел, эту безнаказанность и разврат, и, уже не растление, а полное уничтожение детей. Причём, чтобы было понятно, «уничтожение» здесь надо рассматривать, как действия совершаемые НИЧТОЖЕСТВАМИ! Наверно, только Бог! Наверно только огненный дождь или всемирный потоп. Так как никогда умные не победят глупых, потому что глупые не смогут подняться до уровня умных, а умным, чтобы доносить истину до глупых, придется опускаться до их уровня. А тут-то последние большинством и будут всегда делать первых. Обречены на вечные муки и правильные против бессовестных. Потому что, даже если все правильные соберутся против одного бессовестного, они и то будут думать о том, как тому предоставить возможность самому сделать выбор, каким ему быть дальше, но всякая жалкая кучка бессовестных постоянно будет прибывать в напряжении уничтожать даже самые мысли об правильных. Добрым тоже не повезло против злых. Зло уничтожаемо только злом, ну и временем, пожалуй, которое всё расставляет по своим местам. Добрые долго злыми быть не могут, а у злых эта энергия неиссякаема. А нормальные, к сожалению, часто умны, правильны и добры. Ну это так, вырвалось. Всё-то оно посложнее.

Некоторые объекты, события и людей я не смогу задействовать в описании – опасаюсь создания в будущем более совершенных инструментов преследования таких как мы и членов наших семей. А уж в этом вопросе они не церемонятся - как говорится, до десятого колена потом жить не дадут. Поэтому буду использовать описание событий, через которые нам пришлось пройти, но в обстановке, которую можно встретить в каждом штате Европы - чтобы не было ни толики возможности по событиям определить причастность ни то что тех или иных из нас, но даже наших категорий. По этой же причине имена людей, которых можно будет встретить в этой книге, выдуманы до невозможных, таких и не бывает. Я, кстати, заранее предчувствую, что с этим у меня буду проблемы – сложно будет придумывать имена, чтобы не ошибиться, и у моих жертв не появилась возможность, проанализировав их, выявить какую-нибудь закономерность, и определить территориальную принадлежность людей, с которыми я столкнулся. Но я не допущу ни одной ошибки. Никому не удастся определить человека по моему описанию (и при этом оно будет точным), чтобы потом перебрать тех, с кем он вступал в контакт при упомянутых или похожих событиях, чтобы, опять же, выйти на нас. Всё тайное становится явным? А я всё явное сделаю тайным. 128-битные операционные системы современных компьютеров уже почти обеспечили Большим Дядькам отслеживание жизни каждого человека от рождения до смерти. А что говорить о будущем? Вот поэтому я и пишу эту книгу таким образом. Вроде всё идёт к тому, что в скором времени сетевое пространство исключат из временного континуума. Тогда можно будет послать мэйл в самую середину второго десятка третьего тысячелетия от рождества Христова. Вот почему я

продолжаю.

13-ый штат

Наш штат - это штат под номером 13. Это не означает, что мы вступили в Соединённые Штаты Европы как тринадцатая страна. Я уже говорил, что писать буду так, что никто не сможет определить, где произошли описанные мною события. Но не отчаивайтесь, господа соискатели! Вам, как никому известно, что это происходит в каждом штате Европы. И это последний раз, когда я отнимаю время у тех, для кого предназначено это послание, или эта книга, ради вас. Ради вас, чтобы сказать вам, что не пытайтесь по ниже и выше написанному меня, нас, вычислить. Мы запрограммированы на создание среды, исключающей проявление ваших свойств и качеств. Мы делаем это легко, не напрягаясь. Ваши уловки и приёмы не сработают там, где прошёлся один из нас! Последний раз я пишу вам это. И прошу сознание, чтобы оно больше не рисовало мне фиаско этих живодёров, я слишком добр, чтобы не облегчать им путь, видя, как им тяжело, но я хочу, чтобы мой потенциал расходовался для нормальных.

Я начну с маленького предупреждения. В продолжение некоторого времени я буду стараться «остужать» некоторые закипающие головы, потому что не всё, что мне придётся описывать, достойно уважения, мягко говоря. То, что всегда находились «умельцы» качественно воспользоваться нормальной системой для организации своего тёмного промысла и удовлетворения своих низменных наклонностей, и запросто из прекрасного удачно выдавливали демоническое – это один вопрос; а то, что воспользовались высоким уровнем культуры, просвещения и образования современных людей, привнесли под благими намерениями благое, но сделали это прикрытием для вольготного разгула своей извращённости, организовали за наши деньги систему, обеспечивающую беспрерывную пульсацию объектами своих половых извращений – это другой вопрос. Злокачественный, злоносящий и зловонящий. Вот какой это вопрос. Мне придётся описывать некоторые неприятные для нормальных людей ситуации, чтобы ни в момент не оставить мои действия без причинно-следственной связи их с системой моральных ценностей. Поэтому - «Самая гадкая книга». Но чтобы описываемое не стало быть принимаемым, как единственно существующее положение вещей – о, это не так – сейчас же оговорюсь и, может, потом повторюсь ещё, что есть нормальные школы с нормальными учителями, и таковых большинство, а есть только с виду точно такие же, а внутри настолько другие, что волосы дыбом встают. До сих пор думал, что это просто выражение, что на самом деле так не бывает. Бывает.

Итак, 13-ый штат. Ничем особым мы не отличаемся от других. Сотни, тысячи зарегистрированных компаний и фирм, работающих над улучшением среды нашего обитания: что-то строят, что-то рушат. Столько же фирм заботиться о нашем прокормлении. Сотни тысяч людей нас воспитывают, обучают, растят. Сотни тысяч нас охраняют, лечат, хоронят. Весь этот конгломерат официальности,

убого выстроенный и вышколенный командами высших живодёров Больших Дядек, представляет огромный интерес для последних. Вернее дети этого «конгломерата». Но какого сожаления заслуживают сами по себе все эти люди, все мы, составляющие официальную статистику, от пробуждения до сна пытающиеся строго следовать всем предписаниям и правилам своего правительства, обкраденные, обделённые, зомбированные, выживающие, но существующие!

Возьмём для примера одну семью. Любую. Нет, не любую. Ту, в которой родители разного пола. О, как кому-то сейчас стало плохо, когда он прочитал фразу «разного пола» - ведь написание и произнесение этой фразы отбрасывает угасание института разнополой семьи на десять лет вперёд, как минимум! Так вот, возьмём такую семью. Чем самым охватим их всех, таких. Во-первых - бедняги, мало что добавить или отнять. Им не повезло родиться, вернее, разражаться, в наше время. Как только у них появляется ребёнок, начинается его воспитание. А воспитание детей – это функция государства. Раньше воспитанием детей занимались мамы и папы, а образованием государство, мамы и папы; а теперь всё свалилось на бедные плечи государства.

А как по-другому? Когда столько кругом опасностей, когда того и гляди на нас нападут соседи! А соседи - вы знаете - какие нас окружают. Это хорошо, что у нас с обороной порядок. Это хорошо, что мы такие понимающие и сами предложили половину своих денег отдавать на оборону наших Соединённых Штатов Европы! Это хорошо, что мы вообще объединились вот так в единое целое, чтобы противостоять той чуме, которая распространяется по всей земле! Если бы ни это, мы бы уже давно в виде тушек с печатью на посиневшей коже висели б в каких-нибудь холодильниках. Да-да, наши соседи не просто каннибалы! Наши соседи – аквапофаги. Живые существа, пожирающие всё живое. Собственно – это люди, но вот так сложилась их судьба. Честно, не проверял. Здесь я положился на официальную статистику. Говорят, что у них отсутствует даже растительность. В смысле, фауна. Они настолько обуреваемы голодом, что даже трава не успевает взойти, как её уже пожирает какая-нибудь дикая бродячая шайка. Позвольте тут улыбнуться.

Так что, что касается воспитания новых поколений, то это к государству! Сначала проблема была подвержена научному анализу, потом разработаны теории, потом были проведены исследования. В этой связи было учтено мнение почти всех родителей; в общем, в благости цели сомневаться не приходилось. Да и сейчас не берусь сомневаться. Другое дело – кто, как и зачем свёл всё это в однокоренное с сексуальным воспитанием детей явление, вообще затеял всё это, всю эту гендерную революцию? В какой-то момент экономический кризис подкосил, действительно, наше существование. Многим тогда пришлось изменить свою жизнь. Многих тогда жизнь изменила сама.

Сегодня у нас воспитание (с участием государства!) детей начинается с первых мгновений его жизни. В течение десяти дней, после того как у вас родился ребенок и вы привезли его домой, к вам приедет омбудсмен и увезёт ребёнка. Обратно может не привезти. Как правило, у ребёнка оказывается какая-нибудь болезнь,

которая требует специального ухода для его выживания - это не всегда правда (хотя, учитывая самый высокий уровень перинатальной смертности в нашем штате среди прочих, именно в нашем штате такое количество имеющих болезни новорожденных могло бы иметь место в действительности). Ребёнок будет размещён в специально оборудованной для таких целей приёмной семье. Юридически – это так, но фактически всё иначе. Воля родителей не рассматривается, а подминается - это правда. Альтернативные варианты не рассматриваются, потому что речь идёт, на самом деле, о распределении детей по заказам. Могу сказать, сколько семей не хотели бы, чтобы от них забирали вот так их чад. Десять из десяти. Но смысл сопротивляться для вас очень быстро исчезнет. Если ваш ребёнок привлёк внимание живодёров, вас начинает обволакивать система, при которой ваши помыслы об опёке и защите своего ребёнка становятся для вас вашими проблемами и его несчастьем. Не хотите, чтобы ребёнку помогли выжить с помощью специального оборудования? Тогда ему помогут становиться на ноги по месту его жительства. Омбудсмен может появиться у вас в любой момент, и в те, когда это необходимо. А уж в этом случае, например, он может просто поинтересоваться у ребёнка, не обижают ли его родители. И если раньше родитель, на которого первого посмотрит ребёнок после этого вопроса, вынужден был пройти курс психотерапии, то сейчас это достаточное основание установить, что ребёнок содержится во враждебной среде. В садике могут обратить внимание, что у ребёнка не стало зуба. Несчастные родители, если молочный зуб у ребёнка выпал сам, но ещё несчастнее те, кто помог ему избавиться от расшатывающегося зубика с помощью, пусть даже и стерильного, бинта, но не предупредил или не смог донести до ребёнка, что об этом рассказывать никому нельзя. Здесь уже на лицо не враждебная среда, а явный педоцит - ребёнка режут и кромсают у него, его сверстников, соседей, воспитателей и Ювенальной юстиции на глазах. В этом случае у вас отбирают ребёнка и помещают его в приёмную Образцовую семью. И в Специальной семье, и в Образцовой, если изыщите время из своих двадцатичасовых рабочих суток, вы сможете навещать своё дитя, сколько и когда захотите. Увеличение вашего рабочего времени будет напрямую связано именно с этим. Когда живодёры убеждаются, что вы, не посещая, уже с большой долей вероятности и не посетите своего ребёнка, тот начинает свой продолжительный путь. Сначала эти вот семьи со специальным оборудованием или «образцовым» (берём это слово в кавычки) поведением. Только оборудование первых призвано не для поддержки его выживания, а для изъятия анализов на расположенность к венерическим и прочим заболеваниям, а так же на наличие тех, которые могли передаться по рождению, ну или вообще для оценки здоровья ребёнка. Из Образцовой семьи Образцовые родители, когда понадобится, привозят ребёнка на эти анализы.

Приёмные Образцовые (фильтрационные!) семьи подразделены на двенадцать категорий. Последняя двенадцатая – высшая категория. Никакого различия между ними в том смысле, что их наделили категориями, нет - и высшая ничем не отличается от первой. Все двенадцать категорий семей, призванные, под

прикрытием дать всестороннее воспитание, обеспечить начальное сексуальное образование приёмных детей, по сути, просто расположены географически максимально отдалённо друг от друга по всем Соединённым Штатам Европы. Документация по распределению и перемещению детей между этими семьями ведётся вручную. Это делается для того, чтобы через известное время найти, где сейчас находится твой ребёнок, становилось настолько проблематичным, что половина родителей должна приходить к отчаянию. А если вы перестаёте отправлять запросы, чтобы найти своего ребёнка, у вас возникают ещё более серьёзные проблемы (ещё бы, вы безответственный родитель, что ли?) или вы подписываетесь в Ювенальной юстиции, что согласны ожидать ребёнка до его совершеннолетия у себя дома. Причём о причине вам следует серьёзно подумать. Для меньших проблем, самой выгодной причиной такого отказа может быть ваше предположение, что своими визитами вы можете расстроить психику ребёнка. Ну или загруженность на работе. Тогда ваше рабочее время уменьшается и вам повышают пенсию.

В Образцовых семьях детей приучают к виду полового акта, к участию в нём (это я ещё слова подбираю); здесь, в Образцовых семьях, дети получают первую сексуальную подготовку. Образцовые семьи составляют низшую, начальную ступень в образовании и становлении детей, как сексуальных объектов. Чаще такие семьи состоят из волонтёров, халявщиков и откровенных насильников, которые, пользуясь прикрытием социального статуса, могут позволить себе разврат. Небольшой. Потому что Образцовые семьи содержаться за счёт государственной премиальной программы – размер премий на такую семью формируется в зависимости от пропорции переданных приёмных детей в Благополучные семьи и психодиспансеры. Образцовые семьи устанавливают психическую устойчивость ребёнка к сексу. Те из детей, которые не выдерживают, отправляются лечиться. Из психодиспансеров их отправляют домой «подлеченными». Эти дети рассказывают, что жили всё это время в сказке. Дети, которые выдерживают и идут на сексуальный контакт, переправляются в Благополучные семьи. И да, не стоит думать, что такое имеет место быть в случае с каждой разнополой семьёй, с каждым её ребёнком. Так, процентов пять-семь разнополых браков, заканчивающихся, вернее начинающихся рождением детей, могут столкнуться с такими проблемами. Все остальные должны прожить жизнь и ничего из этого не заметить.

Если ребёнок без препятствий (чрезмерного внимания состоятельных родителей) добирается до Образцовой семьи высшей категории и «проходит экзамен», его отправляют в приёмную Благополучную (распределительную(!), обратите, пожалуйста, внимание и на это слово) семью. Именно здесь, собственно, и начинается самое ужасное. Под прикрытием киднеппенга и прочей ерундистики, часто случающихся в этих семьях, детей продают по заказам средней стоимости или по дешёвке, если ребёнок не обещает к восьми-десяти годам вырасти в симпатичного подростка. Если ребёнок показывался красивым и здоровым, приступают к его образованию, и уже серьёзно. Скрупулёзное внимание обращается заботам о его физиологическом состоянии: это и питание, и спорт, и

постоянный медицинский надзор. Тщательной обработке подвергается психологическое состояние: с одной стороны, ребёнок должен быть полностью готов к сексуальному контакту, с другой стороны он должен сохранить всю прелесть наивного состояния перед данным явлением – именно за это Большие Дядьки выкладывают огромные деньжищи.

Здесь же, в Благополучных семьях, дети уже получают основательное сексуальное образование. Причём, как правило, бисексуальное. Редко какой ребёнок не поддаётся увещеванию и давлению со стороны педагогов и приёмных родителей, чтобы выступить со своей ярко выпирающей гетеросексуальностью против действующей системы образования. Теоретические занятия в школе, иногда подкрепляются практикой дома. Здесь, как и в Образцовых семьях, тоже имеет место посещения детей биологическими родителями. Правда, в Благополучных семьях это куда белее редкое явление – часто до этого момента родители изводятся мытарствами и препятствиями, учинёнными им системой, и дети находятся в статусе «оставленных на неопределённый срок». Конспиративность достигается институтом охраны тайны личной жизни ребёнка, методическим вдалбливанием детям в головы табу на темы сексуального образования (что удачно достигается и без того самой природной стыдливостью ребёнка) и откровенным запугиванием про лишение всех привилегий, прав и удовольствий в его, и его родителей, жизни.

Благополучные семьи содержаться на отдельную статью из бюджета штата. Здесь дети употребляют в пищу только биопродукты. Мясо каждый день, в отличие от пищевого рациона Образцовых семей, где этот продукт подаётся раз в три-четыре дня. В Благополучных семьях дети носят приличную одежду. Так называемые Благополучные семьи, отражённые в статистике, как дополнительные и альтернативные источники образования и воспитания, становящиеся таковыми, якобы, в результате наисерьёзнейших конкурсов, состав персонала которых, ко всему прочему - родители, няни – контролируется министерством образования штата, по сути является одним из звеньев теневого устройства государства. А для кого-то и теневым, причём коронованным государством, криминалистическим промыслом. Что ни говори, но прошедшие все дебри фильтрации дети, представляют собой наипримечательнейший продукт для удовлетворения сексуальных потребностей, уже одуревших от безнаказанности и постоянного разврата, организаций педофилов.

Вынужден сразу показать внутреннюю и внешнюю сторону тех или иных учреждений или институтов, чтобы потом, когда стану описывать наш с Сержантом путь, никому не приходилось отвлекаться своим вниманием от событий к такого, вот, рода описаниям и пояснениям. К тому же, суть того, с чем нам с моим напарником пришлось столкнуться, выполняя задание, быстрей и легче будет восприниматься, когда заранее известно, что да как, а не приходилось бы быть постоянно отбрасываемым в чтение примечаний, чуть ли не через страницу, где, например, время от времени пришлось бы пояснять, что такой-то и такой-то, сказал так-то и так-то, а на самом деле имел в виду то-то и то-то, потому что он

такой-то и такой-то, и так далее.

Поэтому…

Психодиспансер. Здесь психотерапевты особо не напрягаются. Да и кому? Посредственные студенты средних и высших учебных заведений психологии в прошлом, за неимением выстроенной стимулирующей программы в дальнейшем, так и не превратившиеся в талантливых врачевателей душ социальные изгои – вот типичный состав персонала этих диспансеров.

Поступающие сюда из Образцовых семей дети, порой настолько травмированы, что даже добрый дедушка Фрэйд с ними бы не справился. Поэтому статистику пятьдесят на пятьдесят следует рассматривать за огромное достижение. Просто какую-то половину детей удаётся восстановить трудолюбивым интернам, которые никому никогда не расскажут, что они слышали от детей, потому что первое время будут «невыездные», а потом станут либо свои, либо мёртвые, либо, вот как в случае с нашим преподавателем по гипнозу, окажутся в нашей организации. А если и отловите такого, да возьмёте и премините к нему новейшие виды пыток, то он расскажет вам правду - как через него прошли десятки и сотни изнасилованных, но спасённых из лап аквапофагов, детей. Даже их самих прилично обрабатывают. А вот те из детей, с которыми никто справиться не может, представляют собой самое несчастное и жалкое зрелище и среду. Это самые несчастные дети. Они содержаться в неухоженных бараках, никакого мяса, одна синтетика, как в пище, так и в одежде. Ужасную картину дополняют откровенные звери, которые приставлены для надзора за ними, и которые издеваются над ними, кто как может. Данная «топка», благодаря своей антисанитарии и угнетающей, а скорее умышленно убивающей атмосфере, призвана довести ребёнка до болезни с летальным исходом. Массовый мор в таких бараках представляет для их надзирателей, как это у них называется, «передышку». Тогда можно, отчистив помещения от фикалий, блеватни и прочего…нет, даже писать этого не хочется, и не могу. Отмечаем, что и здесь находятся «дельцы», которые умудряются продавать какое-то количество деток всяким нищебродам, за которых те выкладывают мелочь, зарабатываемую с трудом или воровством. Благодаря системе, эти чудовища могут позволить себе быть. Они не беспокоятся о наказании, которого в девяноста девяти из ста случаев не следует, потому что, зачастую, жертвы насилий признаются виновными в совращении своим поведением. Да, так с какого-то времени повелось, и теперь не останавливается, а ещё и распространяется. Какой-нибудь нищий промежуточный суд за бутылку коньяка может любому извращенцу, который случайным образом нарисовался высунутой головой из песка, вынести предварительный оправдательный приговор. Поступать так представляется единственной возможностью для судьи, чтобы удержаться на своём рабочем месте, не говоря уже о карьерном росте, поэтому мало кто из них устремляется против системы. Судебному приставу потом, по таким оправдательным извращенцев бумажкам, ничего не стоит найти родителей настоящей жертвы и взыскать с них средства за судебные издержки. «А где ребёнок?» - спрашивают родители. «Где ребёнок? – переспросит пристав. - А кто знает? Сбежал, ищем, найдём, разберёмся;

а сейчас, пожалуйста, заплатите». А где ребёнок-то, на самом деле? Может позже, если смогу, если написанного покажется недостаточным для того, что я хочу сделать этим своим первым шагом, напишу.

Да, диспансер своей «отстойной» функцией, именно всем, что с ним связано, представлял самое ненавистное мною территориальное пространство нашего штата. Там я устроил бойню, полную лишней жестокости; там я был счастлив, уничтожая очередную проклятую ячейку мирового зла, и очень надеюсь, что бог есть, и не всё можно, и мы ещё с ними будем иметь возможность встретиться, и времени для беседы у меня с ними будет чуть больше, чем тогда. Но, даже если это всё-таки и не так, я спокоен, зная, что своими ужасными смертями эти морально гниющие уроды заставили пережить таких же, как они, все те страдания, жестокость и ужас, которым подвергали сами всё своё рабочее время детей.

Дальше, или параллельно, школы. Ещё одно примечательное «мероприятие» во всей этой цепочке, отмеченное полноценным сотрудничеством учителей уроков по сексуальному воспитанию и родителей Благополучных семей. Или чтобы посмеяться, или чтобы не запутаться, но кому-то показалось кстати называть такие школы Образцовыми. Так уж «получалось», но группы продлённого дня в Образцовых школах происходят в кабинетах сексуального воспитания – все остальные кабинеты по окончании учебного дня должны быть закрыты. Дети делают домашнее задание, резвятся и играют среди фалоимитаторов, резиновых вагин, манекенов, изображающих половой акт и соответствующей тематики плакатов. Но при этом ни-ни о назначении содержания интерьера – строгое соблюдения программы образования: если это физкультура, то не математика, если это «продлёнка», то не секс. Самих уроков сексуального воспитания хватает: на один урок физкультуры в неделю, в начальной школе, три – уроки секса; на два урока математики в основной школе, также в неделю, шесть – уроки секса. Вот уже лет тридцать, как по всем штатам Европы дети так и не перестают терять сознание на таких уроках оттого, что им время от времени демонстрируют; эти же тридцать лет дети выжигают нервные клетки родителей, когда приходят домой с очередными рассказами, вопросами, порой истеричные, а иногда просто, как огорошенные, не идут на контакт, закрываются в своих комнатах. Но заданное направление продолжается, несмотря на протесты граждан, сверхраннее нравственное разложение человека и очевидность аморальной составляющей затянувшихся «пилотов». Помните, чуть раньше я написал, что «вот тут нормальная школа, тут нормальная, а тут – такая, что волосы дыбом встают». Так вот, этот абзац был именно о такой, от которой волосы дыбом встают.

Справедливости, унятия возмущения и, даже, популяризации ради отмечу «нормальные» школы, где сексуальным просвещением детей, действительно заняты профессионально квалифицированные педагоги. Те, кто работают по двадцать часов в сутки, сидят на тематических форумах, делятся опытом и сочувствием, потому что им, а не то, что обычным родителям и людям без соответствующего образования, не просто приходится сформировать в мышлении детей объективное восприятие порнографических рекламных плакатов,

развешанных по улицам городов, или корректировать различного рода предположения у них о назначении тех или иных предметов, действий и явлений, касающихся сексуальной стороны нашей жизни, на которые тут и там им приходится напарываться на улице или видеть по телевизору. Следует выдать порцию уважения таким преподавателям, которые устанавливают видеокамеры в своих классах, чтобы родители онлайн могли отслеживать, как просвещают их детей по вопросам, которые одинаково вызывают смущение, как у детей, так и у их родителей, в результате чего последние часто не в состоянии оказываются популярно объяснить своему ребёнку, откуда берутся дети, почему одни писают стоя, а другие - сидя, когда, стоя на автобусной остановке, ребёнок вынужденно рассматривает описание этих процессов в комиксных картинках на висящих там рекламных баннерах. Надо говорить тем некоторым преподавателям «спасибо», которые додумываются сказать детям, что они могут написать свой вопрос на бумажке, не подписываясь, и бросить его в «белый ящик», а преподаватель потом отвечает всему классу доступными соответствующему возрасту детей понятиями на эти анонимные вопросы, и им не приходиться черпать из общения со сверстниками информацию, которая может насоздать столько фобий и комплексов, что потом не один специалист не «разгребёт». Такие педагоги на своих уроках могли бы получать столько же стресса, сколько и их ученики, не продумывай они до чёртиков, учитывая возрастные и индивидуальные особенности своих подопечных, методологию преподавания такой «осторожной» темы. Кто любит детей, тот желает им благости и веселья – и это встречаешь в таких школах, и это присутствует в нашем обществе, и об этом можно написать много. Но важно отметить сейчас же, не отступая: возникновение такого нормального явления - не есть результат деятельности администрации нашего штата, это не его заслуга (по крайней мере, не сегодня); такие люди и школы, и вообще такое, появляются вследствие природного устройства Высшим разумом нашего бытия, как естественная реакция доброй и разумной половины человечества на действия злой и больной. Вот так.

Как бы то ни было, более тесное сотрудничество мне выпало с другого рода школами. С такими, которые в количественном отношении мизерны, но качественно наносящие максимальный вред, который только могут нанести представители одного биологического вида друг другу – создание условий, исключающих естественное и благополучное развитие потомства, его откровенное растление и уничтожение. С такими школами, профилем которых является - вот даже слов подбирать не приходится - подготовка объектов сексуальных утех для извращенцев; с такими, где детей не обучают, а изучают, уничижают, дезориентируют, классифицируют и отправляют в сексуальное рабство, и всё это делается под прикрытием очередного и очередного этапа гендерного революционного воспитания.

Тех, кто старается привнести в мир добро и созидание, отличают улыбки и светлый взгляд. Я умею видеть этих людей. Некоторых знаю, потому что дано было подглядеть, как, кто и где старается. Я могу представить, насколько выстроенным

прекрасным было бы наше общество, наше человеческое общество, если бы не те, кто во всякий момент устремляется на всякое благо, чтобы извлечь из него, кто материальную выгоду, кто иную, кто тупо развалить, деморализовать и уничтожить. Спросите – зачем? А - больные! Деструкторы ходячие. А не повезло им, вернее нам, что им в детстве не объяснили, что такое – хорошо, а что такое – плохо. Поэтому каждая бочка мёда всегда найдёт свою ложку дёгтя. Поэтому на двести человек, окружающих каждого, приходится один, который не создаёт ему проблемы.

Как я уже писал, в нашем штате тысячи официально зарегистрированных фирм, которые трудятся на благо всей Европы, сотни тысяч людей, которые ~~засирают~~ засоряют экологию, и столько же пытающихся её защитить. Все эти министерства, парламенты, суды, фирмы, благотворительные организации, спортивные, культурные, астральные, танцевальные и прочие учреждения; магазины, клубы, курортные зоны и зоны заповедные, полигоны и гольф-поля - всё это исчисляемое, зарегистрированное, явное, официальное, известное, что-то значимое, что-то паразитическое, всё это, чёрт возьми, терпимо, и ладно. Среди всего этого встречаются хорошие люди. Но для того, что я решил написать, они значения не имеют. Я поимел дело с другого рода организациями. С теми, упоминания о ком вы не найдёте в официальной статистике. Это теневая система, неофициальная. Всё работает на неё.

Во главе этой системы сидят Большие Дядьки. Пока они подрастали, жили, работали, стяжали материальные ценности, общались, черти сводили их. То там, то сям эти люди высказывались всуе о тех или иных событиях: например, что где-то произвели арест шайки педофилов, занимающихся торговлей детской порнографии в Интернете. На этой почве они обнаруживали общность взглядов: например, что слишком сурово поступили с людьми, которые всего-то, что и делали, что торговали фотографиями. Сближались, раскрывались друг другу, и начинали предпринимать шаги по выстраиванию системы, призванной в скором времени удовлетворить их педофилические наклонности. Со временем такие люди обрастали деньгами и властью. Постепенно и иногда у них получалось удачно продвигать на государственном уровне нормы и положения, обеспечивающие в перспективе толерантность к их, таким, персонам. И не всегда подобные действия были сознательными. То есть действовали по наитию, чувствовали, что так надо, чтобы потом было, что надо, и действовали, мало беспокоясь о людях. В результате, сегодня их не найти, их как будто нет, но они есть и очень даже здравствуют. В какой-то момент им приходилось объединяться по интересам в какие-нибудь клубы и организации, где, как правило, зарождались идеи, как обеспечить свои потребности, и чтобы всего было в достатке, и чтобы за это им ничего не было. Сейчас они живут одиночками, не нуждаясь в поддержке тех, с кем начинали, потому что по их стопам идут подобные им, они-то их и обслуживают, и поддерживают этим образом, они-то и есть гарант, что «всё будет хорошо». Пока эти последние трудятся в поте лица, чтобы угодить своим благодетелям, обещающим им в старости домик с лужайкой и личный самолёт, те не отходят от

своих бассейнов дальше, чем на пять метров. Их толстым телам подносят сюда еду, питьё, массажи и развлечения дети…

Ниже каждого Большого Дядьки - Организация. Организация подчиняется ему и жизнеспособны, пока он это считает необходимым и достаточным для себя. Но мало кто из участников таких организаций об этом знает, а знать должны и того меньше. Это как раз те, кто только скооперировался в какой-то клуб, не без пристального внимания с его стороны. Такие клубы, бывает, насчитывают до сотни человек. В таких клубах состоят родители из Благополучных и Образцовых семей высшей категории, директора Образцовых школ, главврачи детских психодиспансеров, депутаты, министры, руководители ювенальных, судебных и правоохранительных инстанций, и другие, занимающие высокие посты работники различных структур и объединений. Это элита педофилов. В основном представители таких организаций сожительствуют с детьми, если не получается использовать их, как рабов, в силу причастности к определённым видам деятельности, предоставляющим им доступ к детям, отобранным для таких целей, как, например, это получается у сотрудников диспансеров. Это очень серьёзные и страшные организации. Они – исполнители в руках мирового зла. Своими действиями они низводят на нет все организующиеся против этого мирового зла мероприятия. Да они и сами создают такие системы, которые начинают бороться против них, чтобы на этом святом месте не появилось истинных, потому что эти организации хитры, умны и располагают всеми возможностями, которыми только можно завладеть в нашем мире. Создаваемые ими системы с таким рвением ведут с ними борьбу, что во всякий момент «нормальные» прибывают в уверенности, что до победы осталось совсем чуть-чуть, ещё один шаг. И какими деморализованными и оплёванными потом оказываются эти учреждения, возводя своих создателей, чуть ли не в ранг святых. И не один нормальный человек потом помрачнеет, и подумает: «Может это я - дурак, а они нормальные?» К слову сказать, таким организациям ничего не стоит интригами, подстрекательствами и подкупами развязать войну любого масштаба, и они это сделают, если их безмятежному существованию, если тому, ради чего они просыпаются утром и засыпают вечером, станет что-то угрожать. Потому что ничего для них не имеет большего значение, кроме как возможность быть удовлетворёнными сообразно их парафильным расстройствам, и никакая среда их не устроит, кроме той, где их сексуальная девиация будет прибывать в легальном и неприкосновенном статусе.

Ниже Организаций, и мы часто можем прочитать эти слова в новостных лентах - «шайки педофилов». Это, действительно, шайки и отребье. Так считают все: и мы, и те, кто над ними. Они никому не подчиняются, они сами по себе – это рабочий класс. Рабочий на верха класс. Эти шайки, состоящие количеством по пять-сто человек, кормятся тем, что падает со столов вышестоящих, в переносном смысле, конечно. Они обслуживают своих кормильцев – заказчиков - формируя и сортируя на начальной стадии для тех жизненную массу. Это спонтанно организовывающиеся и, при малейшем намёке на стрём, молниеносно распадающиеся группы таких же развратников детского контингента наших

штатов, как и те, кто стоит выше их. Эти смотрят тем в рот. Часто такие шайки служат прикрытием, и их, бывает, приносят в «жертву» для усмирения толпы. Мол, работа идёт. В этих педофилических группах царит вакханалия. Состоящие из родителей Образцовых семей с первой по одиннадцатую категорию, киднепперов, трафикингеров, сутенёров, чиновников средних и нижних звеньев различных структур, по большому счёту, из средне и вообще не образованных, и часто не обеспеченных категорий людей (людей ли?), такие группы представляют собой клоаку всей этой гнусной теневой системы нашего штата.

Самую низину составляют одиночки-педофилы. Исторически они существовали всегда, и, в зависимости от отношения к ним государства, с некоторой периодичностью наносили тот или иной вред. Сегодня они настолько не обращающие на себя внимания на фоне огульной картины, что наша организация даже не отслеживает их существование. А ведь немногим раньше отлов такого монстра вызывал феерический интерес в прессе, повышения, астрономические почести и премии на службе правоохранительных государственных и частных структур. От этих «одиночек» вред сейчас настолько мал, что даже меня, как охотника, такие не привлекают. Так, могу, проходя мимо, пинка дать, чтобы тот свалился в какую-нибудь помойку. Желательно, конечно, что б захлебнулся. Одну-две жизни, таким образом, спасу. И, тем не менее, хоть, благодаря своему профессиональному воспитанию я и наделён инструментом, с помощью которого могу идентифицировать чуть ли не воздух, под которым в земле размещается заполненный детьми резервуар, и поэтому таких «одиночек» могу распознавать, идя по улице, по голосу, по одежде, по мыслям, даже по покупкам в магазине, я не даю им пинка. Ну, кроме, как я уже сказал, случаев, когда рядом помойка. Тогда да, тогда за радость.

Вот, в общем-то, и вся система – невзрачная, невидимая, наспех описанная, а потому, при броском взгляде, не кажущаяся заслуживающей достойного внимания. А между тем, эта система является движущей силой нашей Европы. Трудно вообразить подобное, но оно так и есть. А объяснение этому простое. Цели участников этой системы, по эмоциональному содержанию, сильнее, чем цели «нормальных» людей. Поэтому они прилагают больше усилий для достижения желаемого. Поэтому действия, исходящие от них, доминируют в количественном и качественном отношении над действиями прочих. Знаете, какая аллегория мне представляется, глядя на то, что происходит у нас в штате, да и в других тоже, да и если их всех вместе охватить? Мне видится вот такая картина. Сотни гиен, бешенных из-за благородной осанки и силы льва, гниющих заживо от зависти, порождаемой славой и толками, окружающими этого наисильнейшего царя зверей, решили уничтожить его, чтобы остаться единственными, о ком пусть теперь будут говорить. И вот они кружат вокруг него десятками, некоторые иногда отправляются отдохнуть и подкрепиться, а потом возвращаются, чтобы продолжать составлять гнусную толпу, атакующую одного благородного. И лев этот, не зная усталости, продолжает лишь поворачиваться лицом к ближайшей дюжине врагов, чтобы продолжать оставаться в безопасности. И вот если в этот момент остановить

плёнку, получится кадр, который чётко отражает то, что сейчас твориться у нас в Соединённых Штатах Европы. Ну, как? Можно представить себе победу льва? Мне трудно. Слава богу, что есть другие львы.

Четыре года наша организация занималась сбором всей этой информации, и то, что я попытался уместить на пяти страницах, у нас содержится в пяти томах, а изучению этого отводится около шестидесяти академических часов.

Мы отслеживали переписку, телефонные разговоры, и даже то, о чём говорили, встречаясь на улицах, в ресторанах, или посещая друг друга в своих домах, люди, тем или иным образом имеющие отношение ко всей этой системе. Мы смогли создать примерную базу данных всех звеньев сети педофилов наших штатов, установить связи между ними, классифицировать их по функциям и масштабам их деятельности, смогли обозначить примерную их субординацию, лидеров их ячеек и прочее. Для проведения задуманной нами операции, нам необходимо было установить пятьдесят самых зловредных и опасных для нашего общества «заходов» - мест, куда забрасывалась группа, состоящая из двух наших агентов - откуда мы, каждая отдельная группа, должны были начать свои пути, а начав, соединить их, а соединив, иметь на руках достаточные доказательства для придания суду всех людей из этих мест - одновременному, публичному, безжалостному и назидательному. Пятьдесят «заходов» нам понадобилось потому, что за семь лет работы нашей организации, мы смогли сформировать пятьдесят пар «солдат». Этими «заходами» у нас послужили приёмные семьи, школы, некоторые банды и отельные коммерсанты, специализирующиеся на торговле детьми. Критерий для всех них был один – самое большое количество исчезающих детей, вступивших с ними в контакт. Наше задание состояло в обнаружении каналов сбыта детей, в нахождении их самих, живых или мёртвых, и возращение их штатам – родителям, конечно. Мы должны были выявить людей, их организации и связи – весь этот мракобесный состав, который занимался отбором, воспитанием и распределением детей для нужд педофилов, выкладывающих за это деньги, деньги и ещё раз деньги. Безжалостные, убогие и больные развратники и извращенцы, чуждые сострадания и морали, но макси организованные, изощрённые внутренне и во вне, подозрительные, опасные и жестокие животные. Малейший намёк на посягательство на их систему запускает механизм, способный уничтожить, и уничтожающий любого количества человеческие группы, объединившиеся для противостояния с ними.

Нам предстояло не только идентифицировать всё это безобразие, не только узнать кто, когда, где и как умудряется доставлять детей, прикрывая всё это такой порядочной официальной статистикой о разгуле банд и насильников, похищающих детей, но и собрать, и добыть доказательства всего этого. Доказательства неопровержимые и достаточные, чтобы упечь всю эту систему, и каждого из них по отдельности, так далеко, глубоко и настолько, чтобы ни одному из их «сородичей» даже подумать не пришлось никогда, ни при каких «вновь открывшихся обстоятельствах», что можно что-то «подправить» и вернуть к существованию хотя бы одну из этих тварей. Ну, а произошло то, что произошло.

Двадцать дней назад мы с Сержантом, с моим напарником, постучались в свой «заход». Дверь нам открыла неопрятного внешнего вида женщина. Худая, даже дохлая, с растрепанными, светлыми, немытыми волосами и синяками под глазами. На ней висела грязная, когда-то серая, с узкими бретельками на плечах майка, доходящая ей до икр, и, вероятно, это было единственное, что на ней было надето в этот момент. Опущу наше впечатление, сформированное, при взгляде на это отталкивающее создание, нашими с напарником чудовищными познаниями человеческой психологии и той информацией, которая нам была известна об этой приёмной семье. Зато отмечу триумф наших взглядов и поз, откровенно нами демонстрируемых, когда мы спокойно наблюдали, как её исковерканное сознание медленно, с жутью, заполнялось мыслями-ежами о начале её конца, наслаждаясь, как всё мрачней и мрачней становился её взгляд.

И медленно так, растягивая слова, она спросила:

- Кто вы, нахрен, такие?!

Ночка

Семейство Ночка. В нашем Штате, как оказалось, проживает такая загадочная, с такой красивой, прямо сказочной фамилией семья. Причём семья, относящаяся к категории Благополучных. Вот, пожалуйста, что можно было прочесть о них в одном официальном, рекомендательном для целей усыновления, журнале (думаю, смогу воспроизвести по памяти процентов девяносто семь текста):

«…Семья Ночка является полноценной. Родитель 1 и родитель 2 имеют полный достаток, что позволяет причислить данную семью к категории Благополучных. На основании финансового анализа и аттестации семье выдан соответствующий сертификат. Учитывая финансовые возможности, уровень образования, предыдущий опыт, рекомендации образовательных и воспитательных учреждений, а также многочисленные положительные отзывы родителей, передавших на воспитание в эту семью своих детей, а также общую площадь жилых помещений дома, находящегося в частном владении у семьи, количество допускаемых для усыновления детей устанавливается в размере восьмерых. В виду перфектного отношения к детям в данной семье, а также, благодаря утвердившейся в продолжительное время репутации, семейство Ночка освобождается от месячных и квартальных проверок, а также, соответствующих обозначенным периодам, обязательных отчётностей. Подтверждение квалификации 15 марта 2043 года родителем 1 и родителем 2 семейства Ночка показало только повышающийся профессиональный уровень этих людей, их приверженность высшим европейским ценностям, и готовность работать над повышением качества демографической ситуации Соединённых Штатов Европы. Оценка 10 из 10…»

Вот такая идеальная картинка. Когда я дочитал этот отчёт до конца, я был близок к тому, чтобы разуверится в правильности существования нашей

организации и благости её намерений. А фотографии с веб-страницы семьи в интернете? На них смеющиеся приёмные братик и сестричка на фоне Диснейленда, поглощающие мороженое, измазавшие им один другого, и потешающиеся над детской забавой, умиляющиеся светлыми улыбками белозубых ртов родитель 1 и родитель 2. Вот только где там Манай стоит, интересно, когда делали эту фотографию? И вот смотришь на эту идиллию и спрашиваешь себя: «Сержант, а ты уверен, что делаешь то, что следует делать человеку с большой буквы? Ты уверен, что ты с теми, с кем надо быть, и собираешься позариться на безобразное порождение зла?» И тогда хочется тупо надеется, что добро абсолютно, непогрешимо и непобедимо, и управляет злом по своему усмотрению. Тогда хочется верить (и это единственное спасение для твоей души), что тебя организовали «кто-то», и направляет вроде на зло, но на самом деле просто отвращает с пути уничтожения доброго, чтобы у тебя самого не возникало желания создавать таких боевых организаций, но подлинных (ведь уже вон сколько их таких, а ты и сам при такой!), чтобы крушить кругом всё прекрасное, и, чтобы такие как ты были чем-то заняты вообще. Потому что диковинна человеческая природа (дурного?) – всегда искать врага (человека, событие), чтобы, найдя, через него обосновывать все свои неудачи и жалкое, случайное существование, и, как следствие, активизировать на уничтожение этого «врага», клеймя его «мировым злом», «распространяющейся эпидемией» и, как угодно ещё, остаточную энергию, свою и окружающих. И чем больше власти у такого человека, тем больше людей, - слабых, податливых и зависимых, - он может объединить вокруг «своей идеи». И вот, только если всё так, и только в этом случае, получается, я должен быть благодарен Создателю за то, что он, введя меня в заблуждение, не дал мне оказаться в стане действительного зла. И я, что тот блаженный. Ведь вот же, на фотографии, какие они счастливые, смеются, отзывы о семье может и не «липа». А меня тут снарядили… И что? А тебе скажут: «Да никаких проблем, дверь там», - и укажут на неё рукой. Но разве врун и болтун так легко откажется от спора в пользу своей лжи? Нет. Так может сделать только человек, у которого сзади не видно хвоста, отрастающего тем больше, чем больше он врёт. Так может сделать человек, помыслы которого чисты, который рассчитывает только на себя, и ниоткуда не ждёт помощи. А разве это качества проходимцев? Нет, это качества чистых натур. Вперёд! Вот нож, вот туша. Можешь сделать надрез, чтобы убедится, что перед тобой точно такая же, как эти с десяток и сотни тушек, что валяются рядом, у которых из пронзенных мест вытекает не кровь, а гниль. Ты сомневаешься, что тебе под нож подставляют раковую опухоль Штата? Сомневаешься, сделать ли этот маленький надрез? Дверь там. Но одно ясно, если я был частью игры таких хороших «кого-то», они оказались слабее нас к нашему и своему несчастью, не просчитали наших способностей, и того, какое действие на нас окажут имплантаты. Не просчитали – это теперь очевидно, и становится с каждым мгновением всё явней и явней. Если б это случилось, мне бы удалось сохранить свою душу только потому, что в блаженном бреду я буду уничтожать их тело, но это не так, я знаю; я знаю, что, рискуя своим телом, я всё-таки отправлю в клоаку их

душу, тех, кто этого заслуживает, и кто и есть зло. А как легко будет преподнести меня как мировое зло (ведь, на что я позарился, какие мои методы!), против которого справедливо должны создаваться тут и там борцы. И, ведь, будут создаваться. Всякому будет казаться за радость уничтожить меня. Сильное добро – зло, слабое зло – добро? До такого абсурда и бредятины можно всё перевернуть! А истина? Истина, порой, настолько проста, несчастна, одинока и изнасилована посередине мрака и хаоса, что стыдно иметь разум, и стыдно за Создателя, что он корпел над нашей душой и над её вложением в нас.

Ну и куда, собственно, забросила нас наша организация? Помните, под каким названием это послание? Я буду всячески стараться измыслить, как бы поудобней в процессе изложения избежать описаний событий, которые во всю явят, почему такое название, и попытаюсь приложить для этого максимум усилий, но вот в некоторых местах кое-что допущу, как уже сделал это пару раз, чтобы было понятно, что происходит. Хороший знак – остаться неравнодушным ко всему этому после того, что пришлось увидеть. Это я о себе. Тем не менее…

Утро, солнечно, около восьми часов. Детский, неоднократно повторяющийся слабый окрик «мама» потихоньку начинает наполнять тишину дома жизнью. «Мама» начинает выбираться из под опутываемого её голое тело грязного ортопедического одеяла. Накидывает майку, и та ниспадает краем ниже колен. Босая шлёпает в «детскую», где в кроватке уже стоит двухгодичная девочка и протягивает к ней ручки. Женщина наклоняется, снимает с ребёнка разбухший за ночь подгузник, берёт девочку на руки и направляется в сторону двух кроватей средних размеров. Дёргает, будя, двух детей по восемь и девять лет, мальчика и девочку, по разу за ухо и уходит из комнаты. Открывает смежную дверь, подходит к ещё трём кроватям, и проделывает то же самое, что сейчас сделала с ушами одних, с ушами других троих детей. Пока доходит до кухни, за спиной уже улавливает признаки начинающейся брани между детьми. Начинает готовить завтрак. У детей каша и чай с бутербродом; их «отцу» и Манаю с Ушастым начинает нарезать и отбивать мясо для отбивных; ставит воду под макароны, настругивает на тёрке сыр для посыпки макарон. Сама уже курит и пьёт кофе. Ребёнок сидит в возрастном кресле и грызёт морковку. Женщина включает телевизор. Через некоторое время появляются дети и рассаживаются на привычные места. Самая младшая из пришедших заявляет:

- Я не хочу сидеть с Миксом.

Микс, двенадцатилетний подросток, отодвигается, но Милка стоит, упёршись в ситуацию – сегодня её, вдруг, взбесило, что придётся сидеть рядом со старшим приёмным братом.

- Милка, зачем ты с утра всем настроение портишь? – спрашивает мать, не выпуская изо рта сигарету, щурясь от попадающего в глаза дыма, засыпая одной рукой из пачки в кипящую водой кастрюлю макароны, а второй, придавая им движение по кругу, сильно размешивая по часовой стрелке её содержимое.

Девочка продолжает стоять, скрестив руки на груди, надувая губки, и не

присаживаясь на одну с братом скамейку.

Никто ни на кого не обращает внимания. Проходит полминуты, и Микс сам пересаживается на самое дальнее, противоположное от «конфликтного» места сидение. Милка продолжает стоять и не садиться. Дети уплетают кашу.

- Ну и-и-и?... – обращается Микс к систре.

- Я хочу мультки, - обращается та к матери.

Мать берёт пульт от телевизора. В это время по телевизору показывают новости, и диктор сообщает:

«Всемирная Организация по мониторингу за сейсмической активностью зафиксировала подземные колебания неестественного происхождения. На основании доклада данной организации, и ставшей доступной информации, источник которой в конспиративных целях не разглашается, Мировое Правительство вместе с правительством Соединенных Штатов Европы выступает с обвинением правительства аквапофагов в обуривании подземных пространств с целью создания подкопа под одним или несколькими из западных штатов Европы, что б они провалились. (Кстати, обратите внимание на ошибку в работе социальных медиа. Фраза «что б они провалились» на самом деле причиняет больше вред в силу сформировавшегося, как устойчивое, с негативным оттенком выражение, чем пользы, как описание последствия подземного бурения аквапофагов в отношении нескольких наших штатов, которым грозит уйти под землю в результате такого подкопа. Я понимаю, аквапофаги уже дуреют без еды, содержащей жизнь, и такие их действия не заслуживают снисхождения, но наш современный уровень и наши европейские ценности предполагают более профессиональный подход и в делах более щепетильных. Кому мы плохо делаем такими фразами? Им? В первую очередь себе.) Всё живое, что выживет в случае ухода названных территорий под землю, как сообщают нам источники, будут ожидать конвейеры, которые доставят это на территорию аквапофагов».

Мать стала щёлкать каналы в поисках мультиков. Когда из телеэкрана раздались «мультяшные» крики героев, которые представляли собой большую голову и такую же попу, тоненькие руки и ноги которых росли непонятно откуда, Милка уселась на своё место. Все дети уставились в телевизор.

«Придурок!» - кричал первый персонаж.

«Кто придурок?! Я придурок?» - отвечал ему второй.

«Ты - придурок!»

«Сам ты - придурок!»

«Я не придурок!»

«Нет – придурок!»

«Ты – придурок!»

«Ты!»

«Ты!»

«Ты – придурок!»

- Кушайте, - сказала им мать.

Дети подцепили по ложке каши, половина из них донесли их до своих ртов,

половина зависли с ними на полпути, с интересом вслушиваясь в высокоинтеллектуальный диалог ярких непонятных персонажей, и не успевая вниманием за сменяющимися декорациями мультфильма.

Милка смотрела исподлобья.

- Милка, сейчас все пойдут ждать автобуса.

Один из мальчиков лет восьми, пока его брат смотрел в телеэкран, накидал тому несколько ложек каши из своей тарелки. Это увидела Милка и тут же рассказала матери.

- Как вы достали, - прошипела женщина, - ну-ка быстро все поели, почистили зубы, оделись и марш ждать автобус!

Когда она начинала так шипеть, это означало, что окрики и одёргивания закончились, дальше будут шлепки по спине, голове и по всему остальному, что попадёт ей под руку. Это уже могло означать повышение шума на кухне в два раза, что приведёт к тому, что явится отец. Тот ещё хмурее и злее – не всегда, но если его вывести, вообще неприятно становится.

Все стали кушать, даже Милка.

Двухлетний малыш стал тыкать морковкой в близсидящих, а мать с остервенением отбивать мясо. Через десять минут все дети поели и ушли чистить зубы, а женщина снова, и быстро, переключила телевизор на новости. Через пятнадцать минут у неё зазвонил телефон. Женщина кое-как вытерла полотенцем одну руку и, отвечая на звонок, спешно пошла в комнату, где сидели, уже одетые в школьную форму дети.

«Ало? Да. Уже подъезжаете? Сейчас выходим».

- Через пять минут - автобус, собирайтесь, – бросила она детям и стала сопровождать их к выходу.

Все спустились в прихожую, мать отворила детям дверь, выпустила их наружу, и стала смотреть, как они отходят от дому к проезжей части. Через две минуты подъехал школьный автобус, она проконтролировала, что те в него благополучно погрузились, и вернулась на кухню.

Ещё через пятнадцать минут показался глава семейства, сел за чашку, дожидающегося его кофе, и закурил, уставившись в телевизор. Всё происходило молча. Диктор по новостям вещал:

«Бывший узник, а ныне смотритель одного из кинотеатров, отбывший наказание за совершение действий сексуального характера в отношении девятилетнего человека, вытащил счастливый билет. Сегодня Агентство по надзору за лотереями, констатируя, что закон не запрещает такой категории граждан участвовать и получать выигрыши в лотереях, выдало на руки господину Трубе 3 миллиона 458 тысяч 353 евро. 1 из 2-ух купленных им билетов оказался маленьким кусочком бумажки, изменившим его жизнь. Господин Труба заявил, что на заработанные деньги он планирует восстановить практику спальных кинотеатров, где посетители смогут смотреть фильм, лёжа в удобных кроватях».

Глава семейства взял телефон и записал цифры из бегущей внизу экрана, дублирующей новость, строки.

Через десять минут ко второй, ожидающей своего потребителя чашке кофе, подсел и закурил подросток семнадцати лет. Но, не зная его возраста, никто никогда не дал бы ему меньше двадцати восьми. Приставленный помощником к сутенёру с двенадцати лет, приобщившийся к спиртному, наркотикам и сигаретам с тринадцати, начавший вести беспорядочную половую жизнь с четырнадцати, где его партнёрами и партнёршами выступали, как правило, отставные проституты и проститутки, к семнадцати годам этот подросток представлял собой сосредоточение падения нравов нашей Европы. А внешне просто парень, вернее – мужик. Таких, как может показаться, кругом десятки и сотни. Точно одно: ничего хорошего нельзя сказать о парне, который двадцать четыре часа в сутки проводит в одной и той же одежде. Его зовут Манай. Кто бы, когда бы и где бы с ним не встречался, всегда Манай выглядел одинаково: засаленные, не знающие, что такое стирка, джинсы, «майка-алкоголичка», которая когда-то была белая, а теперь серая и растянутая, почти полностью оголяющая волосатую грудь. Поверх этой майки, вторая, то ли зелёная, толи синяя, с длинными рукавами и с растянутым почти до плеч воротом. Металлическая цепочка с кулоном в виде половины черепа и большой католический серебряный крест на чёрном шнурке. Единственное из утреннего моциона, что он проделывал ежедневно над своей внешностью, это натирание массажным маслом торчащей из вороха вонючих маек видимой части волосатой груди, а также областей шеи и лица, и зализывание назад своих чёрных волос промасленными руками.

Такой он и появился на кухне, держа руки в карманах джинсов, и, не стесняясь окружающих, вытирая их там от масла об ткань. На его появление никто не обратил внимания, как и он сам ни на кого и ни на что, кроме своей чашки кофе, к которой жадно и устремился. После того, как он затянулся сигаретой и сделал глоток кофе, к нему, продолжая смотреть в телевизор, обратился «отец»:

- Только что себя рекламировал клиент, вот телефон, - сказал мужчина и, включив телефон и найдя сделанную несколько минут назад в нём запись, передал его Манаю.

- Миллионер, - добавил «отец», с каменным лицом продолжая смотреть «новости».

Манай записал телефон.

- А что, эти свалили уже? - спросил он женщину.

- Ни эти, а эта, ты наверно хотел спросить? – ответила ты.

- Чё за хрень?

- Ни чё! Когда ты последний раз смотрелся у доктора? Ты когда-нибудь так испортишь нам кого-нибудь из них! Задолбал!

- Ты чё? Охренела? – стал повышать голос Манай.

- Хватит орать, - взревел «отец», - ребёнок рядом.

- А какого хрена она несёт? – возмутился Манай.

- Я говорю, хватит - ребёнок рядом. Ему нечего слушать вашу ругань и то, о чём вы тут трёте. Не при детях! Когда Господин Ушлый появится?

- Вот он появится, посмотрит на неё, и скажет, что она испорченная, - вставила

опять женщина.

- И ты молчи, - сказал ей «муж», и уставился вопросительно на Мамая.

- Послезавтра вечером.

- Скажи ему, что мы слышали по новостям, что для нас повысили выплаты, и мы хотели бы это ощутить.

- Давайте сначала эту скинем, потом поднимем с ним этот вопрос. А то обозлиться, и не захочет у нас покупать.

- Он не захочет, - опять попыталась встрять в разговор женщина, - только потому, что унюхает на ней твою сперму.

- Жена!

- Да она бесится, что я её не подпускаю к ней!

- Вы, оба, заткнитесь! А ты не говори с ней в таком формате!

- А кто она такая мне? Мать? Инвестор?

- Чёрт, да хватит же! Давай нам жрать, а то он не заткнётся, - обратился «муж» к «жене».

- Мне там цианиду не забудь подсыпать, - уже поспокойней и шутливо сказал Манай женщине.

- О, как-нибудь, не беспокойся!

Манай ухмыльнулся.

- Так что там за клиент, - обратился он «отцу».

- Миллионер.

- Это хорошо. О, а вот и Ушастый!

В кухне появился подросток лет двенадцати.

- Не переспал?

- Переспишь тут, когда на весь дом: Мама, мама, мама, мама!

- Ещё один выблюдок! – вставила женщина.

- Слушай, ну хватит, - сказал ей муж.

- А что? Разве я не права? Родился вследствие блуда? Да. Ущербен и уродлив? Да. Постоянно в ссоре с собой и с окружающими? Да. Дурная наследственность на лицо. О чём у него не спросишь, всё только врёт, с намерением и без. Учиться бы его отправил, Манай!

- Я вчера подглядывал, как она мылась, а она это видела, - сказал Ушастый. Внешность которого, действительно, привлекала к себе огромными ушами и лысым черепком. Во всём остальном, даже в манере одеваться, он пытался походить на своего кумира и работодателя – Маная.

- Ну, не придурок? – спросила женщина.

- Я в ней не нуждаюсь, она нуждается во мне.

«Отец» одной рукой прикрыл глаза малышу с морковкой, которой тот ковырялся в ухе, а другой очень сильно дал подзатыльник Ушастому.

- А это правда? - обратился он к жене.

- Я его не видела.

- И долго ты его не видела?

- Ну, минут двадцать пять, пока не кончила, - вставил Ушастый.

- Всё, давайте есть, - сказал «отец».

Женщина стала подавать тарелки с едой.

После завтрака Манай открыл буфет и извлёк бутылку виски.

- Кому плеснуть?

- Давай, - сказал «отец».

- И мне, - сказал Ушастый.

- Так как ты маленький, - сказал Манай, наливая себе и «отцу», и, уже наклоняя бутылку над подставленным Ушастым бокалом, добавил, - то тебе, чтобы только понюхать, - и налил на донышко.

- Книжку, лучше, ему купи, - сказала женщина, унося из кухни ребёнка.

«Отец» с подростками остались на кухне одни. Ещё с час они выпивали виски и курили. Потом все направились на выход, а на улице разошлись кто куда. Через пятнадцать минут вернулся Манай со своим вечным спутником Ушастым.

- Что, опять? – спросила у него женщина.

- Не шуми, мама, - иронично акцентировал он последнее слово, - мне надо удостовериться, что с ней и с ним всё в порядке, потому что послезавтра за ними приедут.

- Знаю я твои проверки! – бросила она и зашлёпала босыми ногами от него.

- Иди пока в свою комнату, - сказал Манай Ушастому.

Дождавшись, когда пятки Ушастого перестали видеться сквозь дырки перил лестницы, ведущий на второй этаж дома, Манай отправился к двери, которая ведёт в подвальное помещение. Миновав дверь, спустился по трёхметровой лестнице. Здесь он стал открывать ключом другую дверь, которая оказалась толще обычного – звуконепроницаемая. Через метр коридора, ещё одна – такая же. За третьей дверью оказался коридор с несколькими дверьми. Он направился к крайней. Открыл её другим ключом и заглянул аккуратно. В дальнем углу сидела, сжавшись, девочка лет одиннадцати. Убедившись, что ему ничто не угрожает, Манай ступил в помещение и закрыл за собой дверь.

- Привет, сестричка! – сказал он.

Девочка ничего не ответила.

Он прошёл и сел на её кровать. Посидел, смотря на неё некоторое время.

- Иди сюда, и сделай это сразу, - его глаза стали источать ещё больше бешенства, которое и так уже возникло у него, когда он не получил ответное приветствие.

Девочка знала, что может последовать за этим взглядом, послушно поднялась на ноги и подошла к нему.

- Послезавтра кончаться все твои страдания – ты отправляешься в хорошую семью, где ты будешь делать всё, что тебе скажут, в том числе и то, чему ты научилась со мной. Но только за это там с тобой будут хорошо обращаться, и у тебя всё будет, а не как тут. Поняла?

- Да, - тихо ответила девочка.

- Присядь, - указал он рукой на место рядом с собой.

Девочка села.

- Ближе, - скомандовал он.

Она повиновалась.

- Ещё ближе.

Девочка пересела ещё ближе, и их бёдра соприкоснулись.

- Ведь тебе тут не нравится, да? – спросил он.

- Да.

- Ты же хочешь от нас уехать, да?

- Да.

Он положил руку на её голую ногу.

- Ты же не захочешь больше к нам вернуться, да?

- Да.

Он стал смещать свою руку выше по ноге.

- Ты должна знать, что если ты будешь плохо вести себя в этой хорошей семье, - его рука уже была у неё под юбкой, - тебя обратно не вернут, а отправят на утилизацию, как батарейку. Ты знаешь, что делают с батарейками или ты хочешь красивые одежды?

Вопрос породил растерянность у девочки, её растерянность – показную агрессию у Маная. Такую схему он когда-то заучил, и не трудился над её совершенствованием. Теперь его показанная злость служила для него, и для девочки, некоим оправданием его «плохих» действий. Он даже иногда говорил, что теперь он вынужден сделать ей плохо, ведь она сама виновата.

Он провёл с ней пятнадцать, одних из самых пошлых минут своей никчёмной жизни. Пятнадцать минут, которые атомной бомбой разорвались бы у неё в психике, если бы не колоссальный иммунитет, выработанный за одиннадцать лет её маленькой, страшной жизни. Без намёка на понимание этого, существо в виде Маная спокойно проворачивало ключ в замке темницы девочки, запирая её, потом тоже самое это существо проделало с другими двумя дверьми, которые вывели его в прихожую часть дома. Здесь он кликнул Ушастого, дождался, когда тот спустился, и вместе с ним скрылся опять в том направление, в котором они удалялись уже некоторое время назад, когда расходились с «отцом».

Женщина осталась в доме с маленьким ребёнком. Она усадила его в гостиной на ковёр, вывалила перед ним ящик с игрушками и занялась хозяйством: уборка, стирка.

Через пару часов у неё зазвонил телефон.

«Здравствуйте, - заговорила с ней женщина, - вас беспокоят из Ювенальной юстиции. Департамент по надзору за Благополучными семьями. Неделю назад от вас было получено сообщение об исчезновении у вас двоих детей. Вы же заявили в полицию?»

«Да, конечно. Полицейские были у нас, мы давали показания. Если правильно владею терминами – идёт следствие. И мы всё сделали правильно, и скорей всего успех операции очевиден. У нас работают профессиональные полицейские. Я даже слышала, что скорей всего послезавтра уже будут результаты».

«Не скажу, что знание этого делает меня сколько-нибудь счастливой, но я

желаю вам удачи, а что касается моего обращения, то ситуация следующая. На данный момент - не знаю, известно ли вам - но у нас наблюдается дефицит с Благополучными семьями - не хватает квалифицированных кадров. У вас в анкете написано, что вы рассматриваете возможность оперативного реагирования в случае таких проблем. Нам необходимо на неопределённое время приютить двух деток. Примите, пожалуйста, этих детей: или до окончания вашего следствия, или больше, если у вас будет возможность. Наше министерство очень высоко ценит такие семьи, как ваши. Как думаете – справитесь?»

«По бумагам?»

«Нет-нет, я же вам говорю – временно. Ну, может бумаги потребуется оформить после окончания вашего следствия, а пока – так».

«Я думаю – мы справимся. Вы сами нам их привезёте или нам заехать?»

«Будет хорошо, если от вас кто-то приедет. У вас есть кому?»

«Да, есть. Я могу уже сейчас позвонить. В какое время можно подъехать?»

«Начиная со вчера».

«Хорошо, тогда я звоню».

«Хорошо. До свидания».

«До свидания».

Женщина сразу стала звонить.

«Манай, мне только что звонили из департамента – у них там двое детей для нас. Сказали, что можешь заезжать в любое время».

«Я сейчас встречаюсь кое с кем, и чуть позже съезжу, но думаю, вернёмся часам к пяти только – дел много».

«Делай, как знаешь. Всё»

«И тебе пока».

Женщина прошла на кухню и стала готовить обед. Потом поела и накормила своего ребёнка. Помыла посуду, подхватила малышку, и отправилась с ней в спальню, чтобы уложить девочку спать. Посидела рядом с засыпающей, попела ей пару песен. Сказав, что она тут и никуда не уходит, оставив дверь открытой, женщина спустилась в гостиную и включила телевизор. Ребёнок не заявлял о себе какое-то время сколько-нибудь беспокоящими звуками, и женщина, тихо просидев на диване перед телевизором, поднялась, чтобы посмотреть – заснул ли тот. Ребёнок лежал ещё с открытыми глазами. Она проверила через некоторое время опять, и когда убедилась, что малышка спит, подошла к входной двери. Проверив, что дверь заперта, она направилась к витрине в углу возле двери, которая ведёт в подвал. Достала оттуда ключи, и проделала тот же путь, что и Манай, открывая одну за другой дверью, спускаясь в подвал. Только последней женщина открыла дверь не крайнюю, а среднюю. Там по середине комнаты стоял мальчик двенадцати лет.

Сделав хмурое лицо, она спросила:

- Ну, ты всё понял? Больше не будешь так себя вести?

- Да, мама, я всё понял, - ответил тот.

Женщина шагнула в комнату, закрыла за собой дверь на ключ и сжала связку

ключей в дрожащей руке. Повернулась к мальчику лицом.

- Пойми, мы вынуждены были тебя наказать, - говорила она, приближаясь к нему. – Я догадываюсь, что ты не виноват, - продолжала она, переходя на сладкий тон, и останавливаясь напротив него в полуметре, - но теперь я всё утрясла, как и обещала. Теперь у тебя нет причины злиться на меня. Ты не будешь злиться? Послезавтра за тобой приедут, я договорилась. Я договорилась, чтобы тебя забрали к себе друзья, чтобы тебя больше никто не терроризировал тут, особенно этот, - женщина махнула головой себе за спину.

Какое-то время она молчаливо рассматривала потупившего взгляд, молчащего подростка.

- Ну, чего ты молчишь? Ты же не злишься больше на меня? Нет? Знаешь, мне почему-то кажется, что так и есть. Подойди и поцелуй свою маму… Вот молодец. Поцелуй ещё… Ещё… Поцелуй ниже… Ещё ниже… Посмотри, у меня на ноге там ничего нет, а то чешется.

Женщина пробыла с мальчиком полчаса.

- И помни, - сказала она, когда всё закончилось, - если ты хотя бы кому-то, хотя бы полслова – тебя ждут бараки в психдиспансере. Тебя там крысы будут жрать несколько ночей подряд, отъедая от тебя куски за кусками. Ты сможешь наблюдать кости своих обглоданных рук и ног. А когда тебя не станет, я поеду к твоей семье. А дальше тебе известно…

Она захлопнула дверь и закрыла её на ключ. Вспотевшими руками отворила ту дверь, в которую недавно входил Манай, и заглянула внутрь. Встретилась взглядом с девочкой, посмотрела ей пристально в глаза три секунды и, не входя, также остервенело захлопнула и эту дверь. Потом поднялась наверх.

Как только она оказалась в прихожей своего дома, у неё зазвонил телефон.

«Ну что, - услышала она противный голос Маная, - проверила, как там дети?»

Женщина инстинктивно огляделась по углам помещения, ища камеры, зная, что той нигде быть не может.

«У тебя что, камеры тут установлены?»

«Ага, у тебя под юбкой!»

«Придурок!»

«Ты посмотрела?»

«Да, всё нормально».

«Покормила их?»

«Кормлю».

Говоря так, женщина открывала холодильник и швыряла по очереди сначала в один, потом в другой, из трёх настенных люков, по свёртку доставаемого из холодильника и по пластмассовой бутылке воды.

«Еда не просрочена?»

«Слушай, уймись а, Манай».

«Ладно, ладно, шучу. Жди сегодня пополнение вечером».

Оба отключили связь.

Женщина прошла к буфету, налила себе какое-то спиртное и закурила. В доме

стояла тишина. Она подумала, что через три часа привезут ещё двоих детей. А денег «они» на их содержание не выделяют, как говорят об этом по телевизору. Манай часть выручки отдаёт её мужу, а тот пускает её на казино и на свои долбаные сходки. Вон, ведь, и дома можно получить то, что надо, и никаких денег для этого не требуется – просто мозги надо иметь. Будешь тут доброй. А может проблема во мне? Может, это я его не достаточно напрягаю? Ну, а на что его направить? Что нам надо ещё? Хрен знает!

Решила долить себе в бокал.

Потом прошла в гостиную, легла на диван и закрыла глаза. Проспала полчаса, и была разбужена пришедшими из школы детьми. Тут же заснула и через час проснулась от зова младшей проснувшейся. Приподнялась на диване, и сморщилась от боли, ухватившись за затылок. Стала его интенсивно растирать.

Сходила к ребёнку, достала дочку из кроватки и отнесла её на кухню; крикнула остальных детей, которые, как мышки сидели у себя в комнате, пока «мама» спала, и все вместе пополдничали. Поев, дети ушли к себе в комнату делать уроки.

Через двадцать минут пришёл «отец». Прошёл на кухню, налил себе виски, включил телевизор. Стал ждать, когда «жена» отнесла ребёнка в гостиную, вернулась на кухню и поставила перед ним ужин.

Через полчаса прихожая наполнилась голосами, и все перекричал Манаевский:

- Принимайте гостей! И не просто гостей – новых членов семьи!

Из комнат появились дети, и с воплями «я – первый, я – первый!», толкаясь, и чиня друг другу другие препятствия, устремились в прихожую. Туда же подтянулся «отец» с «матерью».

- Ну, родители, извольте познакомиться.

Женщина обратилась к мужу:

- Я тебе просто не успела сказать.

- Утаила, утаила, - злорадствовал Манай.

Учтя обстоятельства, женщина не вступила в перепалку со своим «любимцем» (а может ещё и потому, что рядом стоял Ушастый, а тому только дай повод - как ввернёт слово, так ввернёт, причём бьёт по больному, по гниющему, зараза).

- Ну, морковки, - нежно обратился Манай к двум вновь прибывшим, - знакомьтесь: это ваша мама, это – папа, с детьми сами потом познакомитесь - они вам всё покажут и расскажут. Завтра в школу, а сейчас «бомбёжки»!

Дети, которые по расчётам Маная должны будут «потом всё показать и рассказать», с криками «ура!» бросились к большущему аквариуму в гостиной, где плавало штук сорок рыб сантиметров по пять. Двух других детей, новеньких, Манай взял за руки и подвёл туда же.

Первые уже полезли в аквариум доставать со дна камни, а последние стояли бледные и в ободранной одежде, дико наблюдая за непривычным их глазам весельем таких же, как и они сами, детей

- А новенькие с чем будут? – спросил один из детей, доставая гальку.

- А вот с чем! – Манай протянул руку в сторону Ушастого, тот вложил ему в неё пакет.

Из пакета извлекли две коробки, в которых оказались два новых игрушечных кораблика-баржи, которые могли управляться на воде с помощью пульта дистанционного управления, на котором была кнопка, открывающая у корабля задний борт. Их вручили «новеньким», и быстренько объяснили суть игры «бомбёжки», которая заключалась в том, что, управляя своим корабликом-баржой, нагруженным мелким камешком, с помощью пульта дистанционного управления надо было подвести его над одной из рыб так, чтобы с открытого борта камешек вывалился аккурат на рыбку или тритончика, или на одного из раков, или на какую-нибудь улитку. По рыбке, конечно, сложнее. По рыбке вообще не попадёшь, но – интересно. Такая игра не могла не захватить внимание детей. Все быстро перезнакомились, и два часа пролетели, как три минуты.

В девять детей отправили чистить зубы, умываться и готовиться ко сну. Когда дети улеглись по кроватям, взрослые собрались на кухне. Манаев «хвост» - Ушастый – присутствовал тут же, и смотрел, как опустошили две бутылки виски. Муж с женой отправились в свою спальню, Ушасый к себе, а Манай спустился в подвал, где провёл около часа.

Следующий день для этой семьи не сильно отличился от предыдущего, разве что новым членам семьи устроили после школы тщательнейший инструктаж, как им предстоит жить в этом доме. «Отец» съездил с новыми детьми в учреждение Ювенальной юстиции, где провели процедуру регистрации детей за семьёй Ночка. Оттуда, получив чеки на одежду для детей, поехал с ними в торговый центр. По дороге умудрился кому-то «впихнуть» половину этих чеков и, прикупив детям домашней и школьной одежды, на вырученные от продажи чеков деньги купил пятнадцать бутылок виски и восемь блоков сигарет.

В пять вечера почти все уже были дома. Через какое-то время объявился Манай, которому дети оказались рады больше всего, и тот стал с ними играть.

«Мать» стряпала на кухне, «отец» «накачивался» виски, сидя в гостиной на диване и щёлкая пультом по каналам телевизора. Здесь же, на полу, Манай, Ушастый и все остальные дети играли в «клад» - Ушастый раскидал под здоровенным ковром монеты, а дети, сделанным Манаем тут же из подручных средств металлоискателем, искали их.

Все в гостиной слышали стук в дверь, но никто из взрослых не выказал ни минимума реакции на него, прибывая в полной уверенности, что это не его дело, а их - остальных. Никто из находящихся в гостиной не посмотрел, но слышали, как «мать» с кухни прошла к входной двери. Может, через определённое время и стало казаться странным, что из прихожей так и не следуют, удовлетворяющих любопытство и объясняющих всё звуков, может это и заставило, и Маная, и «отца» прислушаться, что же там происходит, – и они переглянулись, - и может, кто-то из них уже и готов был подорвать свои задницы по направлению к двери, но тут раздался голос женщины: «Манай!».

Моя история

Я родился тридцать три года назад. Хм, очень, смотрю, символично - много известных событий случалось с мужчинами именно в этом возрасте. Но я не привлекаю к себе исключительного внимания таким образом, более того, я искренне думаю, что ни эти мои свершения будут иметь эпохальное значение, и теперь, больше, чем раньше, надеюсь, что более достойные мои поступки у меня впереди, в необозримом, но длительном продолжении.

Вот сейчас задумался: чем я отличился за совою жизнь от других людей моего поколения? Неужели ничем? Так посмотришь, вроде я пользовался авторитетом у сверстников; вокруг меня, бывало, собиралось определённое количество единомышленников, смотрящих мне в рот, но сам я постоянно ощущал присутствие рядом кого-то, кто в чём-то меня превосходил. Мне пророчили успех в любом предприятии, за которое я только возьмусь, но ни что не получало отголоска в моей душе. Всякое явление в окружающем мире представлялось мне в определённой мере или ущербным, или недоразвитым, или недоделанным, или незавершённым, чтобы можно было с честью причислить себя в ряды её приемников, раствориться в нём, и через него попытаться раскрыться миру как личность. Эдакая гордыня, что ли? Поэтому я долго не мог найти себя. Одно время я руководствовался доктриной одних, другое время - других. В какое-то время мне начинало казаться, что я всё понял, но через некоторое время понимал, что заблуждался до этого, причём, ошибаясь, думал, что теперь знаю всё намного лучше, чем раньше. Пожалуй, вот так середнячком во всём и рос. Хотя - нет, была у меня одна особенность, благодаря чему мне часто удавалось сыскать для себя довольные отзывы, да и самому себя журить: как-то получилось научиться в какое-то время жить положительной стороной вещей. Очень помогало справляться с любыми ситуациями. Положительный момент поездки в парк развлечений с ребёнком напрашивается сам собой, а как быть, чтобы не выйти из себя, когда тебя среди ночи будит жена и просит принести стаканчик водички? Известно, что во всём есть свои плюсы и минусы, и в принесении стаканчика воды посреди ночи, разбудившей тебя для этого жене, тоже – сразу после этого легко и быстро, в отличие от обычного, получается заснуть. Если ты способен мгновенно выхватывать положительную сторону явлений, тебе любая ситуация становится по плечу. Поэтому, когда все кругом удивлялись, почему я так легко берусь за любую работу, за исполнение любых желаний кого бы то ни было, меня это несколько обескураживало. «А почему бы и нет?» - говорил я себе и другим. И сам иногда не понимал, то ли это беспокойство, чтобы не оказаться невежливым или «изгнанным», то ли трусость перед заполучением «врага», то ли просчёт, чтобы в нужный момент воспользоваться выданным мною «кредитом». А вот чуть позже я ответил себе на этот вопрос. И, между прочим, у многих людей с этим серьёзные проблемы. Неспособность дифференцировать плюсы и минусы в каждый момент, в любой ситуации, является одной из главных причин психосоматических заболеваний человечества. В результате много злых, раздражительных, нервных и

больных людей. А между тем, это всего лишь вопрос практики.

Что же так изменило мою жизнь, почему я сейчас пишу это? Жизнь, в общем-то, нормальную, усреднённую, семейную. У нас отобрали ребёнка. Отобрали силой. Вернее – властью. Вернее – хитростью. У нас, и ещё у десятков таких же простых семей, тогда, а к сегодняшнему дню уже у сотен, отобрали детей и увезли в неизвестном направлении. У них получилось это со второго раза. Я слышал про случаи отбирания детей, но не думал, что меня это может коснуться, а тем более не ожидал, что в отношении меня и моей семьи действовать будут таким образом. В первый раз приехали женщина и два «урода», мать их. Я этих, что приехали в первый раз, свалил с ударов, а потом ещё на пятнадцать метров от дома пинал бессознательных (попросив жену увести детей, чтобы они этого не видели). Женщину не тронул, а этих двух, с жуткими глазами, смотрящих нагло мне в лицо, и несущих чушь, какую только, не понимаю, как свет может выносить - типа, мы с женой не разрешаем своем детям пить из горла бутылки, а заставляем их наливать напитки в стакан, чем, таким образом, помимо того, что ограничиваем их свободу действий, первым делом ущемляем их в правах на половое самоопределение. Я озверел от того, что и как мне говорили, и не перенёс постоянного упоминая моих детей их погаными ртами; избил этих двух с каким-то остервенением. Понимаете, они сказали нам, что если мальчику запрещать пить из горла бутылки, он вырастит недостаточно толерантным к сексуальным меньшинствам, а если девочке, то это приведёт к фригидности, из-за чего из неё не получится мать. При всём напряжении мозгов не могу отследить здоровой логической цепочки таких рассуждений, а то, что приходит на ум, с трудом представляется порождением здоровых мозгов. Я какое-то время пытался говорить спокойно, вразумительно, пытался понять и их. Их же поведение было диаметрально противоположным.

В общем, я отстоял своих детей в тот раз физически, немало испугавшись, и всерьёз озаботившись о будущем своей семьи. Мне представлялось, что в считанные дни надо будет решить, что сделать: остаться на месте и ждать, и в ближайшее время попытаться всеми законными средствами добиться справедливого и человеческого отношения к себе и моей семье, или вывези свою семью из штата, потому что такие нападки и отбирания детей у нас, похоже, стали выливаться в устойчивую тенденции. Я думал, что у меня будет на принятие решения пару дней. Оказалось – несколько часов. И зачем я в тот день отправил дочку в садик?

Они явились с автоматами наперевес. Двое национальных гвардейцев и двое госслужащих. Сообщили, что арестовывают меня за нанесение тяжких телесных повреждений государственному служащему Ювенальной юстиции при исполнении им служебных обязанностей. Я спросил, где моя дочь? По блеснувшей радости в глазах тех, которые стояли за спинами автоматчиков, я понял, что теперь все их силы будут направлены на то, чтобы я никогда её не увидел! Я, вообще, человек очень спокойный, вывести меня тяжело.

Какое-то время меня сильно интересовала история Золотой Орды, и я перелопатил столько информации по этому вопросу, что фору дам любому

историку. А вот в другое время меня «завернуло» на постановке смертельного удара кулаком, и на этих тренировках я учился ловить рыбу рукой, и успевать убирать лицо и руки от атаки кобры.

Когда я увидел, как ухмыляются, пряча свои бессмысленные туши за этими боевиками в масках те двое (других) «государственных служащих», когда я прочитал ответ на свой вопрос у них в глазах, я понял, что вселенная даёт мне пинка, потому что я никак не мог понять, зачем я. Да, у меня оставались ещё жена и сын, и я должен был побеспокоиться теперь о них, теперь ни одной ошибки быть не должно, но как-то утратило всё кругом смысл, когда я понял, что счастье моё у меня чудовищным образом и при унижающих обстоятельствах отобрали, и что хуже – я виноват в этом. Я допустил халатность, я не смог обеспечить дочке сохранение жизни и здоровья, я верил системе, которая только и ждала, когда я расслаблюсь настолько, чтобы можно было откусить мне голову и вырвать мне сердце. О, лучше бы они уничтожили меня!

По глазам за маской того, что справа я вычислил его, как труса и молодчика в большей степени, чем тот, что слева, и он стал для меня номером два. Чётко поставленным ударом, целенаправленно в висок, самыми головками пястных костей указательного и среднего пальцев я нанёс удар, который не оставлял шансов на жизнь тому, что слева – самому сильному из четвёрки. В следующие две десятых части секунды я перехватил за дуло автомат второго «боевика» и с силой упёр его ему этим самым дулом под подбородок, скомандовав: «Стреляй». Его глаза моментально наполнились ужасом, он отрицательно задёргал головой, и получил такой же сокрушительный удар в висок. Автомат остался у меня в руке. Я смотрел в почерневшие от страха глаза, пятившихся задом от меня «госслужащих». Смачно загнал патрон в ствол, наслаждаясь видом мокрых штанишек одного из них, и всадил по короткой очереди в каждого. Это был конец!

Разбираться с трупами смысла не было. Всё видели и слышали жена с сыном. Но главное – соседи. Мои были напуганы, но я видел, что они были со мной.

- Деньги, золото, всё что угодно ценное, - сказал я жене ледяным голосом. – Всё должно уместиться в одну сумку. У нас пять чёртовых минут.

Сам бросился к автоматчикам. Собрал с них всё автоматическое оружие и запасные магазины с патронами, и сложил всё рядом с машиной, с той стороны, с которой меньше всего будет видно любопытным соседям. Потом кинулся в дом. Схватил рюкзак, кинул туда папки с нашими документами и свой компьютер. Стал оглядываться по сторонам. В рюкзак полетел охотничий нож, бинокль; решил кинуть один фотоальбом с нашими фотографиями, зачем-то сгрёб наши зубные щётки и пасту, и кинул и их в рюкзак; решил, что из всех книг стоит забрать Библию, которую мне давно подарил один батюшка, подписав словами из какой-то её части, и которой я очень дорожил, хоть и не являлся таким уж верующим, ни, тем более, не служил (Богу). На кухне накидал в рюкзак немного еды, в прихожей прихватил три куртки для себя, жены и ребёнка, повернулся лицом к выбегающим в прихожую жене и сыну – у них было по сумке.

- В машину, заводитесь, - сказал я, передавая им ключи.

Они скрылись. Я бросил взгляд на своё жилище. Сколько и как мы его строили, как мы его любили, как мечтали здесь поздравлять своих детей с получением аттестатов об окончании школы, потом университета! Я планировал перекрыть пол - выложить красивый паркет. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Теперь квартира была ключ к нам. Я бросился в дальнюю комнату, и стал поджигать всё, что попадалось на пути. Затрещали, брызгая в разные стороны горящими каплями, синтетические шторы. Затем побежал на кухню, открыл все газовые конфорки и вылетел из дома вон.

Машина рычала в такт моему настроению, как тот боевой конь, которого, наконец, призвали на поле боя, где он сможет показать своему хозяину, на что он способен. Открыл багажник и перенёс туда всё оружие, которое сложил у машины. Пистолет положил в карман. И всё. Мы рванули.

Через три часа ехали уже по другому штату. Я решил пересечь его весь и схорониться в дальнем конце от нашего. Вернее, и мы об этом уже переговорили с женой, найдя безопасное место, я решил, что оставлю там жену с ребёнком. Может на долго, может на очень долго. Я должен был найти нашу дочку и вернуть её к нам в семью. Ничто меня не могло остановить, даже смерть будет тикать от меня, думал я. Я проберусь во все эти банды, похищающих детей. Легальные ли организации, нелегальные. Не имеет значения. Ничто сейчас не имеет значения, но лишь одно – способ, с помощью которого я найду нашего ребёнка, и верну её нам.

Мне представлялось, что жену со старшим сыном я смогу оставить где-нибудь в малонаселённом пункте, в какой-нибудь горной местности, куда не часто доходят люди и закон. Где жизнь размерена и спокойна, и не вызывает треволнений государственных органов, а потому, возможно, и не пахнет там, как следует, юрисдикцией. Чтобы ни один полицейчишка, ни один жандармчик или ширифчик ни ненароком, ни специально не заглянул. Это должно быть такое место, которое никоим образом не связано со мной. Там пусть живут мои жена и сын. Пусть живут, как смогут долго. Может мне удастся раздобыть очень много денег, чтобы сделать им другие документы и вывести их к азиатам – единственное место, где до них не доберутся ни наши Соединённые Штаты Европы, ни какие-либо другие соединённые штаты, ни аквапофаги.

Мы нашли такую местность. Несколько лачуг в ста метрах от небольшого, горного озера с прозрачной водой, от которой исходил пар. Жители даже не знали, как называется государство, в котором они живут. Нас, приезжих, достигшие из них середины своей жизни, видели впервые, как «других» людей. Старожилы пояснили, что их традиционно оставило в покое государство по каким-то этническим причинам. Что они занесены в красную книгу. Лучшего места для укрытия жены и сына я даже представить не мог. Оставалось заручиться согласием этих людей, но мы заполучили ещё и поддержку.

Нам указали на пустую хижину. Я решил помочь жене обжиться, и задержался на полторы недели. Мы подремонтировали дом, приобрели вещи и инструменты, которые понадобятся для хозяйства. Сын вникал во всё без вопросов – чувствовал, что ему предстоит серьёзное испытание. Жители деревни оказались как одна семья

– помогали советом и вещами. Вопросов не задавали, тем более, когда самый почётный из них при всех сказал, что видит, что мы бежим от чего-то, но горе, которое он увидел в моих глазах, он никогда даже представить не мог. После таких слов вся деревня стала относиться к нам с самым искренним и чистым состраданием, которое только может проявить светлая душа. Я понял, что они умрут за мою семью, но в обиду не дадут; в крайнем случае, жена сможет им открыться, и её защитят. А через полторы недели, когда стало ясно, что жена с ребёнком уже тут не пропадут, хоть и коснутся горя, я сел в нашу машину и погнал назад.

Я ехал уже около двух часов по нашему штату, когда мне дорогу преградили полицейские. Пистолет заранее был снят с предохранителя, потому что никто меня теперь не мог остановить, но и бессмысленной крови я не хотел.

Помню, как у меня попросили документы, как я отвёл глаза, и с демонстративным спокойствием полез рукой за ними в бардачок, а потом – темнота, тишина и сны.

Пришёл в себя в полицейском участке. Я сидел на стуле, руки были в наручниках. Передо мной сидел полицейский и разглядывал меня. Он потянул некоторое время, чтобы дождаться, когда я полностью приду в сознание, и уже тогда дотянулся до папки, лежащей на углу стола, и открыл её перед собой.

- Ну, что скажешь? – спросил он.

Я проверил воспоминания и, как мне показалось, убедился, что сознание работает на полную.

- А что вы думаете? – спросил я в свою очередь.

Он стал рассматривать бумажку из папки. Мою бумажку! Я заранее составил её на всякий случай, и этот случай наступил. Там я подробно всё описал: как и почему убил тех людей, почему сбежал, почему вернулся, почему привёз всё оружие. Здесь же была дата, сегодняшняя, и моя подпись. Это было моё чистосердечное признание и раскаяние по содеянному. Я писал, что не понимал на тот момент, что не имею права так поступать, но что теперь готов нести наказание. Я написал здесь же, что беру на себя ещё одно преступление, а именно – незаконное лишение свободы своей жены и ребёнка. И я не собираюсь никому раскрывать их местонахождения, потому что я взял их в заложники, а требование моё – чтобы мне вернули мою дочку. И ещё, и ещё, и ещё. В общем, наплёл такого, что из одного дела, теперь получилось несколько десятков, а та процедура, которая предназначалась для меня, теперь будет изменена на более скрупулёзную и продолжительную.

- Мне похрен, что ты тут написал, - сказал мне полицейский.

Я молчал - я знал, что надо говорить очень мало.

- Я уничтожу эту бумагу и засажу тебя пожизненно, - попытался он теперь так вытянуть из меня слова, а скорей всего деньги.

В бумажке этот случай был прописан отдельно, я ухмыльнулся про себя.

Полицейский посмотрел на часы.

- Ладно, посидим ещё.

Я определил часов восемь вечера. Вообще-то в государственных учреждениях всё строго. Почему после шести я сижу с сотрудником полиции? У меня возникло сомнение – а в полиции ли я?

Я молчал.

Полицейский достал телефон, и стал то ли читать в нём что-то, то ли играть.

Я молчал.

Прошло полчаса.

- Можно попить? – попросил я.

Полицейский встал, подошёл к прикреплённому к стене двадцатилитровому сосуду, отковырял от стопки одноразовых стаканов один, наполнил его ледяной водой и поставил воду передо мной на стол.

- Может, можно и перекусить? - спросил я.

Эта фраза ни к чему не обязывала меня. И я произнёс её полушутя, рассчитывая, собственно, на агрессию полицейского, чтобы он меньше думал, а больше делал ошибок.

К моему удивлению он выдвинул ящик у своего стола и извлёк из него плитку шоколада. Раскрыл её, поломал на куски, положил передо мной, и, взяв одну дольку, отправил её себе в рот.

Я, действительно, хотел есть. Но что это означало? Что это был за цирк? Я представил, как я сейчас тянусь руками в наручниках к шоколаду, как в воздух взлетает резиновая дубинка и опускается мне по рукам. Очень больно! Можно и просто в этот момент ухватиться за наручники и начать выламывать мне руки – боли будет достаточно, чтобы попытаться меня надломить психологически. И вот так, собственно, и начнётся мой допрос.

Внимательно наблюдая за телом полицейского, я потянулся к шоколаду. Сантиметр за сантиметром мои руки приближались ближе и ближе, а он не выказывал ни тени раздражения, агрессии или чего-то задуманного. Кусочек оказался у меня в руке, и я отправил его в рот. Что за хрень? Почему всё так происходит? Чёрт! Она с наркотой, но ведь и он съел, – подумалось мне.

- Сколько мне нужно съесть? – спросил я, надеясь, что получу ответ по его глазам.

- Ешь, сколько хочешь, я уже ужинал.

Я окончательно растерялся.

Прошло ещё полчаса или чуть больше. По моим расчётам должно было быть около девяти или половины десятого.

У полицейского зазвонил телефон.

- Не, не, не, вы что? – сказал он. – Я сейчас с ним спущусь к вам через чёрный ход, будьте там, где сейчас находитесь.

- Вставай, - обратился он ко мне.

Мне стало немного страшновато. Происходящее не походило на гражданский процесс по работе с преступником.

- Мы в суд? – спросил я.

Вместо ответа он извлёк пистолет и зарядил его какой-то иглой. Затем достал

вторые наручники и бросил их мне к ногам.

- Пристигни себя к ноге, - и, демонстрируя моему вниманию заряженный пистолет, добавил, - чуть что – заснёшь мгновенно, как вчера.

- Мы в суд? – переспросил я, медля, и лихорадочно ища способ оказать сопротивление, но, поняв, что нахожусь на «серьёзной» мушке, закрепил наручник одной частью на своей руке, а вторую прикрепил к ноге.

- За миллионом, - усмехнулся он.

Чёрт! Что же происходит? Я терялся.

- Ну серьёзно… - протянул я.

- Иди, - указал он мне дулом направляемого на меня пистолета, куда именно мне направляться.

Я, скрюченный, как обезьяна заковылял к двери.

Меня посетила мысль, что я понадобился не государству, а тем, у кого моя дочь, чтобы избежать моего мщения. И оттенок радости коснулся моего сознания – ведь я понадобился этим людям живым, они меня не убили сразу, ко всему прочему назначили выкуп, и, скорей всего, не собираются убивать в ближайшее время. Если меня «покупают» для пыток – это хорошо. Шансы успешного завершения моего предприятия увеличиваются. Вот только вода и шоколад. Это не характерно для «плохих». Эти мысли вызвали во мне тоску. Полицейский, видимо, прочёл у меня это на лице.

- Через десять минут я получу чемодан с деньгами, а тебя получат, я даже не знаю кто, - сказал он, когда мы вышли на улицу.

Я понял, что он не хотел говорить этого в учреждении, а сейчас он знает, что можно говорить всё. Но это могла быть и провокация. У него мог быть в кармане диктофон.

- Мы в суд? – спросил я.

- Что ты заладил, как попугай: мы в суд, мы в суд. Я же тебе сказал, я сейчас получу за тебя миллион евро. Смекаешь, какой ты дорогой? – ухмыльнулся он. – Я, конечно, полицейский, а вот мой брат чуть круче. Сегодня мы перехватили сообщение в Интернете, что за доставку тебя платят наличными. Вот я тебя и доставляю. Деньги спрячу в машине, вернусь в кабинет, прострелю себе руку и у-ля-ля. И тебе хорошо, и мне не плохо.

И всё-таки – это могло быть провокацией.

- Почему мне хорошо?

- Меня попросили не обижать тебя.

У меня разрывался мозг. Мы шли по темноте минут семь и, наконец, вышли к чёрному здоровенному джипу.

Из машины вышли двое мужчин.

На меня посветили фонариком и обратились ко мне по имени.

Полицейский протянул им мою папку. Те извлекли из неё паспорт. Проверили данные, ещё раз глянули на меня.

- Как зовут твою дочь? – спросил один из них.

Мгновенно я почувствовал бешенство от упоминания о ней этими, но тут же

успокоился, и даже приободрился, потому что характер ситуации стал приобретать другой формат.

- Зовут? – спросил я, тихо надеясь, что и они, и я вопрос ставим корректно. «Зовут», а «не звали».

- Зовут, - повторили они.

Я назвал имя своей дочери, и горло мне сдавило спазмами ужаса от грядущего следующего момента. Что он принесёт?

- Приехал за ней?

Я промолчал, осознав, что чуть не расслабился и не проговорился. Всё это могло быть фарсом и театральной постановкой для выведывания у меня моей цели. Для раскрытия моей личности, чёрт. А я чуть не выложил все свои планы.

Я продолжал молчать.

Ближайший к полицейскому, из этих двоих, смотря мне в глаза, произнёс:

- Если закричишь, сразу прострелю голову.

И через мгновение после своей фразы, за долю секунды выхватил пистолет с глушителем и прострелил стражу порядка, который меня привёл, колено. Полицейский свалился, и стал корячиться по земле, воя от боли сквозь стиснутые зубы. Всё его лицо мгновенно покрылось потом.

- Вы обещали другое, - с усилием глотая, процедил он, прикрываясь от направленного в его сторону пистолета растопыренной пятернёй, и пятясь.

- Приехал за ней? – повторил этот «стрелок» невозмутимо свой вопрос, продолжая пристально смотреть мне в глаза.

Я подумал, если он решил избрать такой способ запугивания меня, то он просчитался: а) моя цель важнее моей жизни; б) уже видно, что слишком много сделано, чтобы я оказался тут, а значит причина, по которой мне сейчас прострелят голову, должна быть хоть и не веской, но явной. А я её не вижу. Единственное объяснение происходящему, это то, что эти двое…

- Я очень хочу увидеть свою дочь ещё, хотя бы раз.

Тот, что смотрел на меня, вздохнул.

Я подумал, что за хрень, к чему этот вздох? Вздох с оттенком сострадания. Я ждал хотя бы ещё полслова, я был уверен, что тогда я всё пойму. Мне надо ещё одну фразу.

Вместо фразы он посмотрел на своего компаньона, тот кивнул.

- Мы не можем выполнить то, что обещали, - проговорил «стрелок» и медленно перевёл взгляд с меня на полицейского. – Более того, мы сделаем хуже. Тебе придётся умереть, потому что ты видел нас. Я знаю, ты никому не скажешь, но я не могу рисковать за всех нас. Такие, как он, - он мотнул головой в мою сторону, - очень ценны для нас, и чаще вы прежде нас до них добираетесь, поэтому пришлось протоптать к ним такую тропинку. Ты готов отдать свою жизнь за восстановление справедливости, за воздание по заслугам тем, кто не так давно отнял у него ребёнка? Эти люди и сегодня продолжают отнимать детей, чтобы творить с ними то, что ты себе даже в твоих кошмарных эротических снах не позволяешь.

- Да-да, готов, только не убивайте!

- Готов?

-Да-да, готов, готов.

«Стрелок» замолчал, полицейский тоже.

- Вот и хорошо, - произнёс тот, что держал пистолет в направлении лица полицейского, и стал медленно опускать руку с пистолетом, а когда направление ствола совпало с сердцем, нажал на курок.

Звук выстрела из пистолета, когда на нём накручен глушитель, всегда производил на меня какое-то жуткое впечатление, нежели нормальный, сопровождаемый грохотом, эхо и прочими вытекающими. Но приглушённый такой выстрел в метре от меня, и звук врезающейся в человеческую плоть пули в почти кромешной темноте и тишине…

Обратились ко мне:

- Мы уже около пяти лет занимаемся сбором информации о людях, которые имеют какое-то отношение к хищению детей. К хищению или изъятию – не имеет значения. Всё сводиться к одному. Если тебе имеет значение, моего ребёнка тоже отняли от моей жены, когда мы с ней расстались. Я до сих пор его ещё не нашёл. Поедешь с нами или будешь сам искать?

Я всё ещё мог подумать, что это какая-то провокация, что убитый полицейский, нисколько не убитый. И я всё ещё сомневался. А потом - как они мне помогут, если сами уже пять лет ничего не могут сделать? Но кто это – они? Могу я допустить, что какая-то организация может оказаться проворнее меня? Думаю, мне стоит своё самомнение сейчас куда-то деть. Ну, а вдруг провокация?

- У меня есть выбор? – спросил я.

- Правильно, пока нет. Садись в машину.

Я сделал первые пару шагов, ожидая, что тут же обратят внимание на моё положение – скреплённого двумя штуками наручников – и помогут, избавив от них. Но мне так и пришлось взбираться в высокий джип.

Те тоже сели – один за руль, второй рядом со мной. Я услышал щелчок закрываемого центрального замка. Мы ехали молча, под саксофонную музыку, минут двадцать. Подъехали к воротам, которые охранялись солдатами национальной гвардии.

- Это театр, - сказал тот, что сидел рядом, видимо почувствовав, как вокруг меня снова наэлектризовался воздух.

Какой, к чёрту, театр? Теперь мне стало понятно, почему мне не сняли наручники. Но, как-то они спокойны при моей реакции, а не заметить не могли.

На въезде в ворота я прочитал, что мы заезжаем на территорию Гидрометеорологического центра Министерства окружающей среды. Я немного удивился: где я, принимая обстоятельства, и где гидрометеорологический центр? В том смысле, что эти вещи, пока, несовместимые. Но, почему людей, убивших полицейского, как своего пропускают солдаты? Вопросов у меня накапливалось всё больше, а сомнение, что это вдруг не цирк не уменьшалось, поэтому я молчал.

Мы въехали в какой-то ангар, и мне вежливо предложили выходить из машины.

К нам подошёл высокий, худой и седой человек. Он назвал меня по имени, в двух словах изложил мою жизнь, уделив большее внимание событиям последним, и в конце, попытавшись изобразить проницательный взгляд, предложил снять наручники в обмен на обещание, что я покину территорию только после того, как пожму ему руку. Я сказал себе, что пора начинать сотрудничество, а один процент оставлю на побег, или что-то в этом роде, если только я не найду ответы на свои вопросы здесь, и согласился. С меня сняли наручники.

Первой мыслью было то, что я удачно обернул все обстоятельства в свою пользу, что красиво сыграл, и если, всё-таки, это цирк, я потом пожалею, что не воспользовался шансом запустить руку к пистолету «стрелка», нанося ему одновременно удар другой рукой, что б он упал, и там уже попытаться сделать ещё что-нибудь. А что дальше? Я спокойно принялся разминать тело. Ох, и чётко же все трое следили за моими действиями!

- Пошли, - предложил «седой».

Я пошёл за ним, а эти двое остались стоять на месте. Мне прибавилось уверенности и спокойствия.

Мы пошли по коридорам, то налево, то направо. В одном месте мой спутник прислонил палец к стене, и она ушла вверх. Мы вошли в кабину, оказавшуюся лифтом. Стенка опустилась, и мы поехали вниз. Путь составил около двадцати секунд. Судя по реакции организма, спуск не был быстрым – метр-полтора в секунду. Когда лифт остановился, стенка снова ушла вверх, и мы оказались, как можно было разглядеть, в широчайшем помещении. Тут и там были кабинеты, коридоры и проходы – частью стеклянные, где-то матовые, что-то было скрыто от глаз. Людей, попавших в поле зрения, я насчитал пятнадцать.

- Отсюда начнём знакомство тебя с нашей организацией. Это что-то типа приёмной. Здесь обычно в учреждениях сидит секретарша, которая встречает посетителей, предлагает им кофе, препровождает их по отделам. Кстати, на счёт кофе, м? – и «седой» попытался изобразить доброе и счастливое выражение лица.

Эта его маленькая уловка, впрочем, возымела своё действие. Отвалившаяся опасность, или как это вдруг показалось, обнажила голод и жажду. Я представил в руках «офисный» пластмассовый стаканчик с хреновым кофе - именно с хреновым, захотелось именно хренового - представил, как я делаю глоток этой горькой и горячей жидкости, и у меня закружилась голова от счастья, что это сейчас может произойти; но тут же стало немного тоскливо, потому что могло ж оказаться и так, что «седой» поинтересовался, но самой процедуры придётся дожидаться минут десять, потому что прямо сейчас, тут, такое наслаждение недосягаемо. Мне понравилось, как он указал четырьмя пальцами вправо от меня. Мы сделали по три шага и завернули за угол, у стены стоял кофейный аппарат с хреновым кофе, о котором я только что вожделел. «Седой» нажал на кнопку, и я подумал, что сойду с ума от звука вывалившегося в паз пластмассового стаканчика.

- Сейчас я тебе много чего расскажу и покажу, - сказал он, - а потом у тебя будет возможность сорок восемь часов спать, есть, пить и задавать вопросы любому, кого ты здесь увидишь. Через сорок восемь часов ты пожмёшь мне руку, и

покинешь нас, чтобы сделать то, что спланировал, или ты останешься здесь на очень-очень долго, и мы объединим наши цели и усилия.

Он передал кофе мне, взял себе и пошёл, а я за ним.

- О нас не знает официальная статистика. Ни о нас вкупе, ни по отдельности. Государство думает, что меня зовут так-то и так-то, что я возглавляю хозяйственный отдел этого центра, я даже иногда бываю на заседаниях правительства, - мой рассказчик усмехнулся, - но кем я родился, жил и работал государство не в курсе. Всё стёрто и подменено. Таким же туманом для всех государственных структур является то, чем я занимаюсь здесь и сейчас. О тебе, кстати, они пока знают. Но они быстро забудут. Собственно, кто мы такие, и чем таким занимаемся, что пришлось похищать тебя из полиции? Начну с последнего вопроса. Я тут хожу, присматриваюсь к тебе, анализирую… Мне необходимо удостовериться в адекватности твоих интеллектуально-психических свойств. Именно поэтому тебе пока никто ничего не сказал. Из полиции тебя пришлось похитить потому, что они первые до тебя добрались. Ты хорошо умеешь скрываться, не имея для этого должных навыков. Мы не смогли вычислить тебя. Позже мы создали вирус, чтобы проспамить всех государственных служащих на предмет вознаграждения за тебя. Они, конечно, виду не подали мэйлам, но в около сотни тысяч мобильных телефонов были забиты наш телефон под такими именами, например, как «Бывшая соседка» или «Одноклассник», или просто «Вычислить и убить». Вот, пожалуйста, сто тысяч государственных изменников сразу. С одним из этой сотни тысяч ты сегодня имел удовольствие познакомиться.

Мой собеседник замолчал и стал разглядывать меня, медленно сжимая стакан с недопитым кофе. Тот хрустнул у него в руке, кофе стало стекать струйками по его руке на пол. Я присмотрелся к этим струйкам на его руке, потом опустил взгляд на пол, отметил, что кофейные брызги попали ему на брюки и ботинки. Он невозмутимо продолжал, смотря мне в глаза:

- Почти всех нас объединяет одно несчастье – у кого-то когда-то случилось примерно то же самое, что произошло с тобой. Есть и волонтёры. Мы – это организация, которая уже несколько лет собирает информацию о самой грехопадшей системе, которая когда-либо существовала на нашей планете. Далее настройся на некоторый цинизм в моих словах, потому что так мне проще будет донести до тебя факты. Я не могу говорить с тобой, постоянно удерживая в сознании твоё несчастье. Мне приходится сильно напрягаться, чтобы подбирать слова, которые не будут ранить тебя. Педофилы существовали всегда, но такого размаха, которого им удалось достичь сегодня, благодаря современным правовым системам, у них никогда не наблюдалось. Сейчас они открывают целые школы по взращиванию своих сексуальных объектов. Дальше будет больше. Когда-то некоторые из нас, глубоко растоптанные и растерзанные их действиями, объединились в маленькую группу, которая начала их преследование. Всё, что хотели и могли сделать мы, это вычислять этих извращенцев и убивать их. В этой мести многие из нас находили для себя отдушину. Но не теперь. Хочешь найти людей, похитивших твою дочь? Найти и покарать? Может надеешься, что она ещё

жива и собираешься её вернуть, а потом со всей своей семьёй укрыться у азиатов? Пожалуйста, мы тебе препятствий чинить не будем, но и помогать не станем. Может, если бы немного раньше, но не сейчас.

Как я сказал, мы уже несколько лет занимаемся сбором информации обо всей этой разветвлённой системе, которая похищает или официально изымает здоровых детей, чтобы обеспечить горстке извращенцев удовлетворение искажённых прокажёнными мозгами потребностей их долбанных туш. Некоторые из таких сидят так высоко, что ты неприятно удивишься. Наша цель - собрать полную доказательную базу всей сети педофилов и представить их суду. Мы сделаем всё, чтобы в один прекрасный момент полицейские и военные наших Соединённых Штатов Европы, которые не причастны к этой сети, произвели аресты по всем Штатам всех полицейских и военных, которые работают на эту систему. Мы сделаем так, чтобы прокуроры, которые по вечерам сокрушаются у себя в домах и рвут на себе волосы от невозможности хоть как-то повлиять, изменить и остановить этот беспредел, завтра будут зачитывать обвинительный приговор таким прокурорам, которые по вечерам задаются вопросами, а какого из дилеров, торгующих детьми, предпочесть ему сегодня. Я сам лично надеюсь и верю, что увижу, как судьи, воспитывающие детей, будут судить судей, их растлевающих. Коротко говоря, да без лирики, в течение двух-трёх лет мы планируем вычислить каждого, причастного к педофилической сети, всех киднепперов и трафикингеров, всех чиновников, прикрывающих таким задницу, всякое высокое должностное лицо, покрывающее этот чиновничий беспредел, и всех, кто стоит за источником финансирования этой системы.

Там, на верху, - «седой» указал пальцем на верх, где располагался гидрометеорологический центр, - нас знают, как хренологов, которые предсказывают погоду, чем мы и занимаемся там, на верху. А тут ты можешь наблюдать средоточие того, чем мы являемся на самом деле. Для успешного завершения самой масштабной операции в истории человечества у нас имеется всё, но лишнему человеку всегда рады. Нам крайне важна высокая степень эффективности, поэтому мы не привлекаем людей с улицы, нас интересуют сильно мотивированные, такие как ты. Поэтому здесь все люди надёжные и преданные. Прежде, чем влиться в нашу организацию, придётся пройти жёсткий тест для нашего и твоего блага. А чтобы стать нашей частью, придётся пройти ещё и обучение.

Ещё раз. Сейчас не отвечай, но через сорок восемь часов ты должен будешь ответить: или ты дальше пойдёшь с нами, или отправишься мстить самостоятельно. Ты будешь думать о своём прошлом, настоящем и будущем, принимая это решение, но важно и то, что будет через пятьдесят лет. Всё, свободен. Сейчас к тебе придут и покажут твою комнату.

И он стал удаляться. А потом развернулся и проговорил:

- Кстати, ты не сказал ни одного слова. Ты говоришь?

- Говорю. Дайте мне хоть что-то пощупать руками из того, что вы мне наговорили.

Он обвёл рукой всё помещение.

- Нет, не то. Чтобы я зауважал вас лично.

Он стал медленно приближаться ко мне. Остановившись на расстоянии метра, достал телефон.

- Что ты сейчас сделал? – спросил он, улыбаясь.

- Попросил каких-нибудь доказательств, чего-нибудь, что можно пощупать руками. Просто я пока слышу только красивые разговоры.

- Нет, что было после?

Его улыбка заставила «щуриться» мой мозг в поисках ответа.

- Наблюдал, как вы подходите, достаёте телефон и спрашиваете, что я сейчас сделал. Я оскорбил вас своим неверием?

- Смотри, - сказал он и повернул ко мне дисплей телефона.

Я увидел, как на видео этот человек, снимая себя телефоном со стороны, просит посчитать меня до пяти, потом он поворачивает камеру на меня. Я выражаю замешательство, прошу разъяснений, слышу, как он повторяет просьбу, выполняю её, и через три секунды наблюдаю себя, стоящего со стеклянным взглядом. Слышу, как он говорит мне, что я не вспомню ничего с момента, как увидел телефон у него в руке. Видео обрывается.

Я перевёл взгляд с телефона в руке «седого» на него самого. Моё сознание было парализовано. Теперь, щуря глаза, я пытался нащупать у себя внутри хотя бы одну ниточку, которая приведёт меня к воспоминанию того, что я только что увидел. Такая глухота внутри – какое поражающее ощущение!

- Это было сейчас?

- Ты сам видел.

- И я теперь никогда не вспомню этого?

- Даже под гипнозом не вспомнишь, но дотронься левым мизинцем, до мочки правого уха.

Я сделал и тут же всё вспомнил.

- Есть что-то ещё, чего я не помню, благодаря тому, что только что со мной сделали? – спросил я.

Я пытался сдерживать рвущийся наружу смех – видимо нервное от увиденного, пережитого, вспомненного.

- Это был гипноз одного из наших преподавателей. Его личная наработка. Нет, не беспокойся, это можно было бы сделать, но накладно, - улыбнулся он и заключил, - нам нужны подлинники.

- Мои сорок восемь часов уже начались? – спросил я, заметив идущего человека, путь которого, скорей всего, пройдёт рядом с нами.

- Да, - сказал он и продемонстрировал готовность внимания, выпрямляясь в спине и соединяя руки у себя за спиной.

- Чем вы тут занимаетесь? – остановил я вопросом и рукой проходящего мимо мужчину.

- Когда не сплю, - улыбнулся он, - я наблюдаю за жизнью пяти Благополучных семей. Несколько скрытых камер у них дома и в общественном транспорте,

магазинах и учреждениях, где они бывают. Отслеживаю их электронную почту, телефонные звонки, через подставных клиентов выкупаю детей для возврата в семьи.

- Спасибо… - протянул я.

- Удачи, - коротко ответил он и продолжил своё движение; его улыбка была такой светлой и успокаивающей.

- Эй, - крикнул я ему, уходящему.

Он повернулся, замедлив ход, чтобы увидеть, как меня останавливает рукой «седой» и говорит:

- Иди – отдохни, я серьёзно. Ты уже плохо соображаешь. Мы не будем тебе помогать, ты поможешь нам.

И он был прав, что касалось моей усталости. От информации и пережитого, от впечатления от гипноза, нарушившего нормальную работу моего сознания, теперь я это почувствовал, я был близок к нервному срыву – я ничего не понимал, не готов был принять. Мной вдруг стало овладевать бешенство, я как-то остервенел, неизвестно почему. Так мне захотелось со всей силы запустить кулаком по стеклу, отделяющему нас от помещения, где на тот момент сидела какая-то девушка.

Я уставился на «седого».

- Сейчас появится один человек и покажет тебе твою комнату.

На этот раз он быстро удалился.

Меня ещё поводили по комплексу, указав на свободу моего перемещения где угодно в любое время, познакомили по пути с некоторыми сотрудниками, я увидел обучающие классы и занятия, проходившие тут же. Показали столовую, спортивный зал, библиотеку, кинотеатр; после всего, наконец, мою комнату, и оставили меня одного.

Я бегло осмотрел свой «номер» и отправился в столовую.

- Привет! Много еды, можно?- попросил я девушку, которая суетилась в глубине кухни, но заметив меня, приближающегося к стойке, устремившуюся ко мне на встречу.

- Привет! Можно, - красиво засмеялась она.

Я промолчал, взбесившись на себя за то, что мне не хватает настроения ответить ей на её игривый настрой.

Тень разочарования на какой-то момент отразилась на её лице. Но тут же она повеселела и, от души заполнив посудные ёмкости провиантом, установила мне на поднос густой гороховый суп, два вторых и, по моей просьбе, два стаканами кефира с бифидобактериями.

Я всё это смёл с четырьмя кусками хлеба и мне стало очень хорошо.

Душ в своей в комнате я принимал в полусознательном состоянии – мой уставший, взбешённый и обожравшийся организм отказывался работать дальше и требовал себе сна. И хорошо, подумал я, сейчас, как только лягу, сразу усну. Боялся (сегодня) мыслей о жене, сыне и дочке.

На следующий день долго лежал в кровати и смотрел в потолок. Предстояло подняться, и заняться ни тем, что входило в мои планы по возвращению в наш

штат в первый день. Я попытался отыскать что-то приятное в ближайшие минуты, полчаса, час. В разные моменты, наевшись сильно на ночь, я просыпался или разбитым, или голодным. Сегодня я проснулся голодным, и мысли о вкусном завтраке в столовой - где тебе всё подадут, потом за тобой всё уберут, и платить ни за что не надо – стали наполнять меня конструктивной энергией.

Я откинул одеяло и отправился в душ. Вчера вечером я уже был слишком уставшим и измотанным для любопытства, и только сейчас с удовольствием отметил хромировано-стеклянную обстановку душевой, чистые полотенца, приличную парфюмерию, бритву. Всё это произвело приятное впечатление, отчего настроение подскочило ещё выше. Но, как это иногда у меня бывало, разум, встревоженный каким-нибудь триумфальным событием или такими же мыслями, обязательно отрезвлялся приходящим из какой-то неопределённой бездны сознания чем-то противоположным, угнетающим, проблемным. Вот и сейчас, подумав об пятизвёздночности окружающей меня обстановки, я сразу подумал о цене, которую мне приходится за это платить. Решил вернуть себе настроение душем, вернее тем способом его приёма, который доставлял мне удовольствие – сел по-турецки в душевой кабине, и так просидел под падающими мне на голову струями воды минут двадцать, фыркая, плюясь и выталкивая челюстью заливающуюся в рот воду.

В шкафах отыскалась одежда с магазинными бирками. С удовольствием натянул на себя чистое, новое. Мозг уже заработал на всю. Стал размышлять - частью чего ж мне предстоит стать, если я определюсь с этим? Спускаясь в столовую, рассматривал людей, снующих туда-сюда, декорации, прислушивался к разговорам, вернее к их обрывкам, когда мимо меня проходили говорящие пары-тройки людей. В столовой от голода опять набрал двойную порцию еды, взял поднос, повернулся к залу, и решил присоединиться к троим мужчинам, сидящим за четырёхместным столом.

- Доброе утро, - сказал я, подсаживаясь (кругом было полно столиков, где никого не сидело).

Все ответили на моё приветствие и, видимо, не дождавшись от меня ни вопросов, ни предложений, продолжили свой разговор, как ни в чём не бывало. Говорил старичок в очках:

- Я проверял и проверял эту информацию. И продолжаю проверять. И продолжу. Я хочу установить этот исторический момент и зафиксировать его для назидания нам и для следующих поколений. Во что бы то ни стало! Я считаю это архиважным трекером в истории падения европейских нравов, именно с этого момента началось уничтожение всего доброго и разумного в геометрической прогрессии. Не от изоляции аквапофагов, как это указано в самом авторитетном историческом издании, кое является и основным учебным пособием – я говорю о Книге по истории Европы – которое прекратило напрочь все разногласия в исторических вопросах, а именно с этого момента, - говоривший человек отправил в рот полкотлеты, и продолжил с набитым ртом. – И его очень тщательно готовили, - он поднял вверх указательный палец. - Раскручивание понятия европейских

ценностей явилось, само по себе, первой концепцией, будучи насаждаемой с целью формирования первого позитивного отношения к запланированным социальным реформам. Помните описанный Дейлом Карнеги принцип трёх «да»? Надо задать три вопроса, на первые два из которых вы гарантировано получите положительный ответ, тогда и на третий вопрос вы наверняка получите согласие. В истории падения европейских нравов мы наблюдаем реализацию именно этого принципа. Сначала нам сказали, что действуют в рамках европейских ценностей; мы сказали: «да»; позже нам предложили промолчать, когда часть политических клоунов признается в своих грехопадениях; мы сказали: «да»; и тогда нам шприцанули третье…

- Прошу прощения, Министр, но, как говорится, предмет вашей учёной беседы настолько интересен (это фраза из Мастера и Маргариты, я помню, мне тоже она засела), что я не смог не вмешаться, - перебил его с соседнего столика здоровенный мужчина со спецназовской внешностью.

Все за нашим столиком повернули лица в его сторону.

- Вы что-нибудь слышали о личном дневнике Президента Войны? – сказал он. - Уверен – слышали. Думаю, весь цирк начался именно тогда, после публикации записей этого чиновника. Почитайте его записи – очень интересно. У него чётко описан процесс деградации честности и самостоятельности европейского чиновника усилиями трансатлантической дипломатии. Там же сказано, цитирую: зерном, давшим, наконец, чудовищные долгожданные плоды, послужило выступление их президента, когда он засадил своему чиновничьему аппарату идею, что гениально и то, когда ради признания и славы, если у вас нет таланта исторгать эпохальные творения и мысли, делаются и говорятся такие вещи, от которых блевать хочется. Тогда-то и появилась, хоть её никто и не просил, школа для приёмных детей из однополых браков. А уж с появлением этого сами знаете, что началось.

- Я что-то такое слышал об том дневнике, - ответил тот, кого перебили, - но это ж публичная информация. Я не слишком сторонник доверять источникам, которые выкладывают в интерент.

- Публичной эта информация стала, благодаря действиям хакеров-азиатов.

- Тоже не факт.

- Чёрт побери, вы правы, Министр.

- Но, за попытку спасибо.

- Да, всегда, пожалуйста. Я так и думал, что влезу сейчас, откуда не вылезу.

А «Министр» с невозмутимым видом, но возбуждённо продолжил:

- Тот, кто составил этот учебник, мало подумал, скажу я вам! Падение нравов в Европе никак нельзя было печатать на одной странице с указанием на изоляцию аквапофагов, вообще не следовало увязывать эти явления вместе. Ведь, тогда получается, что культура аквапофагов оказывала сколько-нибудь влияние на нашу, что имело место наличие точек соприкосновения нас с ними. Но ведь именно отрицание этого факта красной нитью отмечается на протяжении всего учебника. А получается наоборот! Обозначение связи падения наших нравов с изоляцией

аквапофагов напрямую указывает на аквапофагов, как на систему, которая это падение сдерживало. Падение нравов – это явление отрицательное, а сдерживание этого падения – явление положительное. Зададимся вопросом: какие усилия прилагали аквапофаги, чтобы сдерживать наше падение? Ни-ка-ки-е! Просто то, какие они есть, не давало нам стать такими, какими мы стали? Тогда зачем…

Я бы с удовольствием послушал, о чём ещё здесь будут говорить, хотя для меня немного диковато было слушать всё это, но мне стало скручивать живот (появилась нервозность), и я спросил только, в какой стороне ближайший туалет, и унёсся в указанном рукой направлении.

Сначала было экзотично побродить по коридорам, понаблюдать людей и полюбопытствовать по кабинетам, но через некоторое время у меня стали появляться признаки бешенства: то ли оттого, что нет-нет, да и напарывался на двери, куда не мог войти, то ли от того, как ко мне относились – как к какому-то домашнему питомцу, прогуливающемуся между них. При мне не смущались говорить, о чём им думалось, при моём приближении разговоры не затихали и не обрывались, а продолжались, как ни в чём не бывало, о чём бы до этого речь не шла (за исключением случая с двумя женщинами, которые, я засёк, сменили тему разговора, когда я к ним приблизился - обо мне говорили, наверно). Я стал думать, как мне спровоцировать хоть что-то, хоть какие-то действия в отношении меня, и решил подсесть к девушке, которая с глубоким вниманием сидела в наушниках за небольшим столом с двумя мониторами. Она своё панибратство продемонстрировала спокойным приподниманием брови, как будто из-за этого ей могло оказаться удобней скоситься на меня, подсевшего, и, как ни в чём не бывало, продолжила вслушиваться в наушники. Когда она их сняла, я спросил:

- Что слушаем?

- Директор одной из школ приёмных детей в Северном Штате сообщил в Министерство образования о необходимости отправки в психологический диспансер пятнадцати детей.

- И что это означает?

Женщина скрипнула зубами.

- Что вы видите на лице у этого ребёнка? – спросила она, указывая на фотографию в углу монитора (чёрт, вспомнил я, фотография моей дочки, она же была в кармане моего пиджака, срочно к себе в комнату, и проверить – на месте ли она; быстро закончить разговор, и к себе).

- Улыбку, - ответил я.

Она еле заметно выпрямилась – заметила, что я стал беспокойный после её вопроса, и, наверно, приписала это своему неосторожному вопросу.

- Завтра она и вот эти другие, - она провела пальцем под всеми остальными фотографиями детей в углу монитора, располагающимися рядом с первой, на которую она обратила моё внимание, - все эти пятнадцать детей навсегда лишаться обстановки, которая делает такое с их лицами.

Я хотел спросить у этой женщины, имеет ли эта девочка к ней самой какое-то личное отношение, очень хотел узнать, что привело эту девушку сюда, но можно ли

было это делать? Посмотри, сказал я себе тогда, где ты, кто и что тебя окружает. А не являются ли здесь такие вопросы табу?

- А наш Министр имеет к этому какое-то отношение? – не нашёл я ничего лучшего, что спросить.

- О, вы уже знакомитесь? – улыбнулась она. – Нет, он занимается историей культуры и нравов Европы нашего века.

- Ладно, спасибо, - сказал я, - пойду дальше (мне кажется, именно этого от меня все и ждут, чтобы я подошёл, задал пару вопросов и свалил). И я бросился к себе в комнату.

В кармане я нащупал фотографию дочки, но уже заранее сказал себе, что если она там будет, я её не вытяну. Я не хотел испытать горе, которое навалит на меня. Поэтому некоторое время посидел на диване, придаваясь невесёлым мыслям, а потом отправился опять на исследования.

В один из моментов моих прогулок ко мне подошёл остролицый высокий мужчина и попросил проследовать за ним. Я даже обрадовался.

Мы уселись за его стол, и он включил компьютер.

На мониторе через минуту замелькали с дюжину фотографий разлагающихся заживо людей. Мой собеседник увеличил одну, затем другую.

- Это последствия употребления «крокодила», - жестами рук он изобразил кавычки. - Вы понимаете, о чём речь?

- Я так понимаю, что не понимаю.

Люди на фотографиях были несчастные и страшные. Меня чуть не вытошнило от изображений гниющих до костей человеческих конечностей. На некоторых фото анорексичного вида молодые люди лежали на кроватях; их тела от лысых голов до пяток покрывали такие язвы, которые, если бы я не видел, что люди живы, должны были бы, по моим соображениям, привести к смерти любое тело прежде своего появления на нём. При всём напряжении своей фантазии не мог представить живых людей такими! Страшно и противно было это видеть, и жутко об этом знать. Я не хотел: ни продолжать смотреть, ни узнавать, что это такое, ни спрашивать, как и кто к такому состоянию приходит. Господи, свисающие куски кожи с зияющих, гниющих ран. Гниющие заживо люди!

- Крокодил – наркотик нищих. Кстати, весьма популярный у аквапофагов, как говорят. Самый смертельный наркотик в мире. Нормальное его название – дезоморфин, а «крокодилом» его прозвали из-за того, что его употребление приводит к органическим повреждениям кожи, она начинает выглядеть, будто покрыта чешуёй. Его изготовляют в домашних условиях из бытовых растворителей, серы от спичек, моющих средств, бензина и прочей хрени, которая всегда есть под рукой в обычном хозяйстве. Физическое привыкание наступает после второй инъекции, психическое после первой. Если с героином человек проживает лет семь, то с «крокодилом» максимум год. Но даже четыре месяца приёма «крокодила» обрекают человека на неизлечимое состояние. Моментальные гниения кожи, поражение мозга и всех внутренних органов. Вот такой, вот, интересный наркотик.

- Так, а мне это зачем показали?

- Тебе об этом скажут после.

- Я сделал что-то плохое?

- Нет, просто некоторая процедура. Но не торопись. Завтра-послезавтра ты узнаешь, зачем тебе надо знать, что это такое за наркотик.

- Клёво. Ну, я пошёл?

- Да, давай! До встречи!

Весь день я так и прослонялся из угла в гол, вернее от человека к человеку. Бегал пить кофе в столовую. В какой-то момент меня стало клонить ко сну, и я ушёл к себе поспать. Потом до полуночи опять ходил, куда только мог зайти. Никто меня нигде не останавливал, никто никуда больше не звал. Посреди ночи я набрёл на помещение с бильярдом и телевизором. Здесь никого не было. Сыграл сам с собой партию. Уселся в диван и пощёлкал пультом по программам ТВ. Ну и конечно, я всё это время усиленно думал. Вернее, думать я так стал под вечер, когда кругом стала устанавливаться тишина, когда люди стали расходиться по своим «номерам» (некоторые продолжали работать), когда мой мозг до отказа заполнился абсолютно неожиданной для меня информацией.

«Перестаньте не сомневаться в том, что вы думаете в отношении аквапофагов!» - бум, бум, бум – пульсировало моё сознание на услышанную часть фразы между двумя мужчинами, вроде интеллигентными и неглупыми на мой взгляд.

«Но, ведь, всё указывает на то, что их вообще тогда не существовало! Какой интернет? Интернет – это наше изобретение и пользование им весьма и весьма ограничено. Может азиаты до сих пор так ничего подобного и не придумали. Может и придумали, но уверяю вас – аквапофаги существуют максимум тысячу лет. Это – потомки ссыльных, отстранённых от демократических процессов и изгнанных из цивилизации. Тщательно продуманная процедура изгнания, вынужденно запущенная преждевременно, тем не менее, дала нам чистоту взглядов и благость…»

«Отец рассказывал мне, что у него были родственники среди аквапофагов» - ещё одна мысль, которая выдавливала мне мозг из черепной коробки, а всё потому, что мне мой дед когда-то говорил тоже что-то похожее, но я плохо помню своего деда, а может это и вообще было сновидение.

«Хотите послушать?» - предложила мне девушка, которая полулежала в кресле с наушниками, к которой я нагло подсел. Она сняла наушники и протянула их мне:

«Не называй меня так в телефон!»

«Я могу называть вас так, Министр спорта, потому что если нас кто и подслушивает, то они прекрасно знают вас и меня. Но они будут молчать, потому что они вам разрешают покупать этих детей, а мне продавать их. И потом, если вас что-то не устраивает, есть ещё сотни таких, как я».

«Ты б хотя бы делал вид, что время от времени заботишься о своей репутации».

«А вам уже пора подумать о спасении своей души, в вашем возрасте уже многие этим занимаются. А вы всё не насытитесь. У вас есть свои дети?»

«Ни тебе читать мне мораль. Завтра к вам приедет мой охранник, отдашь ему всех, кто у тебя на сайте в разделе «премиум».

«О, намечается вечеринка?»

«Манай, ты очень дерзкий, наглый и невоспитанный человек. Ты не боишься, что своими выходками ты поставишь кого-нибудь перед дилеммой – убить тебя или нет?»

«А ещё я самый удачливый! Вы же знаете, чей я человек? Вы же знаете, кому я поставляю товар? Сколько мне благодарных? Министр, я хорошо знаю своё место – поэтому у меня мало проблем, а вот те, которые пытаются ухватить бога за яйца, обречены на страдания. Я ещё не успел обновить страницу, но в «премиум» у меня ещё девочка восьми лет подготовлена и мальчик десяти. Хотите и их присовокупить к своему заказу?»

«Да».

Я снял наушники и отдал их девушке. Она прислонила один динамик к уху.

- Как вам? А? Каковы, а? Хоть сейчас езжай и наказывай.

- Так почему бы так не сделать?

- Делали – толку мало. На их место приходят другие, как правило, хуже, а провал предшественников делает следующих изощрённей. Но эти, я так понимаю, доживут до своего апокалипсиса.

- В смысле?

- Через полтора года накроем каждого.

Я подумал, что ещё такого ужасного успеют натворить за полтора года такие люди, которых я только что слышал в наушниках? Как можно спокойно наблюдать за всем этим? Я хотел об этом сказать, но спохватился, отметив для себя огульный местный иммунитет к данной теме. Все здесь спокойно наблюдали, записывали и планировали. Все были невозмутимые и уверенные, и эта девушка показалась мне самой эмоциональной, но и она сидит, и слушает, как происходит торговля детьми. Слушает – и сидит…

Я начал анализировать, что мне удалось узнать за день, но каждое мгновение вспоминал, зачем я оставил жену с сыном в горах, а сам нахожусь тут. И...

Задался вопросом: что я получу хорошего, если останусь тут и впрягусь в задуманное этой организацией (роли, правда, я пока своей среди этих людей не представлял). Во-первых: приятно осознавать себя, пусть даже ничего не получится, частью системы, которая серьёзнейшим образом восстала против сложившегося оголтелого и тлетворного устройства в нашем государстве. Поэтому, первое, что я получу, это причастность к возмездию для тех, кто похитил моего ребёнка и тысячи других таких детей. Что ещё хорошего я получу? Полтора года вероятной жизни, причём в окружении именно той информации, которая мне надо, и здесь я смогу думать и действовать в своём, нужном мне направлении. А можно ли то же самое сказать, окажись я там, на поверхности? Я не смог просуществовать и двух часов, оказавшись на территории своего штата. Третье: я смогу воспользоваться инструментами организации для добывания информации о местонахождении конкретно моей дочери. Может мне будет предан официальный статус, будут

изменены мои имя и фамилия, и может я смогу пару раз посетить свою жену с сыном.

Я спросил себя, а что будет хорошего, если я не соглашусь остаться в этой организации? Во-первых, отвечал я себе, я смогу действовать самостоятельно, а, как известно, когда тебе приходится действовать в одиночку, предательства и подставы исключаются. Во-вторых, эти ребята знают меня, они будут следить за моими действиями, и можно надеется, что у них осталась капля сострадания, и в нужный момент я смогу рассчитывать на помощь, пришедшую из ниоткуда. Малодушно так думать, всё-таки. В-третьих, я уже завтра начну действовать и физически ощущать приближение к своей цели.

Что будет плохого, если я останусь работать в этой организации? Мне будет поставлена посторонняя цель – это раз. Два – я обману своих жену и сына. Мне придётся заниматься прослушкой, вместо того, чтобы заниматься настоящим мужским делом. У моей дочки не будет человека, который будет заниматься решением вопроса по её безопасности, по вызволению её из плена. Мне придётся каждый день сталкиваться с новыми фактами хищения и насилия детей, и либо я не выдержу психически, либо очерствею, как все эти люди – это четыре, вроде.

И, наконец, что будет плохого, если я не останусь в этой организации? Ну, во-первых, я выйду в мир без всей этой информации, а как я собирался действовать, не предполагая даже, против кого мне выступать – это пахнет провалом. Я выйду отсюда, и там вернусь к себе прежнему, и быстро окажусь в лапах полиции или каких-нибудь спецслужб, и всё, на этом всё будет кончено. Одно дело убить двух вояк, другое дело пойти против половины агентов спецслужб моего государства. Да меня раскатают в течение недели! Два – я не верну дочку, а жена с сыном ни о чём так и не узнают до конца своих жизней. И кому я сделаю хорошо?

И вообще, кому я сделаю хорошо, если соглашусь на участие в этой организации, а кому – плохо? А кому сделаю хорошо, если не соглашусь, а кому плохо?

Все эти вопросы приводили меня к тому, что мне необходимо остаться тут и сидеть с наушниками на ушах, надеясь, что когда-нибудь проскочит информация о моей дочке, и я смогу изловчиться, чтобы мне позволили её вернуть. Я крутил этот вопрос со всех сторон и понимал, что скорей всего мне придётся остаться тут. Что ни больше, ни меньше, а это - самое, что я должен сделать. Мне не нужен был завтрашний день для принятия решения. Но я решил им воспользоваться, потому что как-то определился для себя, что судьбоносные решения я всегда буду принимать, подумав чуть больше, чем того хочет мой характер.

И на следующий день я продолжил то же самое, что и в первый.

В какой-то момент меня перехватила в коридорах та девушка, которая давала подслушать разговор между Министром спорта и дилером Манаем, и попросила пройти с ней. Мы пришли к её рабочему месту.

- Помните, они вчера договорились, что сегодня приедет охранник? Смотрите, - она указала пальчиком на монитор.

Я подсел рядом с ней, а она стала переключать камеры за камерой, отслеживая

перемещение чёрного «бусика» по центру нашей столицы. Вот «бусик» подъехал к частному дому; ворота дома открылись, и «бус» проследовал к чёрному ходу. Через какое-то время из дома вышел человек, потом зашёл обратно, через пять минут он вышел и усадил в машину восьмерых детей. Мы стали смотреть, как машина стала выезжать с территории частного дома, как отправилась в направлении центра, как пересекла его, как, покинув центр, оказалась на окраине, как удалилась от города, как мелькала среди деревьев в лесопосадках, как въехала на территорию другого частного дома – большого, красивого, богатого.

- И мы ничем не можем им помочь?

- Именно им – можем. Но как быть с остальными двумястами восьмьюдесятью, которых сегодня аналогичным образом развезли по таким же домам? Как быть с другими несколькими тысячами, которых моментально уничтожат, заметая следы, потому что они сочтут, что у них где-то произошёл сбой в системе?

Я уставился во внутрь себя.

Я хороший экспонат, подумал я, чтобы остаться тут и принести пользу. Если я не соглашусь, на моё место будут искать другого, а где гарантия, что он повторит меня или, что лучше, окажется перспективней? Меня окликнули, я обернулся. У нас за спиной стоял «седой».

- Пойдём, пришло время поговорить.

Я поднялся, и мы медленно двинулись по коридорам.

- Судя по твоим глазам, ты решил запастись терпением – тут, - сказал мне «седой».

Я ответил, что да, выложил ему все свои расчёты и мысли. Что-то он отсёк, в чём-то одёрнул, но в целом отметил мой хитрый уклад. Но я понял, что рассчитывать на их помощь я могу где-то в районе ноль целых, одна десятая процента. Некоторое время наш диалог носил какой-то ловкий и игривый характер, а когда он убедился, что я настроен более-менее серьёзно, сказал:

- Что ж, подписывать никаких бумаг от тебя не потребуется. Первую стадию ты прошёл, и ты сказал «да». Тогда переходим на вторую ступень – мотивация.

Я вопросительно приподнял бровь.

- Теперь будет поезд, - улыбнулся он.

Мы подошли к стене, которая через три секунды ушла в сторону. За стеной оказалось что-то типа перрона, у которого стояла мини-электричка.

Мы забрались на сиденья, «седой» нажал кнопку, и горизонтальный лифт унёс нас в темноту. Лампочки проносились перед моими глазами секунд шесть, и мы остановились на другом, почти таком же перроне. Очередная стена сместилась в сторону, и мы оказались в другом коридоре.

- Кем видишь себя у нас? Чем бы хотел заниматься? – спросил он меня, когда мы шли по коридору.

- Я думал, что тоже смогу заниматься прослушкой, а есть другие варианты, какие варианты есть?

- Ты будишь удивлён. Молодец, что согласился. Ты не пожалеешь, и мы не пожалеем, и через полтора года воздадим каждому из тех и таких, чей телефонный

разговор ты вчера слышал, по самым-самым заслугам.

- А что произойдёт через полтора года?

- Нет смысла пока тебе говорить, для начала надо ещё больше поведать тебе о том, куда ты попал, и какая роль будет отведена тебе.

За разговорами мы подошли к одному из сотрудников, сидящему за монитором.

- Покажи нам резиденцию Министра спорта.

На экране показалось несколько изображений от различных видеокамер, видимо установленных в доме этого министра. На этих изображениях можно было видеть троих мужчин, находящихся в разных комнатах. С каждым из них было по ребёнку. Каждый из них выделывал с детьми такое, что я увёл взгляд от экрана и ухватился рукой за горло. Я побоялся, что меня сейчас вытошнит – от гнева.

- Насмотрелся сразу, больше не хочу, - ответил я.

- «Не могу» - ты наверно хотел сказать? А ты смотри. Кто, если не ты? Может у тебя есть более подходящая кандидатура? Может, посоветуешь человека с более устойчивой психикой, с более выдающимися интеллектуальными свойствами? Знаешь, двести восемьдесят детей в данный момент подвергаются такому насилию, столько же сегодня похищено и изъято новых по всей Европе, потому что этот штат надо пополнять. И что этим детям делать, если дядя, который им мог бы помочь, написал в штанишки от вида издевательства над ними?

Его слова хлестали меня безжалостно.

- Давай, ну. Что мне следует сказать им всем, если бы у меня была возможность? Что, дядя, ты бы хотел им передать?

Я стал делать над собой усилие, чтобы не отрываться от экрана. Я смотрел, смотрел, смотрел – и чувствовал, как во мне рождается другое существо. Я как будто изнутри наполнялся каким-то свинцом. Свинцовыми становились мои кости, мышцы, мозг. Мне казалось, что я превращаюсь в непобедимое, бесстрашное и всемогущее существо, чтобы в вечность находить таких тварей, и уничтожать, уничтожать и уничтожать их – сотнями и тысячами.

- Через четыре месяца, - сказал «седой», - мы запустим операцию по выжиганию этой раковой опухоли в нашем организме. Это будет невиданная до сегодняшнего дня операция, неслыханное сражение. Бог, видимо, оставил нас. Он давно должен был выжечь нас, затопить, навести мор – ничего из этого не происходит. А только всё хуже, хуже и хуже. Ты – солдат. Солдат, который должен будет отправиться в этот мир, чтобы подготовить почву для искоренения мракобесия из нашей цивилизации. Вот - уготовленное тебе. Смотри. С этим ты будешь иметь дело. Сможешь сделать что-то, размером хотя бы с молекулу, чтобы остановить это безобразие, и уже будет что-то. Пошли.

Мы оставили кабинет, где сидело около сотни таких сотрудников, занятых каждый у своего компьютера аналогичным делом.

Проходя мимо кофейного аппарата, он сделал нам по кофе. Я попытался ловко ухватиться и перенять пластмассовый стаканчик из его руки, потому что он взял его так, что, по идее, должен был ошпаривать руку. Но он продолжал удерживать

его, и не отпускал, и уставился мне в глаза.

- Как ты? – спросил он.

Я удвоил усилие, чтобы избавить его от обжигания руки, и ловчее попытался перехватить стакан, думая, что ему теперь совсем горячо, но он даже не менялся в лице.

- Как ты? – повторил он вопрос.

А я уже был более-менее, вот что.

- Откуда финансируется организация? – спросил я.

- Здесь маленький нюанс: восемь десятых стран мира принимают какие угодно позы, лишь бы угодить стране под номером один, но это две десятых населения земли. Поэтому восемь десятых стран мира ведут мракобесную политику, а восемь десятых населения земли против этого мракобесия. Возьмём наши Европейские Соединённые Штаты. Можно подумать, что клоунада. Сколько и что говориться, а что делается? На самом деле клоунов у нас, как и везде, тысяч тридцать на двадцать пять миллионов жителей. Поэтому, слухи в отношении нашего мира, как о субстанции не без добрых людей, сильно приуменьшены.

- Ты что-то говорил о солдате. Мне не показалось, что ты вкладывал в это слово какой-то посторонний смысл?

- Нет, не показалось, ты будешь таким солдатом. Вернее сержантом.

- Сержантом?

- Это будет твой позывной.

- Ладно, давай приступим ко всему, что меня к этому «сержанту» приведёт. Я готов, прямо сейчас.

- Это и хорошо. Это-то от тебя сегодня и потребовалось бы. Потому что со временем у тебя проблема. Тебе предстоит за несколько месяцев освоить то, чему здесь ребята уже учатся от трёх до пяти лет. Пошли.

Так я оказался членом этой тайной организации. Хотя – нет. Было ещё кое-что, о чём сейчас.

Для начала Седой (а это оказался его позывной) провёл меня ещё по нескольким людям, которые занимались сбором информации о том доме, с которого увезли детей. Это дом, где жила семья Ночка. Они должны будут стать моими подопечными (так что, не просто так мне дали подслушать разговор между одним из членов этого дома и их клиентом – это меня уже стали подготавливать к тому, что меня ждало). Мне дали подглядеть, подслушать, и таким образом ознакомится с жизнью, работой и досугом членов этой семьи. Я увидел статистику их продаж (речь, конечно, о торговле детьми). Мне дали посмотреть, как они добывают детей, как воспитывают, рекламируют и сбывают.

По мере знакомства с теми, с кем мне предстояло в дальнейшем иметь дело, во мне всё больше росла решимость; но ещё более примечательным становилось для меня то, что зародившийся в глубине моего существа, а теперь заполняющий, разрастающийся по всему мне, будто полип, какой-то непонятный свинец волновал мою душу намёком на такое прекрасное явление, как предназначение. Прошлое померкло, будущее определилось, я, наконец, ступил на свой путь, на ту стезю,

которую мне уготовила судьба – было ощущение, будто только что я установил последний элемент пазла. Кто-то сказал, что мы все гуси, которых откармливают, чтобы в тот или иной праздник призвать к столу в виде жаркого. Я очень сторонился этой мысли, я боялся, что это может оказаться справедливым утверждением и в отношении меня, без возможности повлиять на изменение такого порядка. Но теперь я мог с уверенностью сказать, что участь такого гуся пролетит мимо меня, как тот самый гусь, а я, видимо, окажусь поваром, который приготовит к столу много таких гусей. Хотя… Еще, как говориться, не вечер. А ну - я где-то сдам? А ну - не устаю, сбегу, испугаюсь, сломаюсь в конце концов? Вдруг подведу, подставлю? Всех. Всю организацию. Я всегда ненавидел себя в такие моменты. В моменты, когда я начинал предполагать развитие событий по негативному сценарию. Потому что в четырёх случаях из пяти так и происходило.

Что же от меня требовалось? Изучить то-то и то-то, постоянно отслеживать тех-то и тех-то, а потом, по команде, нас отправят на физический сбор информации, а отчасти, на искоренение недоказуемого.

Мне сказали, что дело моё в полицейской системе замнут; но всё равно, на поверхности мне лучше будет появляться, слегка меняя внешность, под чужим именем, и вообще, осторожность не помешает. Мне сказали, что я смогу посетить своих жену и сына, но не раньше, чем через месяц, когда выработаю иммунитет к пыткам, и если у меня будет время, потому что с этим, как мне часто подчёркивали, у меня проблемы (я этому внутренне улыбался всегда; может попытка внушения мне, таким образом, какой-то запредельной значимости моей персоны, что даже не умещалось у меня в воображении, приводило к такой нервной реакции?). И, наконец, когда станет известно что-то определённое о моей дочери, мне предоставят всю информацию, и с вызволением её мне помогут. О чём, кстати, я, конечно, не упустил случая спросить. Мне теперь стало удивительно, и где-то изнутри даже стал подкрадываться гнев, что мне до сих пор ничего о ней не сказали. На что получил ответ, что животное-монстр, против которого мы выступаем, тоже не дурно и не глупо, если не сказать больше. Пользуясь возможностями государственного аппарата и его потенциалом, педофилическая система огородила себя тысячами аналитиков и высоких специалистов, усилия которых денно и нощно направлены на создание увёртливой, и постоянно меняющейся среды, в которой двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю можно красть и официально изымать детей, прививать им сексуальное воспитание и растлевать их. Или уничтожать их, если они не справляются с тем, что от них требуют. Что-что, а недооценивать наших врагов – было последнее, что следовало допустить. Тяжелейшие условия для работы. Мы принимали, как погрешность, что можем недооценить своих врагов или переоценить себя, результатом чего станет наше поражение, но прилагаемые усилия, технологии, наш интеллектуальный потенциал, вера и самоотдача вселяли в нас надежду, что мы идём серьёзным и правильным путём. В конце концов, для большинства из нас уже нечего было терять. Так что, даже если мы проиграем, мы погибнем гордыми, и гордиться будут нами те, кто нас знал. В этом случае можно бросаться голой грудью на арматуры.

На третий день моего пребывания мы с Седым стали итожить моё представление об организации, мои установки, желания, устремления. Мне предложили сформулировать цель организации, а потом показали, насколько это совпало с реальной её целью. Сотни раз я уже говорил себе, что я часть этого возмездия, что я уже действую, но Седой... Тот продолжал пичкать и пичкать меня всевозможной информацией, постоянно спрашивая, как мне то, как мне это. А когда я уже твёрдо сказал, что готов приступить к работе, он, присмотревшись ко мне в последний раз оценивающе, ответил:

- Тогда, Сержант, последнее. Уколы делать умеешь?

- Нет, - ответил я.

- Придётся научиться, вдруг ты этим кому-то не понравишься в какой-то момент. Должен уметь делать всё. Тебе придётся иметь дело с разными людьми, в том числе и с теми, кто балуется такими вещами. В общем, если и прокол, то не в таком случае, и не так.

- Ладно, - ответил я.

- Да, Сержант. Всё, что зависело от тебя, - станешь ли ты одним из нас, - ты уже сделал. Теперь надо убедиться, что ничто тебя не остановит. Тебе придётся самостоятельно расширить рамки своей мотивации, собственноручно повысить цену своих будущих действий в своих глазах. Тебе придётся пройти через испытание, где твоя воля, разум и тело будут уводить тебя в сторону. Тебе, в первую очередь тебе самому, придётся убедиться, что ты сильнее всего, что встретиться у тебя на пути. Это искусственная прослойка обеспечит тебе сохранность в будущем, как ничто другое не сможет. Ты должен прикоснуться к одновременно ужасному и прекрасному, чтобы больше тебя не смогла взволновать ни одна крайность. Если останешься на пути – пойдёшь дальше. В этом смысле тебе не повезло. Ты солдат, поэтому тебя ждёт «крокодил». Тебе ж показывали, - и он, будто отец, серьёзно уставился на меня.

- «Крокодил», о котором я сейчас думаю? – спросил я.

- Да, и ты можешь отказаться. Сегодня ты скажешь последнее «да» или «нет». Ты сам сделаешь себе инъекцию. Если после этого наркотика ты захочешь и сможешь продолжить борьбу один, без постороннего вмешательства, клянусь тебе: моя жизнь – твоя жизнь. Даю тебе час. Встретимся позже.

И Седой ушёл….

А я, постояв несколько мгновений, с трудом веря, что всё это – происходящее, и имеет какое-либо значение вообще, что это может иметь серьёзный смысл, и я стою лицом к лицу с этим на самом деле, погрузился в размышления. Полная дурость, вперемешку с каким-то шутовским, несуразным апломбом предстоящего мероприятия, лишь кое-как обосновывалась усилием последней, отчаянной мысли, которая во всём этом видела целесообразность в создании условий такого свойства, когда, с чем бы потом я не столкнулся, цена вопроса будет казаться мелочью в сравнении с тем, что пришлось пережить мне до этого. С другой стороны, если меня, действительно, собьет с этой дороги какой-то там наркотик, я буду знать, что меня можно было сбить с моей дороги, например, пыткой или какой-нибудь

суммой денег. Вернее, если я это узнаю, то я не буду уже этого знать. Как я понимаю, жизнь у людей, попробовавших этот наркотик, разделяется на всё, что было до, и то, что становится после. Моё тело стал «подкидывать» адреналин, а сознание спокойно констатировало, что здесь и сейчас это произойдёт, что до этого момента осталось может час, может два. Что я испытывал, когда понял, что сейчас попробую наркотик, от которого даже самые ярые наркоманы не в состоянии отказаться? Ничего. Пустоту. Я был спокоен. Просто размышлял. Может, потому что это пока прибывало в мыслимом пространстве? Наркоманы, они и есть наркоманы. Это аура, судьба, жизненный сценарий, так сказать. Поэтому-то они и не могут отказаться от дальнейшего употребления наркотика. Им это надо, чтобы не перестать быть теми, кто они есть – людям тяжело менять самостоятельно свою судьбу. А я? У меня ж другой случай. И, всё-таки, очень, очень не хотелось, как мне казалось, маяться такой фигнёй. Послать всё? Послать и попытаться самому? Так ведь, максимум два дня - и я труп.

Что мне надо сделать сейчас? Я могу сидеть и рассуждать, что судьба каждого не у него в руках, всё это пути господни; как он, там, на верху, решил, так да будет. Даже в отношении этих несчастных детей. И тогда, так думая, я гарантировано откажусь от всего. Или. Я могу сидеть и прокручивать картинки, которых сегодня вдоволь насмотрелся, представлять, сколько детей сейчас страдает, видеть, как они переживают то, что им уготавливают демоноподобные, которые не задаются особо вопросом, можно ли так делать вообще, или можно, потому что он там, на верху, так решил. Вот, ведь, взять хотя бы нас – каждый отдельный организм. Разве может у кого-то возникнуть желание наказать свою левую руку за то, что она не такая развитая, как правая? Обе они действуют вкупе, обеспечивая нас тем, что нам от них необходимо. Пусть левая рука ударит по правой. Определим мы правую в рай, а левую в ад после этого? Нет. Потому что они части нашего организма, и у нас даже мысль не рождается, чтобы выдумать какой-либо части нашего организма наказание по окончании жизни нашего тела. Каждое действие, совершённое нашими частями, целесообразно! Тот же удар левой рукой по правой несёт свою цель, понимаемую и принимаемую нами, но и без этого никто никогда не задаст взбучки своим рукам за то, что они подносили ко рту много сладкого или солёного, или синтетику, или спиртное, или наркотик. А если мы все являемся частями одного организма? Ведь, следует такая же логика. Значит, можно всё. Всё, что только выдумаем. Каждому можно всё. То есть, всем этим тысячам политикам, шоуменам и другим социальным деятелям, если взбредает в голову насиловать детей, можно это делать, а мы, такие, имеем такое же «естественное» право на уничтожение всего этого мракобесия для защиты своих детей от них. И всё это для какого-то нашего общего блага, всё это имеет какой-то вселенский смысл? Или. Вот у нас имеется двое детей. Разве мы введём в практику: кто из них хорошо себя вёл днём, тот спит на кровати, а кто вел себя плохо, тот спит на раскалённой сковородке? Нет. Потому что мы их любим. А Бог разве не есть любовь? Значит, и он никого не станет так наказывать, но побранит. Но размышления – размышлениями, философия – философией, а поступает человек обычно, как надо.

Что-то не даёт ему творить зло. Есть внутри у нас какой-то незаметный механизм, который оказывает существенное влияние на наши поступки. А если такого механизма нет, то и жизни нормальной тоже нет. Жалко, что такие, последние, портят, а зачастую и вообще уничтожают жизни других.

Так я начал рассуждать. Дальше – больше. Через полчаса я почувствовал, как за всеми этими мыслями сижу уже со скукоженным лицом. Мне было очень плохо, но я думал о тех, кому из-за этого хорошо. А если я позволял себе подумать о личном комфорте, об избегании всех этих испытаний, проверок, обучений, о том, что мне может быть хорошо вообще, если я пошлю всё к чертям, меня начинали осаждать мысли о тех, кому, в таком случае, будет хуже, чем мне сейчас. И на самом деле. На чьём месте я бы предпочёл оказаться: на месте насилуемого ребёнка или на своём, с перспективой пройти через страшнейший наркотик, с последующим обучением и участием в операции, которая может стоить мне жизни. А собственно мне и предлагается сейчас то, что я боюсь больше всего на свете – физическая боль. Хотя… Может я и ошибаюсь, что для меня это самое страшное. По-разному бывало, было много и физической боли, но я не сдавался. Мне кажется, что я, например, тот человек, который сломается при нормальных пытках, а в то же время, где-то глубоко-глубоко у меня сидит какая-то непонятная субстанция, которая говорит мне, что я даже не представляю, на что способен, когда у меня есть идея. Да, может и так.

Не одно из сомнений будущего, но дикость и ужасы прошлого, скорей всего, заставили меня через час сказать «да» «крокодилу»; не страдания вчерашнего и сегодняшнего дня тех, кто не должен слышать даже грубого голоса, – детей, - но их беспомощность и участь в будущем подтолкнут меня сказать «да» моему участию в этой организации, которая, даже если и потерпит фиаско в своём конце, так чётко и приятно тешит уже сейчас моё представление о добре, справедливости и возмездии.

За этими мыслями стала приходить спокойная уверенность, что я отправляюсь в самый святой путь, который может быть назначен человеку в наше время. Не схожу ли я с ума, думал я? Не впал ли я в заблуждения? Откуда у меня, так чванящегося во всякие моменты своим здравомыслием, фанатизм? Но - нет. Даже разум был на моей стороне. Ничегошеньки-то мне не оставалось, как пройти через всё это дерьмо, чтобы вернуть лучезарному его святое дыхание, чтобы спасти хотя бы одного ребёнка, жизнь и здоровье которого стоит таких как моя сотен, да что там говорить, бесценна. И кто, как не мы, каждый из нас, взрослых, в ответе перед каждым растленным ребёнком за то, что с ними сделали такие же, как мы – взрослые.

И я отправился искать Седого.

Пока я его искал и расспрашивал о нём сотрудников, где бы я мог его найти, мне всё больше становилось ясно, что я всего этого хочу, но «крокодил» пугал. Просто пугал. Отвращали часы, которые мне придётся потратить на прохождение всей этой канители. Пугало делать самому себе инъекцию, но я уже понимал, что без всего этого я – труп, а с этим… А с этим я уже чувствовал, что я становлюсь

монстром. И я уже хотел этого монстра внутри себя. Я хотел его звездоносной и сумасшедшей пляски.

- Что ж, - сказал Седой, - тогда в лабораторию.

И при этих словах я вспомнил своё первое посещение стоматолога, когда я сидел в коридоре и слушал, как гудят «зубодробильные» аппараты в кабинетах.

Вот только сейчас я входил в «кабинет» не с трясущимися ногами, и даже не с лёгким мандражом, который следовало от меня ожидать. В лабораторию я входил уже другим человеком. Монстр у меня уже ликовал и упивался предстоящими событиями – я уже жил тем, когда я впервые столкнусь лицом к лицу с одним из тех демонов, которые думают, что можно вечно безнаказанно отбирать детей от их родителей. И не просто отбирать. Я уже тогда решил, что найду того, кто кое-что заслужил, поэтому я сказал «лаборанту», который стал доставать их холодильника пузырьки:

- Я сам хочу намутить этой бодяги. Поучаствуйте только теоретически.

- Никаких проблем, - ответил «лаборант».

Седой внимательно наблюдал за нами.

Мне очень захотелось запомнить, как изготовить этот наркотик, который, как я узнал, можно сделать из подручных средств на кухне у любой хозяйки. Я уже задумал, что это «удовольствие» окажется достойным завершением парочки никчёмных жизней, когда я до этих жизней доберусь.

Смешав в нужных пропорциях перекись, йод, спирт, какое-то средство для прочистки канализационных труб, то, другое, поварив это, сколько мне сказали, на специальной химической грелке, я вогнал светло-коричневую смесь в шприц и попросился к себе в комнату.

Мне сказали, что через несколько минут меня перестанет волновать, где я нахожусь. Вот уж где аргумент, пожалуй, был железный.

Я посмотрел то на одного, то на другого. Мне махнули головой в сторону медицинской кушетки. Я перевёл взгляд на устланную белой клеёнкой кровать на колёсиках. Интересно, подумал я, повезут ли меня потом прямо на ней в морг или к врачу; как я буду выглядеть на ней через пять, десть минут, через час? Решил, вот моё последнее пристанище, чтобы подумать – край медицинской кушетки, на который я облокочусь сейчас задницей, когда подойду. Я направился к кушетке со шприцом в руке, облокотился на неё задницей, как и представил секунду назад, и попытался сконцентрироваться на «подумать», но «это» уже не шло. Не думалось, не хотелось думать. С какой-то стороны даже кощунством стала казаться малейшая нерешительность. Но я замер, глядя на своё оголённое предплечье и на шприц в руке. А вот и вена, куда уже можно попытаться вогнать иглу с отравой. А там, за всем этим, меня ждёт дело – обучение, подготовка и операция. И даже если мы все проиграем, я одержу пару личных побед, и пусть эта будет первая…

- А, ведь, если бы я от всего отказался, убийство того полицейского, что меня к вам доставил, окажется бессмысленным, - рассудил я.

- В каком-то смысле – да.

- В каком-то смысле?! А жет убийство хотя бы в каком-то случае нести высокий

смысл?

- А ты задумывался об этом, когда делал дырку кулаком в виске того солдата?

Я медицинским жестом удостоверился в отсутствии воздуха в шприце и поднёс его иглой к виднеющейся выпирающей вене, и чуть надавил. Заточенный по последним технологиям наконечник иглы легко скользнул под кожу и дальше. Ощущение получилось, будто мне провели наждачной бумагой по нервам. Наверно я побледнел от вида бугорка кожи от иглы под ней. Ну и страшно стало немного. Проверил, попал ли я вену, и вогнал поршень до конца.

В руке появился жар, который резко распространился на всё тело, но, скорей всего это была химическая реакция организма на переживание, потому что тут же всё сразу стало в норме. Последующее ещё какое-то время позволяло моему разуму пытаться найти объяснение возникающим одним за другим ощущениям у меня в организме, чтобы делать их понятными и своими, а не подвергаться им, будто чужим, а потому пугающим, но ощущение времени и необходимость видения причинно-следственной связи во всём быстро оказались перечёркнуты полнообъёмным началом действия наркотика. Сначала появился вкус зелёных яблок во рту, следом приятно стало зудеть в руке, а уже в следующий момент волной захлестнул всё тело. Вторая волна зуда, оказавшись короче предыдущей, начавшись в голове, окатила всё тело ещё большей приятностью, доходящей до истомы. На третьей волны, ещё более приятной, но менее короткой, мне показалось, что вселенная со всеми звёздами вырвалась из меня наружу (не понимаю, почему я здесь не сошёл с ума). Потом одна за другой, штук десять или пятнадцать таких волн, - было уже не определить, - каждая качественней предыдущей, но короче по времени, заставили меня, в конце концов, застонать, и я испытал оргазм. Через несколько секунд, когда оргазм должен был прекратиться, начался второй, за вторым - третий, за третьим – четвёртый, за четвёртым – пятый. Я попытался прийти в себя и обнаружил, что стою на коленях на полу, упёршись головой в пол, с закрытыми глазами, а изо рта у меня вытекают слюни. Чтобы встать, упёрся второй рукой в пол, но от прикосновения к полу в ладошке появился уже знакомый зуд, распространившийся по телу уже знакомой волной, потом опять такая же вторая волна, начавшаяся из мозга, опять штук пятнадцать, и опять я пережил оргазм. И опять их последовало штук пять. Я открыл глаза, и подумал, что если сейчас закрою глаза, сразу опять кончу. Закрыл, так и произошло. Я подумал, что могу открывать глаза, закрывать, открывать, закрывать, и в зависимости от этого, то буду испытывать оргазм, то не буду. Попробовал, так и оказалось. Потом я подумал, что в какой-то момент перестану мочь открывать глаза, и тут же испытывая оргазм, попытался открыть глаза, но у меня ничего не получалось, но оргазмы не прекращались, а шли один за другим. И вот в этом состоянии, когда все оргазмы слились в один, не прекращающийся, я пролежал около восьми часов. Когда сознание вернулось в норму, я обнаружил, что лежу у себя в комнате на диване, прикрытый пледом.

О чём бы не шли мысли, всё начинало казаться совершенным и красивым, и это совершенство и красота начинали кричать о себе, заставляли мусолить себя,

мусолить, мусолить, выливаясь, в конечном итоге, в истому. Я подумал, как прекрасен мир, и как прекрасно быть в нём: как прекрасно посмотреть на свою руку и увидеть её, прекрасно просто смотреть, приятно закрыть глаза. Каждая мысль – это вселенная, диковинка, которая вот же, только что появилась, а теперь будет жить в вечность, и можно производить их одну за другой, наполняя и наполняя ими информационное поле вселенной. Прекрасен воздух, который шуршит в наших лёгких, залетая в них, и покидая их уже совсем другим, на радость кому-то, кому именно такой он и нужен; и всё так устроено, что каждый поддерживает другого, поэтому мы все должны радоваться при виде друг друга только потому, что мы живые! Я хотел побежать и пощупать живых людей, чтобы сойти с ума, не поверив в это счастье, что я могу дотронуться до них, но глаза сами собой закрылись, и сорокавосьмичасовой (!) сон унёс меня в такую нереальность, что до сих пор испытываю тоску по тем сновидениям.

Я проснулся от судороги в плече, разбудило именно то, что секунды четыре в плече дёргались мышцы. Закрыл глаза, сморщившись от неприятного ощущения после этого спазма, а потом понял, что дела мои намного хуже – это не была просто судорога в занемевшем участке тела из-за неудобной позы сна. Казалось, что кости всего тела сами по себе шевелились, что где-то внутри они переплетались между собой. А может, это было и правдой, потому что я постоянно дёргался: то руками, то ногами, то головой. Каждому такому подёргиванию предшествовала очередное болезненное непроизвольное сокращение мышц, а то и групп мышц, и после каждого такого спазма оставалось ощущение, что тебе в это место вставляют пару работающих дрелей.

Следом за физической болью накатило осознание того факта, что всё это - последствия от приёма наркотика, и моё существо наполнилось ужасом. Попытка перенаправить внимание с области, причиняющей мне большие страдания, на область, их не причиняющую, или которая бы могла быть источником меньшего страдания, провалилась, не начавшись, потому что думать удавалось обрывками – каждые полторы секунды приступ боли перечеркивал мысли. Да и мысли-то! Не было того привычного их хода, когда мы можем более-менее задавать им направление, да и «озвучка» их - такой привычный нам внутренний диалог – отсутствовала, а вместо него надсадные крики мне в оба уха сотен, будто толпящихся вокруг меня людей. При этом их крики, которые суть мои мысли, были неконтролируемы, словно сновидения. Этакий интеллектуальный паралич. Вообще неприятно реагирует наш организм на инородную химию. Я раньше думал, что если ковырять в мозгах железкой, то будут дёргаться части тела, а теперь знаю, что если в них залить химию, атаке будет подвергаться мыслительная деятельность и ощущение индивидуальности. Но именно и конфуз, что то, что подвергается атаке, как раз и отвечает за анализ и ощущения этого. И ты чувствуешь себя шлангом, который одним концом вставили в другой, и продолжают задвигать этот конец всё глубже и глубже, всё дальше и дальше, и ты пытаешься понять, должен ли упрётся этот конец во что-то в конце концов, и ты не можешь понять, почему этот конец ни во что не упирается, и никогда ни во что не

упрётся.

Я приподнялся на локтях, и услышал своё дыхание, которое состояло из хрипов и бульканья чего-то в носу. Рот представлялся мне заваленной пещерой, и я думал, что не имею права дышать им из-за темноты внутри него, поэтому я просто жадно раскрыл его, насколько только мог, ожидая этого права; а вообще, было ощущение, что я дышу ушами. Задёргалась голова, и, если бы не мягкая спинка дивана, я бы как дятел подолбил бы ею стену.

Иногда возникали мысли (не голоса, а именно мысли) о тихой надежде, что сейчас или скоро всё закончится, прекратиться. Но боль не прекращала «гулять» по всему телу и не проходила. Кровь будто устремилась в обратном направлении, журча внутри кровеносных сосудов против «шерсти», и это было невыносимо. В какой-то момент мой организм представился мне одним большим больным зубом, а уже в следующее мгновение кожу стало шпарить так, будто я свалился в кипяток. У меня хватило воли обратить внимание, что мои руки и ноги сами выписывают какие-то кренделя, позвоночник скручивается и раскручивается то в одну, то в другую сторону, и казалось, будто какой-то гигант схватил меня рукой за голову и стал болтать мной, как чайной ложкой в стакане. Я потянулся к бутылке с соком, взял её, но никак не мог ухватиться второй рукой за крышку, чтобы отвинтить её – промахивался и не мог поймать. И так с этой бутылкой и корчился. Ни успокоиться, ни заснуть, ни остановиться, ни подумать, я ничего не мог сделать, и боль, видимо, окончательно закрепилось по всему моему телу с намерением остаться в нём навсегда. Жалкая мимолётная мыслишка, что это может теперь никогда не закончится наполнила меня отчаянием. Захотелось умереть.

В таком состоянии я сходил с ума тридцать шесть часов. На второй день я смог соображать, и первое, что стало атаковать моё сознание, это мысль о чём-либо, что гарантированно доставит мне успокоение сию секунду, что с максимальной вероятностью избавит меня от этого страдания прямо сейчас. Это должно было быть такое, что за всю мою жизнь доказала свою состоятельность и эффективность в отношении меня, как средство, приносящее мне мгновенное избавление от любой боли: будь то боль физическая или психологическая, или просто интеллектуальное напряжение. Это должно было быть такое средство, которое в мгновение перенесёт меня в другой мир: мир наслаждения. Алкоголь мог не сработать. Секс не заглушит. Азартная игра? Но в азарт надо ещё войти. И вот, мысль о «крокодиле» внесла радость и свет в мою загибающуюся жизнь! Мысль о «крокодиле» наполнила меня надеждой, что я смогу остаться человеком, смогу жить. Только «крокодил» гарантировано обеспечит меня избавлением от этой боли. Гарантировано! Более того, он доставит мне неописуемое наслаждение, но это уже второстепенное, главное, что я смогу опять стать человеком. Маленькая доза под медицинским присмотром, чтобы отходить потом легко, да и готов я уже ко всем последствиям психологически, потому что уже всё знаю.

Короче – «крокодил» и всё тут.

Я попытался приподняться с дивана. Боль уменьшилась процентов на пятнадцать, но главное, что я теперь мог соображать. Теперь я смог более чётко

вспоминать, что предшествовало моему этому состоянию, вспомнил вспышки вселенных в глазах, вкус яблок во рту и бесконечные оргазмы. Из-за этого «ломка» показалась ещё более заслуживающая нежного и снисходительного к себе отношения, а потому более достойной быть снятой «крокодилом». Душ, конечно, не помог. Я вышел в коридор и по стенам пошёл вперёд. Тут же возник Седой.

- Хреново, хреново выглядишь, - сказал он.

- Дайте мне что-нибудь.

Я мял своё тело о стену.

- Могу дать только совет.

Я разозлился.

- Ты помнишь, кто ты? – спросил Седой.

- Да, - ответил я.

- Что мы с тобой пили, когда появились тут?

- Кофе, - ответил я.

- Идём, - сказал он, и молча пошёл в своём направлении.

Я устремился за ним. Мой мозг расточал по нервной системе неконтролируемые порции электричества, из-за чего я мог, например, просто начинать идти назад задом наперёд или останавливался то и дело.

Мы оказались у того кофейного аппарата, с которого тут всё для меня началось. Седой был одет так же, как в тот раз. Пятен от кофе на светлых брюках уже не было. Он протянул мне стаканчик с кофе. У меня сильно дрожали руки, но я смог сделать глоток. Смог сделать и второй. Кофе, казалось, поступало не в желудок, а сразу в мозг. На фоне общей боли не чувствовал, что горячо руке. Седой смотрел на меня, делая глотки один за другим. Когда он отпил половину, сказал:

- Эй!

И я увидел, как он снова стал медленно сжимать стакан со своим кофе. Хруст сжимаемого стакана, выдавливаемое из него кофе, устремившееся на ковролиновое покрытие коридора, забрызгиваемые его светлые брюки – и ко мне стали возвращаться воспоминания последних дней. Одно за другим, одно за другим. Только что я хотел попросить перестать ломать цирк, и дать мне что-нибудь. И не что-нибудь, а «крокодила», только маленькую дозу, только под присмотром врача, чтобы немного облегчить мне страдание, уняв боль, чтобы потом слабая «ломка» была, и таким образом я бы попытался восстановиться в норму. А вот теперь, вспомнив всё, я понял, что никто мною в таком формате заниматься не будет, потому что ни для этого я сделал себе инъекцию этой жидкости, которой в раю, должно быть, реки (так мне тогда подумалось). Из-за этого всё моё нутро стало медленно принимать бунтарскую позу. Кто же передо мной стоял – враг или друг? Если друг, то мне сейчас дадут уколоться, если враг, то… И, чёрт побери, какое право они имели на такой эксперимент со мной?

Наверно, эти мысли можно было прочитать по мне, потому что я заметил оттенок разочарования на лице Седого. Но тут же выражение его лица стало мягче, мне показалось, что он даже попытался изобразить сострадание (что меня взбесило), и Седой сказал:

- Для начала определимся с твоим дальнейшим настроением.

Мы опять прошли к стене, за которой нам открылась метро. Потом мы стали подходить к лаборатории. Меня стало подкидывать от мысли, что сейчас, возможно, мои страдания прекратятся, хоть и не верилось, что они могут прекратиться вообще; казалось, что я обречён на это состояние на всю жизнь. Мы не остановились перед дверью лаборатории и направились дальше по коридорам. Я с тоской не неё обернулся. Он подглядел мою реакцию.

- Сержант, - начал он, когда мы остановились перед какой-то другой дверью, - я знаю, что ты сейчас переживаешь, я сам через это прошёл. Я знаю, что ты сейчас всё понимаешь, и помнишь всё, что было до этого. Да знаю я, в конце концов, как тебе плохо, - немного раздражённо отмахнулся он, видимо заметив мой порыв прервать его речь, которая звучала у меня в ушах то, как будто он говорил, преподнеся ко рту рупор, то звука я вообще не слышал, но лишь видел шевеление его губ, - знаю, знаю, всё знаю. Вот - дверь. За этой дверью находится большое помещение, заполненное до отказа ингредиентами для твоего «крокодила». Запасов хватит на год, но ты умрёшь раньше. Решать тебе. Или ты войдёшь в неё, и уже не выйдешь, потому что дверь захлопнется, и никому не будет дела, что твориться за ней, или найди потом меня.

И он просто ушёл.

Я уставился на дверь. Маленькую дозу и всё, подумал я, чтобы облегчить страдание, а потом выйду из кризиса, потому что знаю, что это такое. Вот оно, когда промедление смерти подобно. А потом отойду, докажу всем, что отошёл, и сделаю то, что должен: стану членом этой организации. А сейчас маленькую дозу, такую маленькую-маленькую, как (о, господи, как я мог в этот момент подумать о таком сравнении!), как моя маленькая дочь. Моя маленькая дочь. Да. И так я себя возненавидел за то, что в таком состоянии посмел подумать о своей дочке - да ещё в таком контексте! - что я подумал, что наверно никогда себе этого не прощу. И мне стало так плохо и грустно, и гнусно от жалости и призрения к себе. Я увидел себя со стороны, такого жалкого, полного тщедушных помышлений, отбрасывающего здравый смысл и грезящего только об одном - о виде светло-коричневой жидкости за градуированной пластмассой шприца. В то время, когда я в таком переплёте, когда моя дочь, моя маленькая дочь… Господи, где же тот свинец? Где мои эмоции, здоровые и сильные?

С тяжёлыми мыслями, подавленный и отупляемый физической болью, но ещё больше раздавливаемый грузом ответственности за свою дочь и тысячи других детей, которые делили одну участь с моей дочерью, я стоял, стоял и стоял - и тут медленно стал опускаться на пол. Медленно опустился, размеренно подобрал под себя ноги, сев по-турецки, и сказал себе, что я сдохну, но не сдвинусь с места, пока снова не стану человеком, и не заполнюсь тем свинцом, воспоминание о котором только что ожило в моей памяти. Все те мысли, все те эмоции, всю ту энергию – назад, собственным усилием, и только.

Я сидел и дёргался, сидел и дёргался. Сейчас я знаю, что провёл тогда в таком положении восемь суток. Первые дни помню смутно: ко мне кто-то подходил, что-

то кололи, перевязывали гниющую рану на руке от укола, кто-то заботливо укрыл меня пледом, но большее время я провёл в одиночестве, не меняя позы. Не помню, как засыпал, как просыпался, как жрал, пил, опорожнялся, не помню, было ли вообще всё это. Не помню (или помню?), как, усевшись по-турецки, я обратился к своему сознанию дать мне ответ на вопрос, который мне сейчас надо себе задать. В сознании, полном мрака и потерянности, докучаемом вспышками боли, я стал искать, не знаю что.

Мрак рассеивался очень долго, хоть и каждое мгновение; когда я определялся с направлением мыслей, мне становилось легче. Потом перед глазами пошли светлые пятна, потом очертания каких-то местностей, пока чётко не вырисовалось поле с какими-то телесного цвета колосками, с золотящимися зёрнышками на них. Что это были за растения, я не знал, но мне откуда-то смутно навевалось, что это был тот сорт травы, из которой когда-то делали хлеб. Я стал водить по этим растениям руками, и покалывание-щекотание ворсинок, заботливо охраняющих каждое зёрнышко от посягательства животных, привлекаемых к растению его запахом, треском высоковольтных проводов отдавались мне в мозг. Точно ли это были те растения, из которых когда-то делали хлеб? Я подумал, что этот вопрос будет попроще, чем тот, на который я хотел бы получить ответ, а значит, если я не получу ответ на этот, то нечего надеется, что мне явится какое-то озарение. Потом из этих растений то тут, то там стали появляться головы каких-то существ, о которых мне хотелось думать, что это ангелы. Я пока не мог толком их рассмотреть, но старался удерживать во внимании образ ангелов, чтобы возникающие из травы головы не пугали меня заранее перспективой принять ужасные очертания, а постепенно принимали образы курчавых милых созданий, которые я пытался навязать ведению. Этого не происходило, и я понял, что от меня ничего здесь не зависит, я нахожусь не там, где могу управлять, поэтому захотелось опуститься в траву на землю, сесть по-турецки, и помедитировать, как я делал это иногда в молодости, и ещё потом когда-то где-то сделал один раз, не помню где и когда, но помню, что это тогда было очень важно. Что я и сделал.

Закрыв глаза, я решил сконцентрироваться на звуках. Помню, что кругом меня было поле из этих колосков, и лишь вдалеке зеленел луг, за которым виднелся небольшой лесок, но я не запаниковал, когда сквозь шелест голосов тех существ, смешащегося со звуком колосящихся непонятных для меня растений, стали слышаться звуки машин и даже самолётов. Я стал пытаться рисовать в своём воображении то, что производило эти звуки. Мне послышался звук приближающихся шагов, и я, испугавшись, открыл глаза. Ко мне, лавируя между снующими туда и сюда странными существами, приближалась красивая, стройная, молодая девушка азиатской внешности в лёгком бирюзовом платье. В руках она держала горшочек для жарки, но я хотел смотреть только на обнажённую часть её груди. Она протянула мне горшок, и я принял его из её рук. Она продолжала стоять и смотреть на меня. Я заглянул вовнутрь горшочка. Там была мутная салатовая жидкость. Девушка продолжала смотреть мне в глаза. Я медленно стал подносить горшок ко рту – в её глазах прочитал одобрение и радость. Жидкость

оказалась тёплой и вкусной. На третьем глотке я закрыл глаза от удовольствия и стал жадно поглощать всё содержимое горшка до конца. Когда я допил и, открывая глаза, стал отстранять горшок ото рта, то увидел перед собой старика, зеркально выполняющего те же действия, что и я. Как и у меня, в его руках был точно такой же горшок, и он тоже только что, так казалось, закончил пить его содержимое. Образ же девушки покинул моё сознание безвозвратно. Вместо поля кругом был город, звуки которого стали мне слышаться, когда я решил помедитировать посреди поля, а теперь так гармонично вписались в окружающую меня обстановку. Только город этот как-то постоянно менялся, местами, будто перед тобой здоровенная картина, на которую капают разъедающей кислотой, и в месте растворения ты начинаешь наблюдать то, что за самой картиной. Не было сомнений, что в «разъеденных» местах я наблюдал то поле и тот зеленеющий луг, которые созерцал минуту назад. Будто городом этим, как покрывалом покрыли то поле с золотящимися колосками и травой, и редкими лесопосадками. То и дело поле с лугом почти полностью поглощали город, а то, вдруг, разъедаемые «кислотой» дырки затягивались снова городом.

- Если ты закрываешь глаза в поиске ответа, - сказал старик, - то ты ничего не найдёшь, кроме своих жалких мыслей. Настоящее человеческое достояние скрыто в голове закрывающего глаза человека с закрытыми глазами.

- Мне не нужно настоящее человеческое достояние. Я хочу только возмездия.

- Оно периодически возвышается над преступлениями, - ответил старик.

- Всё это лирика, - возмутился я, - ты знаешь, что я хочу. Я хочу того, чего хочет и большинство из нас - вечного торжества добра и милосердия.

Мне показалось, нет, я так подумал, что сейчас последует примерно такой же ответ, и я смахнул видение рукой. Передо мной оказалось белое.

Всё кругом было белое, даже то, на чём я стоял. Всё было настолько бело, что когда я приблизился глазами к тому, на чём я стоял, я не смог разглядеть, что это. Было такое ощущение, что я попал в какое-то пространство без конца и края. Я подпрыгнул, но не смог нормально приземлиться на ноги – завалился на бок. Смог подняться, стал пробираться вперёд, выставив руку. Шёл очень долго, так, что мне стало надоедать. Потом побежал. Устал бежать. От всего устал. Остановился, упёрся руками в колени и в таком полусогнутом положении застыл. А потом опустился, не знаю на что (на землю, пол, дорогу), свернулся калачиком, закрыл глаза и стал ждать: или сна, или конца, или начала хоть чего-то. В глазах появилась темнота. Та темнота, которая появляется, когда закрываешь глаза, чтобы заснуть. Но почему это для меня показалось примечательным? Что такого было в этой темноте? Почему я радуюсь темноте за закрытыми глазами? А разве может быть что-то другое? И смутное «может» намёком на какое-то моё первое нормальное переживание за последние несколько часов после чего-то заскользило по моему сознанию. А после чего? После чего? Я силился ответить себе, а почему, собственно, у меня возник такой вопрос? Вопрос, что некое состояние могло показаться мне чем-то типа отдушины, после чего-то такого? Я ощутил, что не имею имени, что не могу его вспомнить. Вернее, не имени, а того, кто я такой есть. Казалось, что вот, только что

я мог вспомнить, или даже знал, что и кто я есть, а вот теперь осознание этого постоянно куда-то ускользало, оставляя за собой незаметный, но ощущаемый, раздражаемый след.

Не знаю, может такое моё состояние было следствием витаминов, которыми меня пичкали, пока я сидел перед комнатой полной «крокодила». Где-то я слышал об искусственной смерти, когда человек путём осознания всего, что его удерживает у жизни, отказывается от этого, устраняя, таким образом, препятствия на пути к смерти. Один знакомый моего знакомого, по рассказу последнего, смог подобраться к своей смерти настолько, что потом пол головы поседело. Думаю, в тот момент у меня произошло обратное: я смог отказаться от всего, что меня тянуло к смерти, от всего, что грозило разрушением моему телу, из-за чего переместился в самый источник жизни.

Некоторое время я ещё провёл в тех грёзах, «там» же ощутил, что заработала мысль. Сейчас вспоминаю с улыбкой, как в какой-то момент, «там», я наивно стал полагать, что оказался в каких-то уголках своего подсознания, которое известным образом соединено с вселенским разумом, и сейчас появится какой-нибудь оракул, или произойдёт какое-нибудь подобное событие, и мне будут даны инструкции, описан мой путь. Но ничего такого не произошло. Боюсь, что это был просто глубокий, очень глубокий сон, полный сновидений.

В сознание я вернулся очень резко. Было ощущение ангины – нормально, так, после «крокодила»-то - но вместе с тем чувствовалось и выздоровление, если не просто запустились какие-то функции организма, поверженные, или, правильней сказать, повреждённые, «химией».

Я открыл глаза, но продолжил сидеть. Если бы я знал, что просидел восемь суток в таком положении, я б тысячу раз подумал, прежде чем пошевелиться. Попытка расправить ногу привела к сильнейшей боли по всей её длине, как будто в неё вставили тысячи иголок. Перед глазами поплыли круги.

- Не шевелись, - услышал я у себя за спиной, и узнал голос Седого.

Я уже понял это и сам, что лучше не шевелиться.

Через три минуты ко мне подошли, сделали по уколу в руки, ноги и шею, и через две минуты я смог подняться. По ногам бегали мурашки, но я даже смог попереминаться с ноги на ногу.

- Я в порядке? – спросил я, обращаясь и к Седому, и к тому, кто сделал мне уколы.

- Ну, если не считать того, что ты вычеркнул из своей жизни восемь суток, все эти дни не доедал, не допивал, и вообще от тебя всё это время было мало пользы, то да. Почти в порядке. Как тебе это? – Седой указал кивком в сторону двери, где находился годовой запас «крокодила».

- Вообще мимо, - ответил я.

Как-то он глянул, что заставило меня вспомнить все свои сновидения.

- Да, это так. Пошли, есть смысл перекусить.

Мы отправились в столовую.

- Ему особенное, - сказал он, - а мне, как обычно.

И мне дали блюдце с кашкой, а ему две отбивных с салатом.

- О, я смотрю, у нас здесь равенство соревнуется с гостеприимством, и ничто никак не может победить, - сказал я, и попытался улыбнуться.

- Тебе сейчас ничего нельзя.

- Меня подташнивает уже от одного вида этой каши.

- Тебя вытошнит сейчас от любой пищи, кроме этой. Попробуй.

Я взял пол-ложки неизвестно чего: без вкуса и запаха. Смесь во рту напомнила намоченную вату, только моментально тающую. Я отложил ложку.

- Съешь половину, - сказал Седой, - через три часа сможешь поесть нормально.

Я стал делать что-то похожее на «есть».

- Ну, как, - начал он, и вид его, пережёвывающего отбивную, маячил у меня перед глазами в виде мишени для стрельбы, - ты с нами?

- Да, я с нами, - ответил я.

- Вот и хорошо, а то б выглядел несимпатичным.

И очередной кусок отбивной.

- Привыкай, - проговорил его жующий рот, в то время как хозяин этого рта, видимо, очень хорошо представлял сейчас моё состояние, - на самом деле, с этого момента случится много чего. И сидеть голодным, глядя, как пирует или пируют собеседники, явится для тебя не самым страшным. Но ты ко всему привыкнешь. Будет много тренировок и обучения; представляешь, ты на порядок увеличишь свою вероятность выживания при ядерной атаке! Захочешь поговорить – приходи. Сейчас я отведу тебя к инструктору по «рукопашке», после тебя найдёт другой инструктор, потом третий. Секретарь вручит тебе необходимый реквизит, ознакомит с твоим расписанием. Вечером жди в гости напарника, а поздно вечером меня – отметим, так сказать.

Со следующего дня началось моё обучение. Именно обучение. Ни экзаменов, ни зачётов, тебя просто обучали тому, что потом необходимо, как предполагалось, будет востребовано. Я думал, что я крутоватый парень: и с мозгами дружу, и с телом, и с психикой, вроде, всегда был порядок, – но то, куда меня всего окунули, оказалось для меня, в каком-то отношении, шоком.

Например, уроки гипноза. Никакой теории, никаких записей, чтобы можно было расслабиться, что-то позаписывать, а сразу и только тренинги. Каждая сессия - это практические занятия. Всякое занятие приходилось конфузиться от заданий, когда тебе надо с не совсем знакомыми людьми вести себя, как клоун: пытаться ввести их в состояние транса, потом глубже, внушать всякие задания. Да, интересно смотреть на результат, когда после погружения тобой в гипноз человека, тот, по выходу из него, указывает тебе на зелёный цвет, как на красный. И ты смотришь на это, и не понимаешь: как?! Что у нас там с серым веществом такого, что одни с помощью него, могут вытворять над ним других такие вещи? Но, возник бы вопрос! Как раз это и представляло неудобное положение дел, потому что система обучения была построена таким образом, что твои сильные стороны отставлялись в сторону, а бомбили тренингом именно по самым слабым твоим местам – наижутчайший метод, ненавистный мне ещё с тренировок по

бодибилдингу, когда я в молодости пристрастился к этой культуре. Были любимые группы мышц, и упражнения под них, над которыми ты готов был работать днями и ночами, но по-настоящему красивый результат проявлялся, когда ты превозмогал себя, «забивал» на неприятные и болевые ощущения от упражнений, которые тебя бесили, и делал именно их. Только этим путём ты приводил свою мышечную массу к гармоничному состоянию. Так и тут. Ты не понимаешь, как это работает? Пожалуйста: кофеин, витамины и двадцать четыре часа без перерыва смотреть в глаза определённому человеку. Поначалу так себе, но через час, когда у того человека появляются первые признаки паники от твоего соглядатайства, начинается поистине творческий процесс. Смотреть в глаза человеку, когда он работает, общается, говорит по телефону, ест, пусть он и отводит их, пусть хоть тысячу раз пытается перестать об этом даже думать – УДОВОЛЬСТВИЕ! О, как ты начинаешь «сечь» человека, следя и следя за его глазами, когда он с одним говорит так, с другим эдак, с мужчинами так, с женщинами по-другому. Вот, этот человек только начинает испытывать дискомфорт, а у тебя загораются глаза; вот, человек начинает раздражаться, а ты не можешь уже скрыть ликования; но вот, человек от паники переходит к депрессии, и даже становится видимо несчастлив, а ты начинаешь читать его мысли. Жестокое испытание для обоих. Попросите любого вспомнить пару ярких моментов из своей жизни. Так вот, у меня тогда появился ещё один: когда парень, за взглядом которого я должен был наблюдать, проснулся, а я сидел над ним в ожидании его пробуждения, и увидел его глаза. Ни один знаток человека не может именовать себя таковым, если он не видел глаза пробуждающегося человека, за которыми до этого он наблюдал двенадцать часов бодрствующими, а потом ещё шесть часов за закрытыми, когда тот спал. После таких упражнений ты начинаешь чувствовать душу человека через стенную перегородку: достаточно одного его слова, не то что взгляда, а то и просто шелеста одежды. Уверенность, сомнения, страх, агрессия, депрессия, паника, любые другие реакции психики ты становишься способен считывать из любых её уголков.

В обучение входила и недюжинная физическая подготовка. Помимо общего физического развития, предстояло научиться, например, бежать, пока не заснёшь, освоить на профессиональном уровне обращение с «уличным» оружием: велосипедные цепи, «опаски», «сажалы» (строительный нож), палки, камни. В моём случае акцент сделали на том, что у меня уже было в некоторой доли.

- Ты, я слышал, убил кулаком человека? – спросил меня инструктор по единоборствам.

Этот инструктор сходу захватил моё уважение тем, что как-то удачно подобрал слова, чтобы похвалить меня за такое моё умение, и я сразу понял: во-первых, в этом вопросе этот человек на десять голов стоит выше меня, а во-вторых, просто приятно оказалось такое услышать. Скрытый смысл его слов, который я разглядел у него в глазах, явился мне через несколько минут, когда он меня завёл в боксёрский зал, где находилось около двадцати боксёрских манекенов в виде человеческого силуэта.

- Расставляем зигзагом, - скомандовал он.

Мы стали таскать этих силиконовых получеловеков и расставлять в указанном

им порядке.

Он включил компьютер, инсталлированный в стену.

- Все манекены оснащены датчиками, которые с помощью беспроводной связи будут передавать информацию о твоих ударах на компьютер. Программа будет фиксировать историю твоих ударов с наложением на твоё физическое состояние: пульс, давление и всё такое. Плюс – будет учитываться время тренировок, их интенсивность, продолжительность. Там не алгоритм, а сказка. Сейчас тебя сосканируем, подойди сюда, чтобы компьютер приветствовал тебя, когда ты будешь сюда входить, и вперёд, - заключил он с улыбкой.

- Так, и что, бить их? - спросил я, оглядев кучку манекенов.

- Ага, убивать. Смотри.

И он нанёс двадцать сокрушительных, поражающих своей силой и техникой исполнения, ударов руками и ногами по каждому из них.

На мониторе можно было увидеть, что он нанёс двадцать ударов за тридцать три секунды, шесть из которых оказались смертельными.

- Не рекорд, - заговорил он со слегка сбитым дыханием, - а для кое-кого потом не будет и показателем.

И я так понимаю, он намекнул на меня.

- Подожди, сейчас ещё попробую.

И он с силой нанёс удар рукой по челюсти ближайшему боксёрскому манекену.

- Если бы был рекорд, из динамиков раздались бы овации, - улыбнулся он

Монитор, этим временем, показал силу удара, скорость.

- Вот, смотри, - он направился к экрану, - здесь можно увидеть многое, - он стал жать пальцем на те и иные данные на мониторе, и компьютер стал выдавать развёрнутые данные, - видишь?

Можно было прочесть, сколько было нанесено ударов правой рукой, сколько левой, такое же о ногах, была видна сила каждого удара, скорость. Если требовалось развернуть данные об ударе, можно было увидеть, в каком отношении он находился с предыдущими аналогичными при схожих обстоятельствах и таком же физическом состоянии. Например, тринадцатый удар его оказался с рекордным показателем по количеству подряд смертельных ударов от левой руки в серии из двадцати ударов.

- О, рекордное что-то всё-таки умудрился установить: три подряд левой - смертельные. Было бы правильней, чтобы компьютер и о таких рекордах оповещал сигналом. Психологически веселей было б. Не? Ну вот, так и будешь тренироваться. Твоя цель: двадцать секунд - двадцать ударов – двадцать трупов. Занятия каждый день. Контролируешь сам себя. Мне каждый день будет приходить смс-отчёт о твоих продвижениях. Если в течении двух дней я не наблюдаю положительную тенденцию, будем работать вместе. Твоя очередь.

Я потянул мышцы, размял слегка поясницу и, мне показалось, не сильно выложился в двадцать ударов руками. Компьютер, тем не менее, издал «победную овацию».

- Первый, он всегда рекордный, - улыбнулся тот, - тебе не обязательно во время тренировок лупить по ним сериями, отрабатывай удары, как удобно, чем удобно, как хочешь. Главное: двадцать секунд – двадцать ударов – двадцать смертей.

Боксёрская комната мне очень понравилась: и дух можно было спустить, и наслаждаться своими успехами – система была сконструирована отменно.

Ещё в нас там имплантировали всякие устройства, так что я при определённом положении соединения ладоней или пальцев даже радио мог послушать. Никакой радиации от этих имплантатов, как нам объяснилось в инструкции, а все электромагнитные поля гасились - ни один рентген ничего не должен был показать. Зато теперь я представлял из себя ходячий компьютер с терабайтом памяти (это не считая моей собственной – позволю себе улыбнуться в этот момент).

Я прошёл процедуру «ассоциации», что заключалось в следующем. К моим мозгам подключили электроды, а потом два дня подряд показывали фильмы и картинки. Наблюдаемое мною глазами и слышимое ушами, в мозгах выкладывалось в красивые узоры электрических импульсов. Эти узоры фиксировались компьютером, и можно было только наблюдать растущий в мегабайтах, а потом переходящий в гигабайты и терабайты объём накапливаемой, таким образом, информации о работе моего мозга по визуализации окружающей мня обстановки. А обратный процесс выглядел следующим образом. Когда мне представилась возможность фокусировать своё зрение самостоятельно на каких-либо предметах, компьютер ловко считывал эти самые возникающие «узоры», и монитор светился тем, что я наблюдал. Стоит добавить, что реакция моего мозга была одинаковой, как на зрительные внешние образы, так и на те, которые я наблюдал внутренним зрением. В результате всё, что я думал в картинках или мой внутренний диалог можно было посмотреть и послушать на компьютере. Изображение, конечно, не ахти, как и «озвучка»: то, как ночная съёмка, то, как вспышки молний, местами монитор вообще тёмный, звуки не всегда корректно передавались, а то и вообще «озвучка» жила своей жизнью, но кое-что рассмотреть и услышать было можно. При всех своих недоработках, всё равно очень серьёзная техника оказалась.

- Это означает, что я не просто отдаю себя на службу нашей организации, но и предоставляю в пользование свой внутренний мир, - заключил я окружающим меня специалистам с грустной улыбкой.

- В какой-то степени – да, - ответил мне один из них.

- А вот можно будет потом, когда всё закончится, сделать «делит» тому, что запишется из моих мозгов?

Ребята лишь усмехнулись.

Ну, конечно, не усмехнулись бы они. Сейчас я тоже усмехаюсь – такого, что увидели наши глаза, глаза таких же солдат, как я, и что записали наши компьютеры, хватит на вынос мозга человечеству в течение нескольких поколений.

Кстати, я так понимаю, бросая сейчас взгляд на свой монитор, они у себя могут видеть то, что я пишу, если организация ещё функционирует. Привет,

ребята, тогда! Не беспокойтесь, я никого не предал, сами всё видели и знаете. Я и крови-то не сильно жажду, но что-то не даёт мне поступать иначе. Тихо надеюсь, что мы со мной, и такими как я, не просчитались настолько, что у нас всех будут проблемы, но наоборот. Тогда это всё, на радость мне, в большей мере совпадает с моими внутренними установками. Видимо, я пойду дальше! Видимо, до конца - без конца! И, скорей всего, каждый день, если мне будет удаваться отправить на тот свет очередное животное, их десяток, сотню, я буду становиться счастливее. Ай, да что там говорить? Седой, привет!!!

Ну и много чего ещё было в нашем обучении. Управление различной техникой, обращение с оружием. Что-то из этого изучали мы скрупулёзно, что-то поверхностно. Самолёт посадил несколько раз на имитаторе. Но это так, для общего развития – зато теперь знаю о закрылках, сигнальных огнях и прочее.

Ах, да. Напарник. Нам предстояло работать вдвоём. Супер-человек по своим душевным качествам. Правильный и чёткий, как я. Тысячу раз подумает прежде, чем кого-то обидит, а и потом не всякого, но кто очень сильно заслужил. Мощный физически. За метр девяносто, не толстый. Одной рукой консервную банку комкает, как нормальные люди фольгу. Из принципа решил выдержать его рукопожатие. Думаю, он меня пощадил; но кисть до сих пор иногда даёт о себе знать какой-то внутренней болью. Мы, каждый, умели делать всё, что умеет другой, и на соответствующем уровне. Мы вырабатывали одинаковое мышление и сугубо свой сленг– каждый должен был с большой вероятностью предполагать, что за стенкой делает его напарник при тех или иных обстоятельствах, и мы должны были уметь вести диалог понятный только нам двоим. Нас заставили обоих проходить через десятки лишений и проблем, что заставляло наши души сближаться и сближаться. Мы стали одним целым, одним литьём. Степень доверия и уверенности друг в друге были настолько высоки, мысли наши настолько переплелись, что даже компьютер не мог идентифицировать нас, если ему доставалось анализировать только наши интеллектуальные способности. Пару раз нас заставили выпить спиртное. Короче, прошли с ним и огонь, и воду, пока проходили обучение, а иногда и в буквальном смысле. У нас были одинаковые позывные – «Сержант». К кому из нас обращались, приходилось понимать по интонации. Тоже, наверно, как инструмент нашего единения должно было срабатывать. Но обращаться друг с другом было удобно.

А за месяц до начала операции нас собрали в большом зале. Здесь, пока всё не началось, я впервые увидел всех до одного «содата». С некоторыми мы уже были знакомы, а вот некоторых видел впервые. Одни мужчины. Напарников было видно сразу. Все, как один - каждый сотни стоит. Общий сбор – общим сбором, но зачем нас собрали, никто из нас не знал. А потом появился Седой. За ним ещё три человека. Все внесли по коробке.

С Седым мы встречались иногда, общались.

- Здравствуйте, народ! Проклинаю причину, которая заставляет нас сегодня тут собраться, но приклоняюсь перед самим этим фактом. Знаете, к чему мы все готовились, поэтому не буду расписывать, как тяжело всем и каждому, и в какое

тяжёлое время мы живём, что, впрочем, испытывает любой человек, где бы он не находился. Не думайте, что у меня дефицит с пониманием вашего положения. Может, после операции с кем-нибудь больше никогда не увидимся. Но мы сделали всё, чтобы этого не случилось. Мы – это и мы, и вы. Вы напичканы инструментами для выживания, как муравейник муравьями. Пытающийся уничтожить вас, будет схож с самоуничтожающимся. Ваш потенциал охранит вас сильнее и изощреннее, чем вы может придумать это собственными мозгами. Для вашего разминирования потребуются куда более опытные минёры, чем те, что живут снаружи. По крайней мере, мы так думали, когда полагали методологию обучения.

До того, как вы выйдите наружу, остался месяц. Сегодня за вами закрепятся объекты, куда вам, в зависимости от того, к чему вы готовились, придётся отправиться. Повторяюсь, до отправления тридцать дней. За тридцать дней вы должны будете изучить свои объекты и подтянуться в обучении, если, вдруг, обнаружите, что чего-то вам там может не хватить. Не буду учить вас, когда вам отдыхать, а когда работать, но сегодня хотелось бы, чтобы все отдохнули, потому что заслужили. Наше кафе к вашим услугам. А с завтрашнего дня вы получите новые инструкции и контакты, с кем станете работать теперь.

И ещё один момент. В этих ящиках по книжке для каждого из вас. Ознакомьтесь с её содержимым. Это колоссальный труд по общему устройству наших Соединённых Штатов Европы: кто кем управляет, кто кого посылает, кто кого убивает, грабит, насилует и так далее и тому подобное. В некотором срезе вы найдёте здесь организацию азиатов и аквапофагов. Кое-что прочитаете о первых. Особенностью данной брошюры является то, что в ней самая-самая правда. Именно не то и такая, которую вы может найти в статьях и книгах различных масс-медиа, даже умело читая между строк разные точки зрения, даже после скрупулёзного анализа прочитанного, а та правда, о которой писать не станут, потому что невозможно упомянуть о ней, не задев истины; та правда, которая незыблема, которую собрать и предоставить не составляет никакой сложности, но не получается из-за зарплат, выживание от которых прибывает в полной зависимости у тех, кому приходится освещать те или иные события нашего времени. Почитайте её. Вы много узнаете о сегодняшнем мироустройстве, и увидите, как недалеко всегда была ваша интуиция об истине. Что хорошо – в дальнейшем вам будет легче обращаться со всякого рода чиновниками и сановниками, а многим из вас придётся иметь с некоторыми из них дело. Давайте, ребята, распределимся, - закончил Седой, и сделал знак одному из трёх, пришедших с ним сотрудников.

Тот прекратил рассматривать нас и перенаправился вниманием на компьютер.

- Я сейчас коротко буду зачитывать: сначала позывной команды, потом название объекта. Потом дополню некоторыми комментариями относительно некоторых объектов, равно как и команд. Будут некоторые специфические моменты. Более детальную информацию вы начнёте получать с завтрашнего дня от своих кураторов. Так… Дики – семейство Сёстров; Нокины – семейство Фур;

Крастры – понтифик Нарк; Сеты – принц Дрю; Сержанты – семейство Ночка…

Так мы с Сержантом впервые услышали имя тех, к кому в какой-то момент нам предстояло попасть. Вернее, имя-то мы уже слышали, и даже предполагалось, что это будут наши «клиенты», но всё определённо решилось теперь. Мы даже до этого момента толком не знали, что нам предстояло сделать. Всё мы узнали на тридцатидневном инструктаже.

- Зачем для этого мы, - спросил я как-то у Седого, когда мы с ним, пардон, выпили; бывали у нас такие дни, когда мы расслаблялись и пропускали по пару глотков каких-нибудь горячительных коктейлей. Особенно в последние тридцать дней – аж два раза (и здесь позволю себе улыбнуться; на самом деле просто некогда даже было подумать об этом). А почему бы и нет? Люди взрослые, работали до потери сознания – и это не гипербола.

- Зачем, - спрашиваю, - когда у нас такие системы наблюдения и прослушки, кругом агенты.

- А пошли, - сказал он, - и увлёк нас с Сержантом за собой. Мы прошли по коридорам, и пришли в помещение, в котором на всю стену был монитор, на котором была электронная карта наших штатов. Вся сплошь усеянная красными огоньками. Пока мы на неё смотрели, периодически некоторые гасли, а другие загорались.

- Это всё наши видео и аудиожучки. Те, что гаснут – самоуничтожаются. Значит, что их обнаружили и попытались до них добраться. А те, что загораются – это устанавливаемые новые. Вроде всё слажено. Ни один не должен привести к нам. Мы сами были когда-то участниками создания систем отслеживания шпионов и всего шпионского в нашем государстве. Поэтом в курсе, что и как. Одно дело видеокамера, установленная в багет, а другое дело, когда эта камера ещё и перемещается, а когда она ещё говорит, а ещё и слушает, и думает, и способна на поступки, так здесь вообще говорить не о чем. Ну, это так. Шутки ради. А если посерьёзней, то сами видите, а кое-что уже и знаете. С помощью тех технологий, которыми мы располагаем, можно собрать многое. Многое, но не всё. К тому же, не всё, что мы получаем таким образом, может являться доказательством в суде. Но то, что сможете сделать вы, - а вы можете себе это представить, - обеспечит полной доказательной базой нашу систему. И мы вскроем этот вертеп, как консервную банку, со всеми неблагоприятными для него последствиями.

Я выдал:

- А если кто-то из нас где-то ошибётся, что-то ни так сделает, сдаст из-за нервов, например. Что может натворить человек, нервы которого не выдержат всего, с чем мы столкнёмся? Ведь каково будет искушение открутить голову тому, кто, - вдруг, например, я узнаю, - будет причастен к похищению ребёнка Дика? Знаешь, я бы с удовольствием это сделал, как мне кажется, в память о всех остальных детях. Или вот. Допустим, всё будет подходить к завершению, и у меня, насколько я сам буду судить, будет хреново с этим самым завершением. Вот и решу я тогда, что лучше глупость, безумие, лучше нечто, чем вернуться сюда без результата, когда другие придут с ним. Ведь насколько всё тонко и шатко, и легко

может пойти насмарку? Где страховка, страховки? В чём хитроумность плана, когда великое многое зависит от ничтожного капризного?

- О! Да ты - философ! – засмеялся Седой. - Этому уже хватит.

Пожалуй, я действительно съехал в словоохотливое настроение после коньяка.

- Ну, а что? – вмешался мой напарник. - Мы сейчас отправимся, а завтра половина поступит, как он сказал.

- Конечно, конечно, ребята, если вдаться в рассуждения о негативном развитии сценария, здесь мы будем иметь массу вариантов, которые могут показаться слишком неблагоприятными при своём вероятном наступлении. Но мы ведь нелегко, немало и непросто работали всё это время. Поверьте, вы настолько загружены инструментами самосохранения и чувством высокой ответственности за происходящее, что вероятность неблагоприятного исхода минимизирована так, как ни в одном мероприятии до этого заложено не было. Может немного высокопарно, но наша операция будет сродни кульминационной схватки добра и зла. Никогда система ещё не собирала в одном месте столько силы для противостояния злу, как это выпало на нашу долю. Ведь и до нас не раз происходили такие битвы, или кто-то собирался на такую, но сегодня эти сборы несут рекордное количество по качеству. Лично я надеюсь на успех. Я подохну тут за пультами, если надо будет, если это будет единственная возможность вам, там, продолжать, а вы сдохните там – вот наш придел. Знаете, почему я не требую от вас сноровки и ума там? Потому что они - суть вы. Даже если вы откажетесь от своей сущности, даже если вы отвернётесь от себя, ваше самое пойдёт без вас туда, куда надо нам - нам и вам таким, которые вы здесь и сейчас.

- То есть мы даже самоубийство совершить не сможем?

- Исключено.

Как тут можно было не усмехнуться?

Каждый день мы ходили с Сержантом в помещение, откуда велось скрытое наблюдение за нашим семейством. Скрытые камеры в доме этой семьи были установлены только в спальне родителей и на заднем дворе, а аппаратура для прослушивания позволяла слышать, о чём говорят на кухне, в гостиной и прихожей. Этого оказалось достаточно, чтобы насмотреться и наслушаться, и получить полное представление, что происходит в этом доме, и что за люди в нём обитают. Правда, поначалу я воспринял мать семейства, как жертву, а об отце подумал «ни то ни сё», и угадал лишь с Манаем, который сразу показался мне самой неприятной фигурой, на ком размерено и стала концентрироваться моя ненависть. Но так я думал о них до четвёртого дня «подглядывания». Очень быстро мы поняли, что всё семейство занималось перевалкой детей от источников их добычи до конечных заказчиков. Язык не поворачивается такими ярлыками это всё называть. И у каждого из членов семьи были свои функции.

Манай – тот исполнитель, на побегушках; он вёл переговоры с клиентами, доставлял детей, куда надо. Этот же «упырь» отвечал у них там и за детскую дисциплину, которая выражалась в неуклонном подчинении взрослым, требования которых зачастую выходили за рамки приличия. Например, «мать», которая

заботилась о чистоте и воспитании приёмных детей, тоже посещала подвал, а раз после таких посещений туда не бежал Манай, значит, дети выполняли всё, что она просила. Отец занимался «презентацией», репутацией и поиском новых клиентов. У него был доступ к депутатам, судьям, парламентариям и церковным деятелям. Через знакомых своих знакомых он мог достучаться почти до мэра штата. И все трое были окончательно аморализованные. Если за общение между собой и с приёмными детьми – общение, которое не отличалось у них высокоорганизованным характером - им следовало отрезать языки, то за их периодические педофилические акты они достойны были только одного - чтобы их закатали в асфальт.

Нам улыбнулась удача, хотя не стоит в данном случае отмечать это таким, отдающим весельем выражением. Как бы там ни было, за пять дней до нашего выезда, наши подопечные вызвали к себе сантехника. В одной из комнат подвала из стены сочилась вода (думаю, это сделал один из её узников, чтобы привлечь к себе внимание людей из внешнего мира). Детей, конечно, тщательно упрятали. Сантехник, как они думали, должен был быть «свой», но и его, под предлогом разговора, пристально наблюдали за своей работой. Не помогло: сантехник оказался не «их», а «наш», и ввинтил он не простой шурупчик. Пять дней мы могли слышать, что происходило в этой комнате. Здесь бывали каждый день все взрослые члены дома, а некоторые по два раза. Именно в комнате, где побывал сантехник, потом будет находиться мальчик, которому лет одиннадцать. Я буду счастлив потом подвести его к нашей машине, чтобы Статист доставил его к нам, а наши - к родителям.

Мы прочитали книгу, которую нам дал Седой. Ничего особенного. Немного истории, немного описания государственного устройства. Ну, для нас ничего особенного, но если бы у тебя такую книгу нашли там, на верху, тебя долго бы пытали, чтобы узнать её источник. И много голов полетело бы, очень много, при любом раскладе: нашли бы источник или нет. В принципе, можно было раскидать с самолёта по всем штатам эту книгу, и половина нашей работы была бы выполнена – половина насильников была бы уничтожена самой системой, но не за то, что они насильники, а за то, что не умеют держать язык за зубами, за их политическую проституцию. Классная вещь – любовь. До, после и во время секса женщины столько вытягивают из своих возлюбленных, а они такие болтушки и такие невыгодные враги позже. Короче, политическая книга, и к нашей теме она имела немного отношения. Моё внимание привлекли только две главы: о самоизоляции континентов и, конечно, история государства аквапофагов. Читать интересно, но мистический и прозаический стиль никак не настраивают на серьёзный анализ читаемого. Я скорей поверю в существование Атлантиды когда-то, чем в то, что мы, как континент, в какой-то момент самоизолировались от других континентов, а те от нас, или, что государственность аквапофагов насчитывает сотни тысяч лет, и что они, помимо топора и бород, имеют в своём обращении ещё и лопаты, и ножи с вилками, и даже письменность, и даже знакомы с электронными носителями информации, что они знают, что такое сеть, что некоторые из них живут в

четырёхстах метрах от земли, перемещаются по воздуху на автомеханических приспособлениях, не вымирают, выглядят как мы и, в конце концов, никакой охоты на себе подобных не ведут.

За три дня до выезда мы в выдержанном состоянии спокойно просматривали и прослушивали, что происходит в доме, куда нам предстояло отправиться. Всё что можно было сделать, мы сделали, всё что предстояло - маячило в виде результата перед глазами; поэтому наши разъярённые характеры с трудом сдерживали наши нервные системы – хотелось уже очутиться там.

Нас стали командами вызывать в отдел делопроизводства. Там мы получили персональные документы, наброски плана, описание целей. Нам предстояло каким угодно образом, как можно чаще оказываться вблизи своих объектов; вступив с ними в контакт, установить их связи, определить их место в педофилической системе и собрать доказательства их деятельности. Собираемую информацию необходимо было передавать по установленным каналам, хоть и всё, что мы будем видеть и слышать, будет и так передаваться само собой по тем живчикам, которые нам имплантировали.

По импульсу в мизинце мы будем узнавать о существовании в радиусе ста метров «своего», а по взгляду это видеть.

А вот за сутки начался мандраж. Нас «запустили», то есть включили всю имплантированную в нас технику. Тело отозвалось десятками получаемых и передаваемых сигналов, некоторые из которых в том или ином случае ощущались физически. До этого по отдельности я испытал работу каждого из датчиков, передатчиков и прочей электроники у себя внутри, но действие всех сразу переживал впервые. Один мизинец пульсировал, потому что кругом были «свои». Второй мизинец известной мне азбукой пульсов оповещал то о повышенном артериальном давлении, то о попадании меня в поле зрения видеокамер; то, вдруг, мне «пришла» рекомендация восполнить запасы сахара, то сообщение, что в таком стрессовом режиме я смогу полноценно проработать ещё два часа. Мандраж, который возник от всего этого, и того, что завтра предстоит подняться на поверхность, был такой сильный, что я погрешил мыслью сгонять к медикам. А тут ещё «почувствовал» в мизинце, что мне звонит напарник.

Первой мыслью было: «нашёл время», - но сразу более продуктивная вторая, что это очень даже правильно так испытать друг друга, и именно сейчас, оседлала негативную эмоцию.

Я переплёл пальцы на правой руке в нужное положение и нарисовал в воздухе круг с вертикальным диаметром. В голове раздалось:

«Алло!»

Я ошарашено опустился на диван.

«Алло», - говорю.

«Как твоё?» - спросил он.

«Как будто только что родился, но только сразу с мозгами!»

«Я тоже пока не в норме, Сержант!»

«Справимся?»

«Фигня-вопрос, напарник!»

«Эй, ребята, нечего занимать линию для поболтать».

«Седой? Какого хрена? И ты тут будешь?» - заорал я.

«Только иногда, когда сильно по вас соскучусь», - и он засмеялся.

«А можно как-то потише делать здесь звук? – спросил мой напарник, - а то, если Сержант заржёт как-нибудь своим смехом, я оглохну».

«Шутку оценил, - сказал я, - отдача замучает в ближайшее время».

«Так, я не понял, мы можем с тобой связываться? А что ж ты нам свой телефон в дорожку не написал?» - продолжал мой напарник, обращаясь к Седому.

«Э, не, братцы, - отвечал Седой, - субординацию, может, кто и отменил, а вот структуру коммуникации ввернули. У нас с вами связь односторонняя будет. Будете плохо себя вести, буду звонить вам и грозить пальчиком. А будете вести себя хорошо, буду ставить вам на ночь расслабляющую музыку» - и он продолжал смеяться.

«Телефонный» разговор отвлёк от будоражащих мою гормональную систему мыслей. Палец перестал «вещать» о гормональном дисбалансе и повышенном артериальном давлении, но конфету я в рот отправил, затем вторую. Норма сахара перестала быть пониженной. Зато через, опять же, пульсацию стало известно, что мочевой пузырь заполнен на половину.

«А можно сделать так, - сказал я, - чтобы я сам решал, хочу я писать или нет? А то это, как-то, знаете ли, непривычно, а, кажется, что и не прилично», - все понимали, что я шучу.

«Потом спасибо скажите, - ответил Седой, - и, - он сделал паузу и таким притихшим, смеренным, что ли, голосом добавил, - ребята, если хотите, я в бильярдной. Приходите, поиграем, попрощаемся».

«Не знаю, посмотрим», - ответил мой напарник.

«Да, посмотрим, и я не знаю», - сказал я, и мы все втроём прервали связь.

Я остался сидеть на диване, как присел полминуты назад. Вот, и всё. Всё. Всё, что происходило до этого, воспринималось как-то, как необходимое с одной стороны, как таки должное что ли, и как-то, как единственное, что могло происходить когда-то, происходит сейчас, и будет происходить всегда вообще. Но тон Седого, с каким он закончил наш разговор, и это его «попрощаемся» запустили у меня воспоминания жизни, раскручивающееся от событий последних назад, к первым. Всё-таки мы «срослись» с ребятами тут; выполняя много работы, обучаясь, мы, тем не менее, как просто люди прониклись друг к другу чувствами. Слова Седого перед тем, как меня напичкали «Крокодилом», что его жизнь – моя жизнь, теперь всегда стояли у меня в голове. Я никогда не воспользуюсь этим его предложением, но я знаю, теперь знаю, чего стоят слова этого человека. А теперь он говорит: «Попрощаемся».

Мысли перебросились на моего напарника. Вот тоже – судьба необычная. Наверно, вот с таких девчонки не слазят, как только у тех появляется растительность на лице, а то и в более ранние периоды. Такой весь правильный, как из камня выточенный симпатяга. После армии, говорил, с такими показателями

физическими пришёл, что удивительно, как его не прибрали к своим рукам криминальные структуры. А всё потому, что справедливый и добрый был всегда. Три раза был женат. Женщин очень любил, всегда. Красивых. Поэтому, был слаб до их цацек, как тот кот до валерьянки. Первые два брака были короткими, там девчонки были – за шкварку бери и на обложку журнала. Ногтища в половину пальцев, фигуры, личики – мммм. Фотки показывал. Третья жена тоже было красивая, но ещё и душой оказалась прекрасна. Дочка у них была… Да нет, и сейчас есть… Где-то. Видно по нему, что с воспитанием её у него проблем не было. Но вот в школе её прихватил какой-то сосунок, которому папик, видимо, больше денег давал, чем тот мог переварить. Сначала кино, потом кино групповое, потом вечеринка, потом насилие, потом групповое насилие. Всё это вперемешку с угрозами придания публичности её «похождений», потом откровенные запугивания причинением большого вреда родителям, с использованием отцовского влияния. А всё шло к тому, чтобы сынок стал подкладывать её под всяких политиков и бизнесменов, с целью вытаскивания информации у тех об их бизнесе и их характере. Информация аккурат ложилась на стол к отцу. И отцу хорошо, и сынок веселиться. Но была проблема: девочке было двенадцать, и она ничего такого делать не хотела. Сержант попытался наказать обидчиков, когда дочка не выдержала и всё рассказала. Сначала что-то получалось. За заявлением в полицию он создал группу в социальной сети, и около десяти тысяч подписчиков собрались идти с ним до конца. Когда условились на встречу, пришёл только один человек, который оказался юристом. Вот так он со своим волонтёром-юристом оказались лицом к лицу со стаей стервятников.

У Сержанта была интересная работа, я даже не знал, что такие должности у нас существуют. Из армии за ним пришла характеристика – бунтарь. Оказывается, он не очень жаловал различного рода режимы, устоявшиеся порядки вещей, традиции и прочее, и всё бы ничего, но дан ему был дар изощрённо сопротивляться всем таким, чуть начинавшим выказывать признаки окостенения системам. Нет, он не ломал режимы, где бы он не появлялся, но дело у него возникало лишь до таких, которые отравляли существование другим. Из-за этого его не очень жаловало армейское руководство, если не сказать больше, из-за этого у него потом было много проблем в жизни с работодателями. Везде он напарывался на ненависть бездарных руководителей. А что такого, собственно, он делал? Да просто умел влиять на самосознание людей.

Зато он нашёл себя, когда его пригласил какой-то профсоюз на должность соискателя работы. В его обязанности входило размещать объявления о поиске работы по профилирующим профессиям профсоюза и его «союзников». И вот, звонит ему такой потенциальный работодатель, а он трубку не берёт. Звонят ему второй раз, он отвечает:

- Алло.

А на том конце:

- А что у вас с телефоном, почему вы трубку не берёте?

- Ну, значит, занят был.

- Ну, и как вас принимать на работу, когда вы возьмёте, и вот так не ответите на телефон?

- А я смотрю, у вас с этим строго? – спрашивает Сержант.

- Конечно, как и везде.

- Благо, сейчас вы со мной хоть так разговариваете, а устроюсь я к вам на работу, так вы с меня за такое ползарплаты снимете, и плевали вы на то, что дома у меня двое детей. Так?

Некоторые, очень паскудные, пытались вступить с ним в перепалку, но чаще, после таких его выпадов, бросали трубку. Зато можно было быть уверенным - после такого, с другим соискателем работы говорили повежливей. Вот чем занимался Сержант. То грубить охоту отбивал, то всем видом показывал, что за такую зарплату на такой работе час максимум должно работать. Вроде, благое дело, если присмотреться.

А ещё он подрабатывал, охраняя корабль-ресторан по ночам. Там он мог спокойно спать всю ночь в специальной каюте, а по кораблю носилась собака, которая в любой момент могла предупредить об угрозе лаем. Но в одну ночь собака заскочила к Сержанту в каюту и стала, скуля, стаскивать сержанта с койки, вцепившись зубами в его штанину. Сержант говорил, что такой мольбы в глазах живого существа, и такого скуления, никогда не видел и не слышал. Он вскочил и направился за псом. Тот вывел его на палубу, оттуда к трапу, по трапу с корабля, и всё пятился и пятился задом от судна, увлекая за собой взглядом Сержанта. И вдруг – бах! Зарево осветило пёструю бело-серую расцветку шерсти преданного спасителя, пятящегося задом. Глаза пса стали крохотными зеркальцами, отразившими зарево взрыва и полыхание корабля, и теперь были словно две маленькие горящие лампочки. Сержант втянул голову в плечи, а потом повернулся посмотреть, что произошло.

И уже в следующее мгновение бросился к автомобилю. Дверь в их квартиру была открыта. Ни жены, ни дочки.

Он кинулся опрашивать соседей, позвонил в телевидение, стал звонить родственникам и знакомым, наделал ещё кучу глупостей; благо, проведение уберегло его позвонить в полицию в какой-то момент, а в другой - выглянуть в окно. Правильно заподозрил неизвестную машину, подъехавшую к подъезду. Когда услышал, что едет лифт, с остервенением рванул его алюминиевые двери в разные стороны у себя на этаже, сорвав несколько болтов, что привело к его экстренной остановке. Летя по ступеням, остановился у застрявшего лифта:

- Ну что, дебилы, докатались? – крикнул он тем, кто был внутри.

- Ты – труп! – услышал он из лифта.

А это ему только и надо было, чтобы убедиться, что за ним.

Случай спас – водитель в машине оказался всего лишь водителем. Он, походу, даже не знал, зачем он сюда привёз тех или того, кто сейчас сидел в лифте.

После некоторых скитаний Сержант оказался тут. И вот, прошли мы с ним обучение, завтра в город, а сегодня нам предложили пойти в бильярдную – попрощаться. А он ответил: «Посмотрим».

И я сказал: «Посмотрим». Как бесила меня жена, отвечая на это моё «посмотрим» своим: «На что посмотрим?». А сейчас я лижу и думаю, как можно было беситься на что бы то ни было, когда она тебе что-то говорит? Да понятно – почему. Жизнь – порой задница. Самое главное - и жена, и сын знают, что я жив, что борюсь и надеюсь. И они пусть надеются. Я вспомнил про жену, когда сказал: «Посмотрим».

Начиная с утра, весь следующий день ушёл у нас на проверку нашей готовности, сборы и отправку команд за командой на «заходы», как называли наше внедрение в закреплённые за командами объекты. В последний раз проверяли нашу психику и физиологию, в последний раз мы тестировали всю аппаратуру, которой были напичканы, как семечками огурцы.

Нас с Сержантом призвали в тот ангар, в который меня привезли сюда в первый день моего здесь пребывания, в 19:30. Там нас ждал электромобиль, за рулём которого сидел один из наших статистов.

Я ожидал, что придёт Седой, но он не появился. Пришлось прощаться с техниками, которые до последнего момента что-то ещё проверяли из техники, что была внутри нас.

Мы расселись и поехали, и я, подумав о том, что на протяжении всей операции этот человек, «статист», будет находиться в минуте езды от нас, произнёс вслух:

- М-даа, на всякий случай…

- Что? – спросил тот.

- Ничего, ничего, - ответил я, а Сержант, как будто даже ничего не заметил. Но я знал, он понял, что я имел в виду. Мы уже «включились» в свою роль, и я знал, о чём он думает, так тоскливо уставившись в окно. Это были последние наши мгновения, когда мы могли позволить себе слабость и немного подумать о себе.

В 20:15 «статист» остановил машину за восемь домов до нашего объекта, в месте, где не ведётся полицейское видеонаблюдение.

- Как только машина окажется на расстоянии получаса езды до вас, или с ней что-то случится, вы получите сигнал. В сигнале будет содержаться слово «контроль» и указание на количество минут езды до вас. Если вы разъединяетесь, мы находимся примерно посередине между вами, если от вас не поступает конкретного указания.

- Пошли? – обратился я к Сержанту.

- Пошли, напарник, - ответил тот.

Мы покинули машину. Ещё было достаточно светло.

- Ну что, устремимся? – спросил я.

- Погнали. Слушай, я как-то вообще ничего не чувствую. Хоть бы разнервничался, что ли, так нет. Я знаю, ты думал, с чего начать. Что надумал?

- Да, думал. По мне, так мы добьёмся большего успеха, если будем в доме круглые сутки. Мы могли бы сделать так, что нас не будут замечать, но иногда захочется что-то сделать, а тогда наша невидимость может боком выйти. Так что, внедряемся под видом детей, а дальше видно будет.

- Согласен. Это будет победоносно.

- Ого, как ты. С тобой можно идти в разведку.

- Такой пустячок на фоне того, куда ты со мной идёшь сейчас.

Мы посмеялись.

По обеим сторонам дороги, по которой мы шли к «своему» дому, стояли двухэтажные частные особнячки. Это был район, где в бессрочную аренду сдавалось жильё государственным служащим. Один раз пришёл поработать в государственную среду, на всю жизнь обеспечен жильём. Спрашивается – за что? Спрашивается – везде так по нашим Штатам? Что же это за район такой?

- Подожди, - сказал я, - а давай испытаем сейчас же, как работают наши системы? Давай проверим, где наша машина?

Мы подошли к телефонной будке.

К месту, куда надо было прислонить палец, чтобы запустить работу телефонного аппарата, я палец всего лишь поднёс. При этом коснулся пальцем другой руки до костяшки подносимой, и дисплей высветился «менюшкой». Я выбрал навигацию и задал идентификационный номер нашего автомобиля, отслеживаемого персональным спутником нашей организации. Данные я вводил новым, разработанным кодом. Уже с утра идут «заходы» по всем Соединённым Штатам Европы, и, скорей всего, кто-нибудь из солдат уже воспользовался им. На дешифровку кода у государственных органов уйдёт полтора года, но вирус, который уже запустила наша организация, обеспечит самоуничтожение каждого символа нашего кода ровно через сто пятьдесят дней, где бы на электронном носителе он не находился: или во всемирной сетке, или на персональных компьютерах, или в телефонах, или, даже, в факсах и принтерах. А за сто пятьдесят дней мы аккурат отправим каждого из участников педофилической системы - кого за решётку, кого на тот свет.

Дисплей стационарного телефона показал нам местоположение нашей перемещающейся машины.

Мы довольные хмыкнули и отправились дальше.

Специальное включение стационарного уличного телефона обеспечило нам поиск нужной информации с использованием подставных локационных и идентифицирующих данное устройство данных, а специальное выключение вообще удалило всю сессию. То есть, если действовать таким образом в течение пятидесяти трёх секунд, определение спецслужбами того, кто, когда, где и с какой целью использовал устройство полностью исключалось. Как раньше банк надо было успеть ограбить за сколько-то там минут, пока не прилетели полицейские, так нам сейчас предстояло время от времени похищать информацию с каких-либо устройств за пятьдесят три секунды.

До «нашего» дома оставалось ещё три. Мы притихли и стали сосредотачиваться. Дом уже виднелся. На улицах ни души. А вот и ответвляющаяся перпендикулярно от тротуара дорожка из мелкой мозаики, ведущая к чёрной двери. А вот и необычная кнопка дверного звонка – чтобы позвонить, надо было просунуть палец в разинутую пасть, прибитой на уровне плеча, головы льва.

Искусная, между прочим, работа из бронзы.

В глубине дума раздался гонг. Дверь открыла мать семейства спустя время, которого хватило бы дотопать до двери из самой дальней точки дома, вернуться обратно, а потом проделать опять весь этот путь. А мы терпеливо ждали, зная, что все дома. На нас уставились впалые, с оттенком несчастья, злые, но красивые голубые глазки. А мы улыбнулись. Улыбнулись так, что её взгляд, и без того мрачный от природы, стал ещё мрачней – выглядело так, будто она и в самом деле поняла по нашим глазам, что мы знаем абсолютно всё, а ко всему прочему, по каким-то флюидам умудрилась для себя разглядеть в нас свой смертный приговор. А может и другое. По крайней мере, как-то следовало определить для себя её реакцию, потому что когда определённо объясняешь себе поступки других людей, то и действуешь плюс-минус рационально, да сообразно.

Как только она, оценив происходящее, и предположив, что сегодняшний вечер не предвещает ничего хорошего, открыла рот, чтобы крикнуть, я выкинул вперёд руку и щёлкнул её по носу двумя пальцами. Шок от моего действия парализовал на мгновение разум женщины. Удерживая её внимание, я ладошкой нарисовал у неё перед лицом два круга, как будто затираю видимое ею, что погрузило её в ещё больший транс. Резче всех предыдущих действий, хлопнул, как будто в ладоши, одними пальцами рук. Её взгляд стал пустым и бессмысленным, и я добил её состояние, издав звук, переходящий из «сссс» в «шшш».

- Ты сам потом с ней всё это сделаешь, - объяснил я напарнику знаками, тот кивнул, не издав ни звука.

Я добавил знаками, если что-то пойдёт не так, отключаем всех и валим, а потом придумаем новый «заход». Он кивнул второй раз. В присутствии загипнотизированного следует говорить на отвлечённые темы как можно меньше – весь словесный набор укладывается на подсознание в виде символов кода, на котором запрограммирован наш мозг, поэтому следовало говорить продуманными командами, зная и помня, что ты приказал, а не разгребать потом и удивляться творимому человеком, который в загипнотизированном состоянии нахватался невесть чего. В общем, осторожность тут не помешает.

- С этого момента, - проговорил я, обращаясь к женщине, стоявшей как зомби, - как только я дотронусь указательными пальцами рук, ты будешь погружаться в это состояние. А сейчас громко позови Маная.

- Манай! – крикнула она, а взгляд её оставался пустой.

Через полминуты явился этот «неадекват» с торчащей из-под майки лоснящейся волосатой грудью. Своими хомячьими глазками он посмотрел на нас, потом на мгновение перевёл вопросительный взгляд на женщину, потом этот же вопросительный взгляд на нас, но тут же изумлённо вернулся взглядом к ней.

Что он такого жрал, и что такого делал, что б у него была такая чистая и ровная загоревшая кожа? Ни прыщика, ни царапинки.

- Что? – проговорил я. - Клёво? Она сейчас в трансе. В очень глубоком. А через двадцать секунд и ты там будешь. Но сначала ты должен узнать, что мы пришли наказать вас за то, что вы насилуете детей, насилуете и торгуете ими. И ваше

счастье, что вы, всем своим долбаным семейством, не причастны к их кражам.

Манай стал возвращаться в норму.

- Да вы знаете, кого вы заставляете перегреваться? – проговорил Манай и в его руке оказался телефон.

Но он никому не успел позвонить. Я выхватил телефон и легонько плашмя стукнул им Маная по лбу. Потом издал протяжённо «оммммм» и стукнул ещё раз, повторил эту же процедуру ещё, и ещё, пока не увидел, что Манай находится там же, где и женщина.

Сержант отправился вовнутрь.

- Когда я соединю указательные пальцы, ты будешь погружаться в это состояние, - скомандовал я теперь Манаю.

Мне надо было подождать полторы минуты, пока Сержант то же самое сделает с «отцом» семейства, поэтому я просто ждал. Но тут мне пришла в голову шальная мысль поразвлечься.

- Положи ей на голову руку! – скомандовал я

Манай подчинился.

- А теперь ты покрути у его виска пальцем! – и женщина выполнила.

- А теперь оба крутите, не переставая, у виска друг друга пальцами.

Вышел Сержант, кинул взгляд на «моих», усмехнулся, - я ему в ответ, - и жестом пригласил заходить внутрь.

- Хватит, пошли в дом! – скомандовал я женщине и Манаю.

Картина, которая представилась моему вниманию, когда мы все вошли в гостиную, оказалась именно такой, какой я себе её нарисовал заранее. По середины гостиной стоял «отец» семейства и Ушастый с потухшими взглядами, а кучка детей сидели на диване, ошарашено таращась на происходящее.

Мы заложили своим находящимся в глубоком трансе «пациентам» нужные нам для дальнейшего команды: когда и где погружаться в такое состояние, что помнить, а что забыть, о чём думать, а о чём и не помышлять, и прочее, и прочее, и прочее. Детей тоже подвергли гипнозу, а потом всем приказали вернуться на то место, и занять те позы, в которых они прибывали, когда раздался звонок в дверь. А когда мы оба хлопнем в ладоши, все должны были ничего не вспомнить, а нас воспринимать, как пятилетних глухонемых братьев-близнецов.

Все разошлись по своим местам, взялись за предметы, которые держали в руках, когда мы позвонили в дверь, и мы с Сержантом хлопнули в ладоши.

Дети продолжили искать монеты под ковром металлоискателем, который соорудил им Манай. Их отец смотрел телевизор. На нас никто не обращал внимания.

Через некоторое время у Маная зазвонил телефон.

Мы с Сержантом включили подслушивающие устройства у себя внутри и всё содержание телефонного разговора Манай, вся техническая и юридическая информация об его устройстве, и о том, с которого шёл ему звонок, их географические данные, и всё что только можно было ещё подслушать, отследить, вывести, запечатлить и даже похитить у мобильных операторов из их баз данных,

всё это полетело на сервера нашей компании.

Он ответил, что всё в силе, что завтра ждёт его, кого-то там, в гости. А нам уже сообщили, что Министра здоровья.

Мы с Сержантом сидели в креслах, рассматривая быт Благополучной семьи. Как, однако, отличалось то, что мы видели и знали о них, от того, какие представление о таких семьях были в народе. Благополучные…

Сержант, как и я, испытывал смешенные чувства. Вот вчера мы наблюдали за этим семейством из мониторов, а сейчас сидим среди них, нашпиговав их командами, которые обеспечивают нам безопасное пребывание подле. Я встал и решил пройтись по дому, чтобы исследовать его. Напарник с тревогой глянул на меня.

- Давай хорошенько здесь всё изучим, и везде подложим себе соломку, чтобы хозяева не задумывались относительно нашей участи.

У всех обитателей дома уже стояли заглушки на наши голоса, поэтому они не должны были слышать, что мы говорим прежде, чем не услышат ключевое для этого слово.

Мы отправились на кухню (там на нас глянула женщина и ничего не сказала), я взял пряник из вазы на столе, и мы отправились на второй этаж, где обнаружили, что спать-то нас укладывать родителям некуда. Пришлось сооружать для себя кровати. Сержант спустился к женщине на кухню и привёл её к нам в спальню. Мы указали на свои спальные места, внушили, что это кровати, и отправились с женщиной в ванную. Здесь мы указали на стакан с зубными щётками, в котором, пока мы тут, она должна будет наблюдать наши с Сержантом две жёлтые. Заставили её «видеть» наши полотенца. Она теперь знала, что мы не ходим ни в детсад, ни в школу, что мы пробудим здесь полторы недели, пока нас не переселят в другую семью, и, начиная с этого момента, она теперь будет забывать всё, что она делает в отношении нас, как только такому воспоминанию исполняется астрономический час. А потом отправили её обратно, внушив забыть о путешествии наверх.

И тут меня посетила одна мысль. Сержант сразу обратил внимание на «огоньки» в моих глазах, и изобразил сомнение у себя на лице:

- Может, давай привыкнем к состоянию, осмотримся, а потом приступим к таким предприятиям? – спросил он.

Я отрицательно покрутил головой и стал увлекать его за собой.

- Не могу спокойно смотреть, когда есть возможность пресечь это безобразие. Я хочу освободить этих детей из подвала.

- Мне тут подумалось, что зря мы этой сделали установку забывать всё через час, и с другими не стоит этого делать - мы можем так проколоться, - перескочил он на другую тему, выказав молчаливое согласие освободить детей из подвала.

- Чёрт, у меня тоже проскочила такая мысль. Два человека ошибаться не могут. Тогда отменим потом. А сейчас, Сержант, к Манаю.

- И тут, боюсь, у нас будут проблемы.

- Проблемы будут не у нас, а у них, - намекнул я на предстоящую заботу

нашей организации по перехвату от нас, а потом передаче родителям детей, которых я решил освободить из подвала, - а у нас будет ответственность.

Мы спустились по лестнице и прошли к дверям в подвал. Они, конечно, были закрыты.

- Давай потом, когда всё поутихнет, и он придёт сюда, - предложил Сержант.

- Хорошо. Глотнём виски Маная?

- Я был о тебе мнения, что с тобой не соскучишься, но теперь вижу, что с тобой вообще весело будет, - и так он задорно несильно рассмеялся, что у меня удавом к горлу подкралась благодарность и уважение к этому бесстрашному человеку. Ведь такие наши действия могут привести к провалу, а он увязывается со мной в любое моё начинание. Потому что знает, мы оба знаем, что если что-то пойдёт не так, мы друг за друга челюсти врагам руками повыдираем.

Мы прошли на кухню, я выкинул руку вперёд: пальцы я сложил определенным образом и нарисовал знак в воздухе. Прям как тот ведьмак, рассказами о котором я упивался в детстве. Только тот так руками магию растачал, а у меня этот знак, при таком сплетении пальцев, означал для зомбированного состояния женщины команду закрыть глаза и погрузиться в состояние сна, причём глубокого и непробудного, пока не поступит соответствующий сигнал. А чем не магия, если смотреть со стороны?

Я потянулся к бокалам, затем к виски в другом шкафу. Быстренько плеснул себе и напарнику по глотку и водрузил манаевское пойло на место. «Запустил» женщину, и мы отправились вон из кухни, чтобы расположиться на ступеньках деревянной лестницы, ведущий на второй этаж.

- Вечно бы так сидел и подглядывал за людьми, - сказал я, рассматривая копошившихся детей и дуреющих от ожидания «своего» ночного времени взрослых. Никто из них, как и следовало, не обращал на нас никакого внимания.

Из кухни раздался крик женщины:

- Давайте все мыться, чистить зубы, и в кровать!

А мы получили сообщение, что завтра девочка из подвала будет перевезена Манаем к одному очень влиятельному чиновнику, который её заказывал три недели назад.

Короткое сообщение. Никаких указаний, запретов. Но нам и без этого становится ясно, что мы не можем сейчас вызволить её. Вызволи мы её – подвергнем опасности десятки других, которых будут пачками таскать туда, куда повезут эту. Девочка будет спасена, но десятки других подвергнутся серёзной опасности. Что ж, будем действовать осмотрительно и размерено. Участь мальчика из подвала не была пока нам известна, но и его придётся использовать, как наживку. И я уже придумал как.

- Давай подкосим парнишку в подвале, чтобы его отправили в диспансер. Последуем за ним, - предложил я.

- Давай сделаем, чтобы Манай просто уверовал в это.

- Идёт.

Дети стали подниматься и идти мимо нас по лестнице наверх. Перед нами

возникла женщина и молча указала пальцем в направлении ванной, которая находилась на втором этаже дома. Мы отдали ей пустые бокалы и стали медленно подниматься ступенька за ступенькой, поглядывая, без препятствий ли та добралась до кухонной раковины, чтобы сполоснуть их и поставить на место. Если Манай окажется чересчур наблюдателен и обратит внимание, что бокалы влажные после мойки (когда через некоторое время потянется за ними, чтобы накачаться, а затем спуститься в подвал), что определит, как не свойственное данному моменту дня, придётся вмешиваться – каждая такая нестыковка будет приплюсовываться к предыдущей, а вместе они начнут формировать состояние подозрительности и повышать бдительность. А нам они все тут нужны в нормальном, расслабленном состоянии.

Манай присел на диван рядом с заснувшим отцом семейства. Ушастый сидел в кресле, уткнувшись в телефон.

- Иди спать, - услышал он обращение Маная к себе.

- Сейчас, - ответил тот, и через полминуты, действительно, поднялся из кресла, и ушёл.

Манай растолкал мужчину на диване.

- Иди, тебя жена заждалась.

Тот взглянул на Маная, открыв глаза, озлобился, но тоже поднялся и ушёл.

Манай сходил на кухню, налил себе полбокала виски и вернулся на диван.

Когда всё было выпито, а дом погрузился в тишину, Манай поднялся и направился вон из гостиной. Он стал огибать угол, чтобы приблизится к дверям в подвал, которые оказались уже от него в двух метрах, но тут напоролся на нас.

Он покрутил своим морковочным пальцем у виска, затем указал нам им в сторону наших комнат, сделал страшную гримасу, и даже схватил за шею Сержанта, и толкнул его по направлению к лестнице.

Сержант, было видно, разозлился. Он полностью привёл его в состояние, «отключил» все работающие в его мозгу заложенные нами команды, и дал ему посмотреть на ситуацию его естественным состоянием. Манай вспомнил, как мы появились, как я выхватил у него телефон, и дальше по развитию событий. Его глаза наполнились таким бешенством, но одновременно и страхом, что, пожалуй, он должен был сдохнуть прямо сейчас у нас на глазах.

- Ну что, придурочек, нормально тебе? – спросил мой напарник, ухватив его таким же жестом за шею, каким мгновение назад Манай попытался подтолкнуть Сержанта в направлении к нашей комнате.

Думаю, Манаю на шею ни разу в жизни ещё не опускалось ничего подобного. Сержант мог бы сдавить рукой это место так, что у того на шее навсегда остались бы вмятины.

- Только попробуй пискнуть, недоносок, и это будет последним, что ты сделаешь в своей жизни, - порычал Сержант ему в самое ухо.

Я спокойно созерцал происходящее – Сержанту надо было дать возможность выпустить пар, да я и сам начинал уже звереть, смотря кругом. Ведь куда только что направлялся этот недоносок?

- Слушай сюда, скотина, - продолжал мой напарник, - сейчас ты знаешь, что происходит, но через минуту не будешь этого знать снова. Твоё сознание для меня, как коробок спичек: захочу - рассыплю всё содержимое, захочу обратно одну спичку только засуну, и останешься дебилом на всю жизнь. Кем ты являешься и так. Понял?

- Понял.

- Ключ от подвала, - мой напарник протянул руку к Манаю.

Тот вложил ему в неё связку.

- Сделаем себе дубликаты, - обратился он ко мне.

Я сложил пальцы в очередной финт, чтобы запустить внутренний телефон, и послал нашим текстовое сообщение, что нам необходимы дубликаты этих ключей, а потом один за другим приложил их к тыльной стороне ладони, чтобы отсканировать бородки каждого, и вслед за текстовым сообщением отправил необходимые для создания дубликатов ключей изображения. Затем засунул связку ключей обратно Манаю в карман.

- Сейчас и завтра, и во все последующие дни, - продолжил измываться мой напарник над существом по имени Манай, - мы сделаем так, что ты будешь приходить сюда каждый свой грёбаный вечер, дотрагиваться до ручки двери и валить обратно в свою долбанную конуру спать, думая, что сделал всё, что хотел. И так будет продолжаться, пока мы не решим, когда тебя убить. Представляешь, какие у тебя перспективы? Сейчас мы сделаем так, что ты всё забудешь, и опять будешь смотреть на нас, как на двух глухонемых маленьких братьев-близнецов. Насладись последними моментами своего чудо-сознания, потому что мгновение спустя я соединю два указательных пальца, и твой мозг заработает с частотой двух герц, и ты, сукин сын, будешь наполнен нужным нам содержанием, и продолжишь делать то, что надо нам – помогать мне и моему напарнику узнать всё и обо всех, с кем ты связан, торгуя детьми. Смотри теперь сюда, придурочек.

Сержант медленно разжал руку. Манай продолжил стоять в скрюченной позе, видимо, боясь даже пошевелиться после такой хватки. А мой напарник стал с показной медлительностью сдвигать указательные пальцы.

Когда мы отправили Маная в постель, я поспешил поинтересоваться, что это было?

- У меня из детства есть ненавязчивое, но неприятное воспоминание о руке отца у меня на шее. Когда вспоминаю его с ненавистью, ассоциативный ряд одной из первых заполняет именно эта картина, и наоборот.

Я усмехнулся:

- Манай попал под горячую руку.

- Что-то типа этого.

- Ты теперь чист или что-то осталось?

- Порядок, порядок. Пошли спать.

Мы поднялись к себе, где немного времени назад устроили лежаки, довольно-таки удобно расположились в них, и запустили программу сна. Это будет вторая ночь, после тренировочной, когда мы будем спать, регулируемые вживлёнными в

нас системами. Небольшое напряжение тока будет регулировать наш сон нам по очереди. По полтора часа.

Второй день, и третий

С утра мы смогли понаблюдать за утренним моционом этой семьи воочию, а не через камеры, как мы это делали до этого у себя. Поэтому я смог раньше описать быт одной из Благополучных семей. И может это вообще не повторяет картины, которую можно было бы наблюдать в других семьях этой категории, но зато полностью отражает то, что про них даже не мыслилось.

После завтрака напарник отправился следить за Манаем с Ушастым, а я - за отцом семейства.

Когда мужчина, за которым предстояло отправиться мне, покинул дом, я подловил его, и устроил так, чтобы он меня не замечал. Поэтому там, где я мог просто быть рядом с ним, я был. Все его телефонные разговоры, все места, где он побывал, всё, что он делал, перемещаясь от одних людей к другим по всему городу, всё это было зафиксировано и передано в нашу организацию.

Официально мой «подопечный» числился прорабом в строительной фирме, а по факту являлся курьером между этой фирмой, которая на самом деле была рекомендательным органом для сиротских судов, и этими самыми сиротскими судами, занимающимися делами детей: от похищений, плохого содержания их в семьях родных родителей, до совершённых в отношении их административных и уголовных преступлений; дела об изнасиловании детей тоже рассматривались тут, сиротскими судами. Мой «подопечный» носил бумажки от этой «строительной фирмы» по сиротским судам всего нашего города, в которых указывалось, какое наказание должны выносить суды по тем или иным случаям, из которых можно было извлечь пользу для системы, если «правильно» всё повести.

Я шкурой почувствовал, когда он входил в офис своей фирмы, что здесь могут заниматься всем чем угодно, но только ни одним из официально зарегистрированных направлений предпринимательской деятельности в наших Штатах. Отделка здания не бросалась в глаза, но замеченные через окна, отделанные декором стены говорили о гиперприбыли фирмы, что не могло соответствовать пропагандируемым европейским ценностям.

Когда он вышел из здания, я последовал, как того требовалось, за ним. Он зашёл в ресторан, я сел рядом. Он заказал обед: первое, второе, салат и пиво. Официантка обернулась ко мне. Я, заранее убедившись в отсутствии видеонаблюдения в ресторане, отрезал:

- Мне тоже самое, счёт оплатит он, - и кивнул в его сторону.

Тот какое-то время в смятении смотрел на неё - не каждый день увидишь сумасшедшую официантку, говорящую с воображаемым клиентом.

Я постарался не разводить кашу в разговоре, поэтому она быстро записала мой лаконичный заказ и удалилась. Пару манипуляций и мужчине было внушено забросить воспоминания сумасбродных действий официантки в дальние уголки

памяти, из которых они явятся ему ровно через тысячу пятьсот пятьдесят пять дней, пять часов, пять минут и пять секунд (я подумал, что можно так пошутить; к тому времени или он будет в тюрьме, или всё это сейчас не имеет значения).

За обедом я заставил рассказать его всё, что сейчас произошло в «строительной» фирме. Он передал мне бумажки, которые он получил там, и которые ему следовало разнести по судам. Я просмотрел каждую, чтобы всё, что в них содержалось, стало достоянием наших пишущих серверов.

- Нравится тебе то, чем ты занимаешься? – спросил я, чавкая в удовольствии от вкусной и нормальной пищи, и наслаждаясь своим господствующим положением.

- Да, - ответил тот, жуя со стеклянным взглядом.

Я нагло всмотрелся в глаза, доведённого моими усилиями до состояния получеловека, существа. Даже сквозь неподвижные зрачки, но мне хотелось заглянуть в душу этому человеку. Неужели ни йоты раскаяния? Неужели передо мной разумное существо с напрочь отсутствием совести? Неужели липким холодком страха никогда не подёргивается чёрная гладь внутреннего мира этого монстра, что за всё содеянное вдруг придётся ответить, и, конечно, жесточайшим образом?

- Ты же козёл, ты это понимаешь? – негодовал я, кипя ненавистью и призрением.

- Я козёл.

- Да-да, ты козёл и ешь ты сейчас червивую капусту. Видишь червяков?

- Да.

- Ты – мартышка. Подковырни червячка на вилку и съешь. Он очень вкусный. Вкусный?

- Да.

- Ты - опять человек. Сколько раз ты посещал этот ресторан?

- Тридцать восемь.

- Когда я уйду, ты забудешь всё, о чём мы говорили и что делали. Как ты сегодня принимал пищу тут, ты заместишь воспоминанием, как ты это делал в одиночестве тут в последний раз.

Быстро и смачно доев свой обед, я покинул ресторан, и расположился поодаль, чтобы не упускать из виду дверь.

Что там происходило, можно только догадываться. Он вылетел оттуда бешенный и красный от возмущения, и пыхтел, заполняя своим остервенелым дыханием пятиметровое пространство вокруг себя, словно бык. Интересно, как работникам ресторана удалось доказать ему, что он сидел с кем-то, что заказал два обеда? Что бы там рискованного для нашей операции не произошло, меня это волновало немного, потому что я принял за страховочное, что во всяком месте я могу появиться только один раз, а если я, побывав где-то, буду вынужден вернуться туда опять, значит, я что-то не доделал или что-то пошло не так, а это недопустимо с точки зрения успешного завершения нашей операции, по крайней мере на первой её стадии. Зато меня это небольшое приключение немало развеселило, на что и был мой расчёт.

Когда было можно, я появлялся рядом с «отцом», снимал запрет видеть меня и вытаскивал из него всю информацию, которую он получал там-то и там-то. Все документы, звонки, сообщения и прочее не прошло в этот день мимо меня.

Я узнал о приличном количестве учреждений, которые под пристойными вывесками занимались отнюдь непристойными делами. Если «строительная» фирма моего наблюдаемого занималась рекомендациями сиротским судам решений по рассматриваемым теми делам детей, то кафе, где он подрабатывал охранником, делая вид, что сопровождает открытие и закрытие его, занималось аналитико-статистической деятельностью. А субъектом и объектом статистики и анализа у них являлись биологические родители с их реакцией на провокации, которые осуществляла вообще другая организация - охранная фирма, между прочим, в которой мой наблюдаемый был официально оформлен, как охранник. Сотрудники этой охранной фирмы время от времени по отработанной системе совершали в отношении тех или иных родителей и их детей некоторые определённые действия. Начиналось обычно с малого: скажем, с указания «посторонним человеком» родителям на неопрятный вид дитя. Такой из себя добродушный старичок, например, совался, проходя мимо песочницы, к какому-нибудь ребёнку, указывая на грязные его колени. Налетающая тут же мать или отец получали от него, со всеми полагающимися такому случаю извинениями, вежливое уведомление этого «старичка-одуванчика», что ребёнок испачкал коленки, чем и привлёк его внимание, и он хотел подсказать ему, что можно почиститься, и не быть неряшкой.

Реакция родителей показывала, можно ли в следующий раз появиться рядом с ними какой-нибудь пожилой бабульке или солидной даме, которые тут же найдут повод, чтобы публично укорить родителей в недосмотре. Если и тут родители вели себя смирно, запускался механизм пожёстче. Суть таких операций сводилась к тому, чтобы выявлять степень привязанности и способности к защите у таких родителей своих детей. Слабых и податливых продолжали обижать, пока не убеждались, что ребёнка можно или похитить, или отобрать юридически.

- Подожди, - спросил я его, - бывают же случаи, когда встречаются родители, с которыми лучше так не поступать? Скажем, и в семье порядок, и родители не промах – могут и по роже съездить. А всё равно отбирают детей.

- Значит, чем-то привлёк внимание сам ребёнок, - такой был ответ.

Информации, которой мне удалось собрать за день, хватило бы, чтобы осудить на десяток тысяч лет сотни человек. И это только от меня одного. А ещё таких же девяносто девять солдат сегодня орудовали по всем нашим Штатам.

Сержант, увязавшись за Манаем, исследовал криминальные элементы. Манай крутился с людьми, которые занимались хищением и продажей детей. Большая часть их действовала в тесной связи и по указанию таких, как «моя» охранная фирма, но в случае чего механизм отмежевания отработан был как часики. И бандиты знали свою участь, а потому старались страховаться собственными усилиями. Украсть и привезти ребёнка к заказчику в обход всей педофилической системы, причём на полное растерзание, без отчёта и возврата – дорогого стоило.

Поэтому эти люди не боялись залётов в полицию - на завтра человек, который тебя поймал за руку и привёл в правоохранительные органы, просто исчезал.

Вечером мы снова сидели с напарником на ступеньках лестницы, ведущей в наши спальни. «Мать» семейства сварила нам кофе. К кофе, по-нашему, полагалось по глотку «манаевских» виски – я налил себе и Сержанту.

- Я завтра хочу отправиться в какой-нибудь диспансер, - сказал я напарнику.

- Они собираются везти нас в зоопарк, - ответил Сержант.

- Вот Манай и не поедет, а повезёт меня в диспансер.

- Он же это и придумал.

- Знаю, знаю. Но мне кажется, такая поездка нам ничего не даст, поэтому я его собью с этой мысли.

- А мне кажется, мы могли бы много извлечь из этой поездки – всё-таки публичное поведение Благополучной семьи.

- Согласен. Поэтому разделимся, чтобы ничего не упустить, надо всё-таки сгонять и туда, и туда. По всему, мы не доберёмся до диспансера, исходя из наших планов, а насколько я помню, ни один диспансер, ни для кого «заходом» не сделали.

- Это – так.

- Так ты согласен?

- Разве я сторож своему напарнику? – улыбнулся Сержант.

- Мы оба понимаем, что это не так, равно как и то, что вдвоём от нас в одном месте куда больше толка. Но, думаю, ты завтра справишься там без меня.

- Что ты задумал?

Его вопрос остался без ответа, и потом я на него не ответил, и не ответил бы я ему на него вплоть до завтрашнего дня, до самого момента посещения этого диспансера, потому что сам на тот момент ещё не знал, зачем я туда навострился. Но именно сейчас я не успел ему ответить, потому что наш диалог прервал гонг в дверь. Мы помнили, что во сколько-то должен был явиться вчера звонивший, и вот – это был он.

Всех детей попросили подняться к себе, мы тоже ретировались.

Стоя, скрытые застенком от взглядов, находящихся в прихожей, мы прислушивались, когда гостя впустят в дом, и что там начнёт происходить. Когда у входной двери раздался посторонний голос, мы стали тихонько спускаться, чтобы глазами взглянуть на посетителя, а соответствующее видео было зафиксировано, как доказательство. Я держался внутренней стены, где на половине лестницы снизу перила заканчивались комнатным проёмом, а Сержант обогнул меня, и стал осторожно ступать по ступеням, держась внешней стены, тянущейся до самого конца лестницы. Я вдруг почувствовал взгляд. Стена, которой придерживался Сержант, частично было декорирована зеркальными кусочками. Ведомый инстинктом, я резко уставился в один из этих кусочков, в котором и обнаружил взгляд этого человека, который только что вошёл в дом. Или чрезмерная подозрительность сделала его таким наблюдательным, и он боковым зрением уловил движение в тех же кусочках зеркала, или мы произвели шум, или Сержант не рассчитал и засветился ногами. Я схватил его за руку и стал тянуть назад,

заставляя делать его обратные шаги. Когда он оказался рядом со мной, я указал на нашу дверь. Он быстро всё понял и исчез за ней. Передо мной уже стоял «отец». Доли секунды моего раздумья, и я выдал, внушая:

- Я обосрался.

Сказанное с внушением послужило для сознания «отца» командой, и я знал, что сейчас он видит соответствующую картину.

- Жена, - крикнул он, - иди, тут один из близнецов обделался!

Она возникла через десять секунд, схватила меня за руку и повела в ванную. Когда она открыла дверь в ванную, я сказал, опять же внушающее:

- Жди меня тут.

А сам, уже избегая и отражений в декоре, и стараясь действовать бесшумно, подполз к лестнице на животе, и приготовился свесить голову, чтобы зафиксировать гостя, посещающего Благополучную семью, своими глазами-видеопередатчиками. Я стал слушать их разговор, чтобы по звуку определить направление их взглядов, а встроенный в меня микрофон записывал их беседу. Когда я понял, что все смотрят друг на друга и никто в мою сторону, я посмотрел сквозь перила лестницы. Этого было достаточно. Профиль нашего замечательного Министра спорта, берущего аудиенцию у педофилов и торговцев детьми, - которых тем поставляет Манай, да и сам таковым являлся, - будет отличным подспорьем, когда ему придётся давать показания относительно того бассейна; или не придётся, потому что не доживёт, или потому, что наша операция не даст того результата, который мы рассчитали.

- Присядьте, я сейчас к вам её приведу, - это говорил Манай.

А через несколько секунд он показался, направляющийся по лестнице в свою комнату, потому что (чёрт!) сработала внушённая ему команда уходить в совою комнату спать, как только он дотронется до ручки двери. Я дал дойти ему до его берлоги, затолкнул его в неё, а потом приказал спуститься, и сделать, что он хотел, сообщив там всем, что он ходил в комнату за ключами.

Через минуту Манай уже возился с замком в подвал, а ещё через минуту послышался его голос:

- Смотри, этот дядя завтра станет твой покровитель, и ты должна будешь делать всё, что он скажет, и как он скажет. Как я тебя учил. Ты поняла?

- Да, - ответила девочка тихим голосом.

- Ты помнишь, что будет, если ты ослушаешься?

- Да, - и опять убийственно тихо и раболепно.

У меня мурашки по мозгу побежали.

- Девочка, ты не должна меня бояться, - заговорил министр, - смотри, я привёз тебе подарок: платье и куклу; а вот - возьми шоколадку.

- Спасибо, покровитель.

Я захотел остановить эту сцену самым жутчайшим образом, и снестись вниз, чтобы вырвать из их голов черепа, а всё остальное оставить. О, какое бы доброе дело я сделал! Мне на плечё легла рука. Я даже не оглянулся, я знал, что это Сержант, потому что услышал, как он стал выходить из своего убежища, как прошёл в

ванную – женщине нечего там было делать долго. Его, бесспорно, обуревали те же эмоции.

- Завтра, - услышал я его тихое слово.

Я закивал головой.

- Подойди сюда, девочка, - сказал министр.

И через мгновение:

- Смотри, какая ты красивая, только худенькая. Но у меня ты будешь каждый день кушать конфетки. Ты любишь конфетки? Покажи мне свой животик. Ладно, порядок, - последнее предложение, видимо, относилась не к ней.

Опять послышался звук открываемой в подвал двери – Манай увёл девочку.

Мимо прошла, не заметив нас, женщина, которой Сержант дал установку провести в ванной столько времени, сколько необходимо, чтобы подмыть ребёнка. Спустившись вниз, она пояснила своё отсутствие:

- Ребёнок обделался.

- Манай, вот деньги – десять тысяч. Через три недели подготовь следующую. У меня куча работы и много стресса

И тут он засмеялся. Гиена кричит приятней.

- Дайте мне выпить, - попросил он.

- Есть виски, - ответил Манай.

- Пойдёт, - умиротворился тот.

Мы с Сержантом переглянулись – если Манай сейчас пойдёт и не досчитается своих бокалов, будет небольшая заминка и суматоха. Но пошла женщина. Видимо ей не показалось это сколько-нибудь подозрительным, потому что через какое-то время можно было слышать звуки ударяющихся кусочков льда о стенки бокала.

Наверно его ну очень мучила жажда, потому что уже через несколько секунд тишины раздалось его довольное фырканье и благодарность.

- Ну, мне пора. Давай, Манай, завтра в это же время её подвози. Если что-то изменится, я тебя предупрежу.

- Хорошо, господин министр, и внимательней на дороге, чтобы мне не пришлось передавать девочку вашим наследникам.

- Ты своей смертью не умрёшь.

Мы с Сержантом снова переглянулись, но уже с дьявольскими улыбками, и со значением закивали головами. Молодец министр – навёл порядок у меня в голове, а то я всё никак не мог додуматься, какого мазка не хватает до полного завершения картины этого неприятного человека. А вот теперь всё стало на свои места.

- Вам не стоит о том волноваться. Лучше почаще уделяйте внимание своей самообороне, потому что относительно вашей участи судьба располагает примерно такими же планами.

- О, Манай, ты нарвёшься.

- Ладно, давайте не будем сориться, - вмешался «отец», дипломатично похлопывая направившегося, но остановившегося у выхода, стреляющего в Маная налитыми кровью глазами Министра по спине.

Министр, попытавшись сохранить полное намерений выражение лица, строго

глянул на хлопающего по спине, чем того нисколько не смутил, взялся за дверную ручку, ещё раз метнул ненавистный взгляд на ухмыляющегося Маная, и вышел вон.

Все трое «взрослых» прошли в зал, и на Маная обрушился шквал проклятий. Он был из тех людей, которым такое нравилось.

Мы спустились на свои ступеньки и продолжили разговор. Мимо нас пронеслись дети дома.

- Пока я не думал про диспансер в таком формате: что мне там надо сделать, и что я сделаю. Для начала необходимо посмотреть, что собой представляет это заведение вообще. Вроде организация не останавливает, значит можно съездить. Манай девочку собирается завтра вечером отвезти? Давай тогда ты днём с этими в зоопарк, а вечером на подстраховке с Манаем посидишь. Если что, будем на связи, и ты будешь у него узнавать, что мне говорить и делать перед министром. Разыграем, будто я новенький курьер от него.

- Мне в своих целях надо бы день с Манаем побыть. Хочу узнать все его дороги.

- Ну, спешить нам некуда – у нас месяцы ещё впереди. Послезавтра он твой, едёт?

-Договорились.

А я тогда послезавтра ещё раз побываю в этой строительной фирме, но уже пройдусь по всему зданию, и всё что у них имеется, передам в организацию.

- Договорились.

- Что ж? Отлично.

Мы проговорили ещё с час, дождались, когда все улеглись, и уже собирались сами идти отдыхать, когда наше внимание захватил показавшийся из кухни Манай. Мы затихли, уставившись на него (мне стало интересно увидеть, как опять сработает у него внушение не спускаться к детям вниз). Он шёл, покачиваясь, видимо на одну сотую состоя из виски. Манай подошёл к двери в подвал, провозившись, достал ключ и стал отпирать дверь. Я нахмурился и взглянул на Сержанта. У того тоже появилось озабоченность на лице.

- Может, он наркотой накачался какой-нибудь и гипноз не достаёт? – тихо предположил напарник.

Я отрицательно завертел головой.

Манай уже собрался надавить на дверную ручку, но, дотронувшись до неё, отдёрнул руку, развернулся, и засеменил к лестнице, и теперь, скорей всего, его путь лежал в свою комнату, как ему и было внушено.

Я улыбнулся.

- Помнишь, какое мы ему сделали внушение? Развернуться и уходить в свою комнату, как только он дотронется до ручки двери. Он сначала открыл дверь, а до ручки дотронулся потом, и тут же последовало действие внушения. А теперь он ещё и дверь не закрыл. Будем закрывать?

- Ай, развлечёмся завтра переполохом, - ответил Сержант.

Путь Маная пролегал по лестницы, на ступенях по середине которой сидели мы. Он начал подниматься по ней, смотря себе под ноги, но через несколько

ступеней встретился с нами взглядом.

Я поднял сжатую в кулак кисть на уровень своей головы, оттопырил указательный палец и мизинец и, направляя на Маная эти «рога», прогудел: «Уууу». Манай тупо смотрел на меня.

- Чё, - говорю, - накувыркался?

Манай с сожалением закивал головой.

- Ладно, - говорю, и соорудил из рук знак, в результате которого Манай лишился всех внушений, а память воспроизвела события последних двух суток в своём подлинном виде.

Только теперь он не кричал и не дёргался к телефону. Он представлял собой насмерть перепуганного мелкого грызуна в окружении двух удавов.

- Видишь, как оно иногда всё может обернуться? – сказал Сержант.

- А ты отвечай: «Вижу», - произнёс я, увидев, что тот вздумал многозначительно промолчать на вопрос напарника.

- Манай, тебе осталось жить дней пять. Не хочешь подумать, чтобы провести это время как-то с пользой? – спросил Сержант.

- Ребята, - таким Маная не видел ещё никто, - у меня больше миллиона евро есть.

- Классно, - говорю, - тогда сейчас, когда я начну тебе закладывать программу на завтрашний день, ты заодно сообщишь мне, как нам добыть твои деньги.

Я знал, что после этого он предпримет какую-нибудь попытку чего-нибудь. Поэтому сразу за тем, как это произнёс, погрузил его в транс и стал устанавливать программу на завтрашний день. А потом отпустил его, и мы с напарником немного раздвинулись в стороны, чтобы дать ему, несчастному, проследовать между нас, и отправиться к себе в комнату.

Проводив его взглядом до двери, Сержант сказал:

- И нам пора.

Как бы возбуждён я не был предстоящим завтрашним днём, встроенные в нас с Сержантом системы, регулирующие состояние наших организмов, заставили заснуть меня моментально на первые полтора часа моего сна, а потом ещё два раза по часу погружали меня в сон, полностью игнорируя попытки моего сознания размечтаться предстоящими мероприятиями. И хорошо, потому что времени на сон было совсем чуть-чуть, поэтому такой регулируемый был очень кстати, чтобы на завтра чувствовать себя полным сил и быть с хорошим настроением.

В одиннадцать дня Сержант со всем семейством уехал в зоопарк, а я остался с Манаем дома. Тот пояснил всем, что у него срочное дело, и он очень сожалеет, что не сможет поехать туда, куда сам всех организовал.

Как только за всеми закрылась дверь, я внушил Манаю, что являюсь его приемником, и тот сказал:

- Звони в диспансер, скажи, мы будем через полчаса.

И передал мне свой телефон, указав, кому делать звонок, и как представиться.

Я позвонил. Мне ответили, что нас будут ждать.

Сообщил об этом Манаю, и добавил:

- Через две с половиной минуты у чёрного входа.

- Ладно, - ответил тот.

Мы подошли к двери в подвал, и Манай стал её отпирать. Сцена с незакрытой туда дверью уже разыгралась у нас сегодня утром перед глазами. Был спор и много криков, ничего не решили, но было видно, что все подумали на женщину, что это она по ночам туда лазает.

Мы спустились по лестнице.

За открытой второй дверью оказался двенадцатилетний парень. Сколько черноты было в его глазах!

Я грубо оттолкнул Маная так, что тот ударился о стену, и сделал, чтобы он какое-то время ничего не слышал и не видел.

Затем подошёл к мальчику.

- Меня не бойся. С этого момента всё плохое для тебя закончилось. Сейчас я отправлю тебя к хорошим людям, и сегодня, если всё пойдёт как надо, и если живы твои родные, ты всё забудешь, и вернёшься к маме и папе.

Видимо жизнь серьёзно покидала паренька по людям, которым нельзя верить, потому что я не увидел сколько-нибудь возникшего доверия к себе.

- Ты видишь, что я сделал с этим? – я указал пальцем на Маная. – Тебе стоит ещё больше меня бояться или довериться мне. Сейчас мы выйдем с тобой через чёрный вход. Там тебя ждёт машина, на которой ты отправишься, куда я сказал. Ты пойдёшь со мной?

Парень кивнул.

- Правильно. Пошли.

Как только мы оказались в коридоре, он остановился.

- Тут Пенка.

Видимо эмоциональное потрясение от внезапной перспективы избавления от злой участи стало подкашивать его силы, не знаю, но он как-то вяло указывал пальцем на другую запертую дверь, пытался глотать пересохшим ртом, а глаза еле держал открытыми.

- Нас вместе с ней похитили, когда мы шли из школы.

Я подошёл к нему, присел на корточки, и взял его за плечи.

- Тебя сегодня должны были отправить в диспансер. Что это такое и что с вами там делают, я не знаю, но надеюсь, что сегодня узнаю. Ты видишь - ты туда не отправляешься. Пенку сегодня должны отвезти тоже в одно не совсем приличное место, но я тебе гарантирую – этого не произойдёт, как не произошло несчастья с тобой. Слышишь? Я тебе гарантирую. Мы не можем её сейчас с собой забрать, хоть мне бы этого и хотелось. Но я тебе гарантирую – сегодня вечером вы поговорите с ней.

Парень опустил руку.

- Пошли, - сказал я, - и постарайся больше ничего не бояться. Теперь всё будет хорошо.

Мы выскочили на улицу. За домом стояла наша машина, в которой сидел «статист».

- Приветствую.

- Привет.

Я протянул парню руку. Тот поднял свою.

- Сегодня вечером набери Пенке, часов в десять.

- Хорошо, - он уже как преданная дворняжка смотрел на меня снизу вверх.

Чёрт, это был чей-то сын.

Мне захотелось обнять его тепло-тепло, как это сделал бы сейчас его отец.

- Как вас зовут? – спросил он.

Я перевёл взгляд на «статиста», потом опять посмотрел на мальчика.

- Солдат.

До мальчика видимо стал доходить факт начала спасения, и у него в глазах стали собираться слёзы.

- У нас мало времени, парень, - крикнул «статист» из машины. – А у тебя, - это он мне, - около ста пятидесяти детей ждут в диспансере.

- Стоя пятьдесят? – я резко наклонился и заглянул в глаза своему коллеге.

- И это, оказывается, самый маленький из известных диспансеров, блин.

- Транспорт будет? – скорей утверждающе сказал я, чем спросил.

- Три автобуса уже в пятнадцати минутах езды от тебя.

- Давай парень! Давай, - обратился я по очереди то к мальчику, то к «статисту». И побежал в дом.

Манай стоял там, где его оставили.

- Ну что, пошли, - сказал я ему, а потом проделал процедуры вывода из гипноза, и мы отправились в диспансер.

Сто пятьдесят детей! Что они там делают?

Нас встретил доктор – главный доктор, как следовало понимать. И всё-то было при нём: и белый халат, и озабоченные ручки по карманам его; и очёчки, и козлиная бородка. Вот только манеры… Манеры доктора проницательному наблюдателю указывали на полную моральную деградацию.

Манай представил меня, как своего приемника, и какое-то время тот так и думал, пока мы не оказались втроём, недосягаемые для посторонних глаз и ушей.

- Иди в машину, и жди меня в ней, - сказал я Манаю, когда такой случай представился, сопроводив слова нужным знаком, что б тот подчинился.

Манай со стеклянными глазами, выполняющий приказ, привлёк чуть больше внимания доктора, чем тот привык расточать в окружающий его мир. Недоумение и вопрос застыли на лице доктора в виде открытого рта. Я понимающе покачал головой, как будто говоря: «Да-да, сейчас-сейчас». Мы проводили взглядом Маная, и я повернулся лицом к своему новому знакомому.

- Присядем? – я присел, доктор стал медленно оседать в своё кресло. - Вы можете меня не бояться, а если хотите, можете рассказать мне всё.

- Я, я думал, что Манай должен вам рассказать всё, ведь вы будете работать на его месте.

- Нет, вы меня не так поняли, хороший доктор. Я имел в виду, что вы можете рассказать мне всё, что творится в вашем заведении.

- Но это не входит в вашу компетенцию…- доктор силился сообразить, что происходит, но то, что я не представлял для него ничего хорошего, это уже понял.

- Видите ли, организация, в которой я работаю, передала мне, что у вас около ста пятидесяти детей здесь. Зачем они у вас здесь?

- Вы из полиции?

- Не из полиции. Так зачем они вам?

- Я не могу обсуждать с вами такие вопросы.

- А вы не думали, почему вы до сих пор не решаетесь позвать на помощь охрану?

- Мне кажется, я не успею этого сделать.

- А ты догадливый, сукин сын. Ну что, по-хорошему ты отвечать не будешь?

- Простите, нам надо как-то это решить.

- Да всё уже решено. Сейчас я сделаю из тебя овощ, потом перепрограммирую твой мозг, а потом ты мне расскажешь и покажешь здесь всё. И будешь всем представлять меня, как своего приемника, как это только что сделал Манай. А когда я увижу всё, что у тебя тут происходит, я решу, что с тобой сделать. Идёт?

- Послушайте, - сказал он, - у меня есть дети, у меня есть деньги. Что вас может заинтересовать?

- Дети?

- Да, двое: мальчик и девочка. Вы можете пожалеть их? Я могу заплатить.

- У меня тоже двое. Только вот один не знаю где.

- Я могу помочь вам его найти! – о, как он воодушевился.

- Конечно, можешь, и поможешь, не сомневайся. Вот прямо сейчас и начнёшь.

- Да-да, конечно, как его зовут? Как ваша фамилия?

- Не, ну чудик, а. Смотри за моими руками.

- Не надо, - он немного отстранился от меня.

- Да нет, ты посмотри, больно-то не будет.

Я стал рисовать перед ним круги. Он в упор смотрел мне в глаза. Тогда я закрыл ладонью направление взгляда одного его глаза в мою сторону, а второй рукой стал рисовать завлекающие сознание фигуры. Как только он отвлёкся на это моё действие, я ухватился за это, и жестом за жестом стал водить его внимание. Этот, прикидывающийся эдаким испуганным и загнанным в угол зверьком, на самом деле запустил одну из популярных систем сопротивления гипнозу, что требовало хладнокровного ума всё-таки. Поводив его внимание, я «коснулся» его сознанием сна и резко вернул обратно. Глаза доктора наполнились страхом, он ринулся что-то предпринять, чего ещё не придумал, но, как ему показалось, наверно, что придумает, и что то, что придумает, окажется эффективным в данной ситуации, но ума хватило опуститься обратно в кресло, я же не шевельнулся, уверенный, что всё так и произойдёт. Как личность он уже не был для меня загадкой.

- Будущее своё видишь? – спросил я.

- Я вообще никак не могу искупить свою вину? Я могу сделать хоть что-то, чтобы сохранить себе жизнь?

- А что ты разнервничался? Я же представления не имею, что у вас тут происходит. Может, пинком под зад отделаешься. Правда, так я думал до этого момента, пока не увидел, как ты себя ведёшь.

- Вы знаете, что такое наёмный работник? Я – наёмный работник. Многое, что мне приходится делать, не лежит в одной плоскости с моей душой. Я скажу больше! Я занимаю это место специально, чтобы на моё место не усадили настоящего монстра.

- Ладно. Тогда у нас не будет с тобой проблем. Тогда частично ты на моей стороне. Значит, ты расскажешь мне обо всём и покажешь мне здесь всё, чтобы те, кто отдаёт такие неугодные твоей душе приказы, понесли справедливое наказание, если потребуется.

- А кто потом сохранит мне жизнь? Вы сохраните жизнь мне и моей семье?

И тут я стал наблюдать, что этот человек пытается взять ситуацию под свой контроль, что он начинает пытаться манипулировать мной. То такой жалкий и убогий, прикидывающийся несчастным, а то уже чуть ли не на крик переходит, безумство в глазах изображать стал.

Я зеркально изменил позу. Это подействовало на него отрезвляюще.

- Так что по нашему вопросу? – спросил я.

Он уставился на меня поверх очков и молчал.

- Тогда опять смотрим на меня, - сказал я.

Доктор вскочил из кресла и стал пятиться к стене.

- Нет, нет, да… Да, да, да… Нет, да, нет, да, - он стал произносить эти частицы на первый попавшийся музыкальный мотив, пытаясь таким образом противостоять моему гипнозу. В глазах опять стояло безумие.

Я спокойно смотрел на него, вычисляя такт произносимого. А потом я приподнялся, и стал, широко разводя руки, медленно сводить их раз за разом, имитируя хлопанье в ладоши. Сначала невпопад, через несколько секунд в такт произносимого доктором, а ещё через несколько секунд я уже задавал темп. Он не обратил внимания и не заметил, как мотив, под который он отбивал свои «да-да» и «нет-нет», куда-то делся, затерялся внутри, а другая мелодия, как он не старался, не приходила на ум – все они моментом стали далёкими и недосягаемыми, как будто он и не слышал ни разу не одной песни. И чем больше он старался вспомнить хоть какую-то мелодию, тем труднее ему становилось это сделать, а это создавало панику и напрочь отвлекало его от главной идеи – удержаться от гипноза. И этим он становился уязвимый. Я играл. Я то овладевал его сознанием, то отпускал его, давая доктору моментами осознавать своё падение в состояние, от которого он так усилено оборонялся. А когда я вдоволь насладился властью над его сознанием, и его жалкими попытками сохранить его, - целью чего, бесспорно, было ухватить ситуацию под свой контроль, вызвать охрану, упечь меня, куда следует, интересоваться, после, моей участью, если не принимать непосредственного участия в ней вообще, - я запустил технику, от которой, во время моих занятий по гипнозу, в транс погружались даже пьяные и собаки. Когда стало возможным, я произнёс ему внушение:

- Я твой приемник, рекомендованный твоим хозяином. Сейчас ты проведёшь меня по всему учреждению, расскажешь, чем занимается каждый отдел и каждый сотрудник. И ты будешь отвечать на все мои вопросы, потому что мои вопросы – это твои вопросы. Веди.

Мы вышли из кабинета и пошли по коридору. Первая же дверь, куда он захотел зайти без стука, оказалась заперта. За второй и последующими дверьми оказались классы, где детям, как мне объясняли сам он и находящиеся в них сотрудники, – учителя, - преподавали разные уроки: музыку, рисование, математику, письмо, конструирование, социальные знания.

Я спросил, почему так ровно стоят парты и стулья, отчего такая математическая точность? (Мне это бросилось в глаза в первом посещённом классе, а повторяющаяся такая картина из класса в класс навеяла жути). Учительница по конструированию вопросительно взглянула на доктора. Тот кивнул и сказал:

- Вы можете рассказывать всё.

- А кому их двигать? – воодушевлённо затараторила она. - Их если сюда привести, здесь стены провоняют.

- Извините, милочка, за невежество, - улыбался я, - мне просто что-то сказали, успели, а в курс самого главного, видимо, вводить не посчитали нужным. Видимо посчитали, что я на месте разберусь. А где они находятся? – спросил я у доктора.

- В подвальных помещениях.

- В бараках, - добавила «учительница», жаждущая принять увесистое участие в беседе, и тем самым отбить заранее для себя пару гнилых баллов перед будущим начальником. – А семеро у меня дома, - она заискивающе мне подмигнула, - но я скоро их верну. Космос в курсе.

- Космос – это вы? – спросил я у доктора.

- Да, - ответил тот.

- И сколько у вас таких берущих работу на дом?

Женщина дико рассмеялась. Хотите познать природу юмора? Оцените, что для этой женщины явилось шуткой.

- Все, - ответил доктор.

Я быстренько разобрался с этой женщиной, узнал все подробности, зачем она держала у себя детей, которым следовало находиться в диспансере, скривился от злости, всех вернул в нормальное состояние, мы с доктором тепло с ней попрощались и отправились дальше.

Как и эта женщина, все остальные учителя оказались такими же скотами и педофилами – этаж оказался просто каким-то рассадником извращенцев.

Следующий этаж, где с детьми должны были проводиться сеансы психотерапии, оказался наводнённым такими же, как учительница по конструированию и иже с нею, ужасными отрыжками нашего штата.

Всё, с чем я тут сталкивался, вызывало во мне столько злости и ненависти, что система у меня внутри постоянно пульсировала сообщениями о критическом состоянии для работы мозга. В одном кабинете мы застали психотерапевта с ребёнком. Тот стушевался, засуетился, попытался оправдаться:

- Его только сегодня привезли, ему всё равно сегодня в барак. А потом из барака куда уже?

Самое ужасное было в бараках. Запах, который я почувствовал ещё на подходе к коридору, ещё пока не открыли дверь в тот коридор, за которым будут ещё около пятнадцати дверей, этот запах сейчас какой-то мутной болотной жижей стоит у меня в мозгах. На входе в коридор охранник протянул нам респираторы. Я стал отказываться, тот посмеялся и сказал:

- Возьмите в руку.

Я взял.

Дверь в коридор была массивная, прорезиненная по периметру пятью сантиметрами каучука. Меня это насторожило, и я приготовился, всё-таки, надеть респиратор. Через секунду мне пришлось это сделать.

- Почему так воняет? – спросил я у доктора.

- Они не моются. За ними никто не убирает, поэтому приходится не сильно кормить, чтобы в туалет меньше бегали. Они болеют и дохнут там, где спят.

- Почему за ними не убирают?

- Они никому не нужны.

- Покажи мне какой-нибудь барак.

- Открой третий! – сказал он охраннику.

Тот выбрал из связки нужный ключ и открыл массивную железную дверь с глазком. За дверью оказалась решётка. Я подошёл и заглянул вовнутрь. Несколько сотен детей от лет шести до лет тринадцати, обоих полов, по два, по три на каждой из трёхъярусной кровати. Все в одних трусах, лысые, грязные, и уже не бледные, а зелёные. Куча мёртвых детей у стены, которых, видимо, стаскивают туда остальные, чтобы освобождать лежачие места…

Я больше не мог прибывать безучастным свидетелем того, что здесь происходило, не мог видеть, слышать и ощущать ничего из того, что атаковало мои рецепторы; само знание обо всём этом стало невыносимо для меня, одно пребывание этой мысли у меня в голове было оскорбительным для меня - существа под названием Человек. Я зажмурился и не хотел открывать глаза. Как можно жить, как можно быть человеком, зная об этом? Дети даже не потянулись к нам! Они ничего ни от кого не ждут! Они доживают свои последние дня, домирают! Дети везде остаются детьми, игривость у них зарождается и проявляется при любых обстоятельствах, невозможно, чтобы среди двух сотен детей не было слышно смеха. Но здесь его слышно не было. И это было жутко. Были ещё пятнадцать бараков с такой же картиной внутри. Мы все их один за другим открыли. Мои ошиблись. Меня здесь ждали не сто пятьдесят детей, и, чёрт, даже не двести, а пятнадцать раз по двести.

Я повернулся к сопровождавшим меня охраннику и доктору анфас. На секунду прикрыл глаза и опустил голову, и ужаснулся в темноте самым тяжёлым мыслям за всю свою жизнь. Небыстро захотелось разомкнуть веки, ещё медленней я поднимал взгляд на людей, моя ненависть к которым не поддавалась ни одному описанию. Думалось медленно, думалось тяжело. Но я «запустился». Вывести их из

транса, и сказать им всё, что я о них думаю? А потом пройтись по всему учреждению и повторить эту процедуру с каждым? А может просто собрать их всех вместе и… Нет! Дикая мысль отозвалась во мне ликованием. Я придумал, как наказать всех этих людей как они того заслуживали. И не только этих, но и других, кто тем или иным образом причастен к отслеживаемой нами системе.

- Кто среди сотрудников не знает, что у вас тут происходит? – обратился я к доктору.

- Ни один.

- Как мне собрать сейчас всех здесь?

- Используя коллективную почту.

По встроенной связи я обратился к своим и сообщил о реальном положении дел.

- Как могла произойти такая ошибка, - говорил я с Седым, - и сколько таких промахов можно ещё ожидать? Рядом со мной три автобуса, а понадобиться их тридцать.

- Об этом уже не беспокойся, как только мы увидели, что там около трёх тысяч детей, сразу занялись организацией их эвакуации. К тебе уже отправлены десять автобусов, сегодня всех увезём.

- Что со временем?

- Можешь уходить, мы всё сделаем. Дезориентируй на время персонал и уходи.

- Я дезориентирую.

- Хорошо.

А я представил на мгновение, как я сейчас буду дезориентировать их.

- Сержант?!

- Всё нормально, - говорю.

- Нет, не нормально, что ты задумал? Тебе уже надо думать о вечере.

- Седой, ты мне скажи, будут такие промахи ещё? Я был уверен, что мы всё про всех знаем. То, что сейчас произошло – не есть норма. Более того – это страшный предвестник.

- Мы это понимаем, мы уже бросились всё перепроверять.

- Нет, Седой, это неправильный ответ, сам понимаешь. Возможно, что будут неприятные сюрпризы. Нам всем надо подготовиться.

- Ладно. Дезориентируй персонал, оставь учреждение без электричества и доступным, и можешь ретироваться. Мы всё доделаем сами.

- И возьмите респираторы.

- Понял тебя.

- Конец связи.

- Конец связи.

- Снять респираторы, - скомандовал я охраннику и доктору, и добавил, обратившись к последнему, стягивая свой респиратор, - так как нам всех собрать, говоришь?

- Используя коллективную почту.

- Я смотрю, один барак у вас пустует, - теперь я смотрел на охранника, - почему?

- Там все умерли, всех утилизировали, а теперь его подготовили для новых.

- Возьми рацию и созови сюда всю охрану диспансера, - приказал я доктору.

Доктор подчинился и приказал всем охранникам явиться в место, где стояли мы.

Пока один за другим те являлись к нам, я ходил среди них и расспрашивал каждого о своём:

- Вы счастливы? – спрашиваю у одного.

- Да.

- А почему?

- Потому что всё кругом устроено, чтобы люди получали удовольствие.

- И вы его получаете?

- 24 часа в сутки.

- А вот это всё не покрывает ваши удовольствия мрачными переживаниями, а то и предчувствием, что придётся понести наказание за то, к чему вы причастны?

Когда я спрашивал таким образом, охранники вопрошающие взирали на доктора, но тот кивал успокаивающе, и те продолжали откровенно ведать об эволюции, европейских ценностях и цивилизационной необходимости. Получалось, что во всём виноват Бог, а людям приходится достраивать систему Хомо Сапиенс до нормального сосуществования уродов и красивых.

- Собственно, что тут происходит? – спросил один из молодых охранников, выделяющийся высоким интеллектом, но без нормального чувства реальности (я не стал влезать в сознание только что прибывших, а предоставил им возможность пока прибывать в сильнейшем недоумении).

- Перестановка кадров, - говорю, - перестановка кадров. Вот сейчас, например, детей из этого барака я попрошу перевести в этот, где почище. Этим займётесь вы, вы, вы, вы, вы и вы, - я по очереди указал на названных охранников пальцами. - Вы четверо перенесёте в этот же барка всех мёртвых детей, - я указал на других четверых.

Охранники глянули на доктора, тот кивнул.

Пока шла работа, я, одним глазом следя за процессом, обратился к доктору.

- Созовите, пожалуйста, общий сбор сотрудников. Всех сюда. Быстро.

Доктор потянулся к телефону и выполнил указание.

- Без насилия! – закричал я, когда увидел, как один их охранников, приступая к выполнению приказа, потянулся извлечь электрическую дубинку.

- А что с ними? – не унимался этот молодой охранник, обратив внимание на неестественное состояние доктора и охранника, стоящего с ним рядом.

- Подойди сюда, - позвал я его.

Но через мгновение, когда он приблизился, сказав: «Секундочку», - оставил его рядом с доктором и вторым охранником, и сделал пару шагов к бараку, из которого выводили детей.

- Дети, всем быть послушными! – прокричал я, по возможности голосом,

которого ослушаться нельзя.

Наблюдая, как детей перемещают в вычищенный, условно, барак, я вернулся к «любопытному» охраннику.

- Так что там тебя интересовало?

- Мне кажется, что вы им что-то подсыпали, они какие-то невменяемые.

Я нарочно демонстрировал повышенное внимание к тому, как работает охрана, а другой стороной, в том же ключе, театрально изображал малый интерес до своего нового дотошного визави и того, о чём он вопрошал. Выдержав определённое время, чтобы уверенность в том, что что-то не так у этого охранника возросла до предела, а раздражение от демонстративного моего равнодушия к нему и его вопросу переросло в бешенство, я медленно повернул к нему свои полные знаний и издевательства глаза.

- Видите ли, молодой человек, хотя нет, просто подождите, сейчас все соберутся и начнём. У вас есть время? – спросил я спокойно.

- А нельзя ли хотя бы полусловом ввести меня в курс дела?

- И тем самым лишить тебя всей прелести такой редкой пикантной ситуации? Нет. Уверяю, подожди. Не хочешь помочь коллегам?

- Нет.

Я рассчитывал, что он не согласится, поэтому зло взглянул на него.

- Тогда, тем более подожди.

Начали один за другим приходить сотрудники. Я внимательно следил за каждым, за их руками. На входе им не выдали респираторов, поэтому многие прибывали, как и охранники до этого, брезгливо морщась от запахов.

Ко мне подошла учительница по конструированию:

- Ну как, осваиваетесь? – улыбалась она, всем своим видом пытаясь дать понять другим о своём привилегированном, приближённом ко мне положении.

- Да, спасибо, с завидным, между прочим, успехом. А как у вас? Опять занятия отменили? – она опять дико заржала (я уже знал, какого рода шутки тут в топе).

Остальные недовольно топтались у выхода, в метрах десяти от нас, гадливо отказываясь от продвижения внутрь по коридору.

- У вас есть телефон? – обратился я к знакомой учительнице. – У него хорошая видеосъёмка?

- ХаДэ, - ответила та.

- Вот и дивненько, - коротал я время, пока всех детей переводили и переносили в указанный мною барак.

- Вы не можете поинтересоваться у своего знакомого, что, собственно, тут происходит? - обратился «любопытный» охранник к говорившей со мной учительнице.

- Слушай, заткнись, - с этого момента я решил начать играть, - или ты сделаешь сейчас так, как я сказал, или ты лишишься сертификата, зарплаты, занятости и будущего вообще, и тоже сейчас!

Молодого пригвоздило к полу, что он даже моргнуть не смел0. Училка смотрела на меня испуганными глазами.

- Извини, милочка, я не хотел тебя напугать. Просто доставучий какой-то оказался.

Тем временем охрана уже заканчивала работу, и я попросил весь персонал переместиться в освободившийся барак.

- Вы издеваетесь? – кто-то возмутился.

- Космос? – обратился я к доктору.

- Всем сделать, как он сказал!

- Считайте, пожалуйста, сколько человек, - попросил я «свою» училку.

Пока все проходили в барак, я стоял, облокотившись спиной на противоположную от входа в барак стену, и спокойно уже размышлял о предстоящей поездке вечером к министру. Интересно, а что там могли посчитать не так? А вдруг количество охраны? А вдруг сам способ охраны этого человека просчитали? А вдруг и там не восемь, а восемьсот детей? И кстати, «на счёт просчёта». Это был ужасно плохой знак. Всё, от начала до конца, все тренировки, планы, цели, все входы и выходы, ну буквально всё завесило от расчётов, от цифр, которые были выведены в результате нескольких лет работы. Ну, хорошо. А что я предлагаю? Свернуться? А буду ли я рад, если сейчас поступит такой приказ? А свернусь ли я? Скорей всего я не смогу не подчиниться приказу, с другой стороны…

- Двадцать восемь, - услышал я голос своего «счетовода».

«Да-да, - хотел я сказать, - я сам не смог не посчитать», но ответил:

- Ты двадцать девятая, заходи.

Тут она заметно забеспокоилась.

- Не бойтесь, милочка, для вас уготовлена завидная участь, - и я подмигнул ей, как она это сделала недавно мне.

- Ну вот, я собрал вас всех, и без «здравствуйте», потому что я не хочу, чтобы вы здравствовали, без «уважаемые», ибо уважения вы не заслуживаете, и без «господа и дамы», потому что вы не люди, я начну.

Мой встроенный приёмник пульсировал принимающими сообщениями, чтобы я прекратил намеченное. Но я продолжал. Думаю, ребята в организации сомневались, что мне ничего не угрожает. Со стороны могло показаться, что я рискую спасением детей и своей собственной участью, но это было не так. Шоковое состояние сотрудников диспансера было просчитано, училка с «молодым» охранником завербованы, я стоял так, что в любой момент мог выскочить и захлопнуть за собой решётку – всё было под контролем. Но передатчик продолжал принимать сигналы.

- Все внимание сюда! – крикнул я и хлопнул в ладоши.

А потом стал монотонно рассказывать сказку о маленькой мышке, пробирающейся по лесу между травинками и выступающими из земли корнями деревьев, как её серая пушистая шёрстка задевает за стебельки, оставляя запах, по которому её может найти или хищник, или особь противоположного пола. Мышка принюхивается к каждому запаху, брюшком трётся о землю, а её маленькие розовые ноготки вспахивают песочек…

За три минуты своего рассказа я погрузил всех, кроме дотошного охранника и училки (их я постоянно одёргивал рукой), в глубокий транс. Пока все стояли, рассматривая недосягаемые для нас свои внутренние миры, я обратился к охраннику.

- Как теперь? Всё ещё не понимаешь, в чём дело?

- Нет.

Его честность и отсутствие страха обескураживали.

- Возьмём тебя, - говорю, - ты зачем сюда устроился на работу?

- Этот вопрос не входит в опросник при приёме на работу.

- Правильно, а почему?

- Потому что это вмешательство в личное пространство.

- И что ты протащил сюда в этом своём личном пространстве?

- А можно я уйду? – вдруг вмешалась учительница по конструированию. У неё в глазах начинали появляться слёзы.

- Ты будешь снимать, милочка, - проговорил я.

- Я больше никогда так не буду! – заскулила она, и стала сползать спиной по стене с приготовленным в руке для видеосъёмки телефоном.

Я ухватил её за предплечье и хотел вернуть до стоячего положения, но рванулся охранник, решив, воспользовавшись ситуацией, обогнуть меня за спиной и выбежать из барака. Пришлось скоро оставить женщину, чтобы удобно и резко было сделать разворот на сто восемьдесят градусов, что б лоб охранника встретился с тыльной поверхностью моей стопы. Тело беглеца взнеслось до горизонтального положения, и его ноги всё ещё продолжали бить по воздуху, будто он продолжал бежать, когда через мгновение он приземлился спиной на наскоро подставленное мной колено. Раздался хруст. Я перевернул его ногой. Он был жив, но без признаков наличия двигательной способности. Я посмотрел на учительницу. Её трясло. Я приблизил своё лицо к её лицу.

- Если хочешь жить, снимай - без звука, - сказал я.

Сам выхватил у неё телефон, запустил видеосъёмку, отключил запись звука и передал телефон ей.

- Снимай.

Выпрямившись в направлении загипнотизированной толпы, отмечая боковым зрением, что женщина стала исполнять, что её приказали, посмотрев на валяющегося у ног охранника, сказав ему, что так даже лучше, чем я мог придумать, приказал всем загипнотизированным раздеться до гола, и, дождавшись, когда они это сделали, стал внушать:

- Вы фрукты, овощи… Вы пирожные, булочки и эклеры… Вы шоколадки, конфетки и леденцы… А это ваш любимый торт (я указал на лежащего на полу охранника). Все вы без концентратов и пищевых добавок… Натуральные… Вкусные… Самые вкусные… Вы можете попробовать на вкус всё, что видите… Лижите леденцы, почувствуйте, какие они сладкие и вкусные, почувствуйте, какие вы голодные, как сильно вам хочется съесть всё, что вы видите вокруг… Ммм… Это будет ваш самый восхитительный перекус…

Сначала все с вожделением стали поглядывать друг на друга. Потом один лизнул другого, третий четвёртого. У всех на лицах были улыбки, все были счастливы, стали слышаться довольные мычания.

Я посмотрел на учительницу по конструированию. Она сидела, скрючившись на полу, уткнувшись в колени лицом, вытянув вверх руку с телефоном. Её трясло, и при каждом звуке, исходившем из толпы, она вздрагивала. Послышался хруст костей – стали откусываться пальцы. Я продолжил:

- Вы изливаетесь соками, потому что вы самые сочные фрукты и овощи… Но попробуйте десерт - этот самый вкусный торт, - я снова указал на парализованного охранника.

Когда к тому потянулось несколько человек, по подбородку которых текла кровь, его глаза почернели от ужаса.

Училка стала завывать и раскачиваться телом, и я определил по ней, что сейчас у неё начнётся истерика, и она переполошит всех детей в бараках своими воплями. Я наклонился к ней, выхватил из руки телефон и сказал:

- А ты будешь бананом… - чёрным бананом… - чёрным бананом… - на шестом произношении разум покинул её глаза, - сними с себя всю одежду, - она подчинилась.

- Смотрите, - обратился я к «пирующим», - а вот – банан, только что с дерева, попробуйте, какой он вкусный. Вкусный?

Уже попробовавшие, хрустя пальцевыми хрящами училки, закивали и замычали от удовольствия.

Я скинул уже сделанную запись с видеотелефона в файлообменник нашего сервера, заново запустил видеосъёмку, и приспособил телефон на стул к стене, чтобы съёмка продолжалась, и телефон не залился кровью, растекающейся по бараку, и запер решётку. Бросил последний взгляд на то, как все набросились на учительницу по конструированию и стали откусывать от неё куски, и крикнул:

- Всё доесть!

И отошёл от этого проклятого барака на несколько метров. Хотел пройтись по другим, и успокоить детей, что сейчас за ними приедут, что все они скоро увидят своих родителей, но не решился. И тяжело, да и не воспримут они сейчас ничего нормально.

Я соединил пальцы и послал своим сообщение, чтобы запись с телефона не уничтожали, может у меня потом появится желание досмотреть всё до конца. Ко мне прорвался Седой:

- Сержант, ты что, с ума сошёл?

- Да я сам не ожидал от себя такого. Но ты же видишь, что они тут натворили! Так что, если ты собрался меня отчитывать, мимо.

- Да не собираюсь я этого делать. Это твой выбор. Но ты мог подставить часть операции, и только что уничтожил доказательства.

- Сколько ещё таких диспансеров в штатах?

- Слава богу, такой крупный – один.

- А Статист думал, что я еду в самый маленький. Я побываю во всех, и обещаю,

что больше такого не повториться.

- Нужно будет установить все горизонтальные и вертикальные связи диспансеров.

- Нормально задание, сделаем.

- Автобусы уже подъехали.

- Я их вижу. Видео с телефона на наш файлообменник, пожалуйста. Больно хочется потом глянуть.

Я уже выходил из диспансера.

- Ключ от решётки с персоналом, - поднял я руку с ключом перед подходящим руководителем эвакуирующей группы.

Тот протянул к нему руку, я отвёл ключ в сторону.

- Не раньше, - говорю, - чем вы пообещаете, что прежде, чем откроете эту решётку, последний ребёнок покинет бараки.

- Обещаю.

Я отдал ключ руководителю группы и пошёл к машине с Манаем.

- Ну что, чмо, домой?

Манай промолчал. Такая информация опускается на подсознание без отзвука.

Дома ещё никого не было. Я уложил Маная на диван в гостинной, сделав предварительно установку, что он успешно посетил диспансер, а теперь смертельно устал и решил поспать до приезда остальных, а сам уселся на ступеньку полюбившейся нам с Сержантом лестницы (отсюда можно было наблюдать почти за всем, что твориться в доме).

Удивительно, насколько спокойным я был. Скорей всего, таким спокойным состоянием после увиденного и проделанного я был обязан своим внутренним искусственным регуляторам. Всё это чертовски путало мышление. Тридцать три года я знал, что никогда не смогу спокойно относиться к таким картинам (если б, конечно, воображения хватило такое представить). Но я был неестественно спокоен, и это заставляло задуматься. Как в кошки-мышки я играл со своей естественной реакцией на такие события, пытаясь нащупать её где-нибудь у себя внутри, то и дело силился отыскать тот сгусток мыслей, который должен был образоваться у меня, увидь я такое; но тишина и отсутствие даже намёка на искомое, а также спокойная реакция на то, что я спокойно отношусь к тому, что увидел, и, что что-то у меня внутри регулирует за меня моё состояние - всё это просто обескураживало. Интересно, а потом, когда из меня вытащат эти живчики, я смогу любить, радоваться жизни? Что это, как не те же эмоции, которые возникают на те или иные события и людей вокруг меня, только со знаком плюс? Ведь для системы не важно, отчего у меня меняется химический состав крови, она просто его нормализует, и всё.

Недолго пришлось ждать, когда семейство вернулось из зоопарка.

- Ну, как зверьки? – я первым задал вопрос своему напарнику.

- Зверьки-то нормально. Но общение в семье, я тебе скажу-у… Мы там ходили с поведением первого уровня, то есть нельзя было смотреть в глаза посторонним. Мало, что интересного, а что у тебя?

- Хм, - я усмехнулся, - нечто, вот что! Это не диспансер никакой, а даже не то, что мы думали и знали об этих учреждениях. Это, что-то вроде базы, куда свозят детей, которые считаются отработанным материалом, или таким, из которого не получится изделия, и там они тихонько сами собой умирают количеством по двести в помещениях, приспособленных максимум для сорока. Двадцать девять человек персонала, которые не только приглядывает за тем, как дети почти не едят, не пьют и живут запертые в бараках, которые не только участвуют в качестве декораций в виде учителей и психологов, но ещё и используют этих детей, где хотят и как хотят, причём некоторые умудряются иметь до десяти таких у себя дома. Мне врубили защиту – я ничего не чувствовал. Но думаю, в нормальном состоянии слетел бы с катушек и разнёс бы всё это чёртово сооружение нахрен.

- Сколько было там детей?

- Живых или мёртвых?

- О, господи!

- Вот, и я о том. Мне сообщили, что там сто пятьдесят детей. Автобус приготовили. А там, в подвале пятнадцать бараков по двести детей в каждом, да таких исстрадавшихся, каких представить было невозможно.

- Всех вывезли?

- Да, иначе б нам сообщили.

- Ты в курсе, что из ста наших осталось семьдесят восемь?

- Нет, я пока ни на что не отвечаю – меня отчитать, скорей всего, хотят.

- Начудил?

- Если честно, не то слово. Сам ничего от себя такого не ожидал. Потом посмотришь видео. Я заставил одну сотрудницу всё снимать на телефон. А что с двадцатью двумя?

- Неизвестно, где они.

- Это провал. В моём случае ошиблись с количеством детей. Не представляю, что с нашими произошло. Мне кажется, что скоро нас попросят вернуться.

Я решил, что неплохо было бы пообщаться сейчас с Седым, ответил на «трезвонящую» внутри меня систему и приветствие Седого.

- Я только что узнал, - говорю, - ещё одну неприятную новость.

- Если бы не уклонялся от контакта, узнал бы её не только что.

- Я говорил, что следует ожидать неприятностей? Вот и неприятности. Так что случилось? Где одиннадцать команд?

- Мы пока не знаем. Мы не можем найти их ни среди живых, ни среди мёртвых. Между прочим, половине из них ты, может быть, обязан своим спасением. Кое-кто из вас умудрился совершить мясорубку, куда более серьёзную, чем то, что сделал ты. Мы только после пяти пар приняли решение регулировать у вас химические составы крови. Думаю, ты уже почувствовал воздействие этого. Как считаешь, насколько колоссальным вредом для психики это является?

- Я бы справился!

- Хрена с два. Никто из них не справился, не остановился. А вот те, кому посчастливилось, как тебе, сейчас живы и здоровы. Но, если вы и дальше

продолжите уклоняться от сбора доказательств в пользу нахлынывающих на вас импульсов возмездий, и если снова и снова станете задействовать искусственное регулирование нервной системы, вы рискуете потерять стержень личности. Предупреждаю вас о том, о чём предупреждать, знаю, не надо.

- Ладно. Попытаемся быть сосредоточенными на задаче.

- Сегодня ты собрался к министру. Может, дома побудешь?

- Всё в порядке. Я не устал.

- Ну, смотрите.

Вечер мы распланировали следующим образом. Манай должен был вывести девочку из подвала и отвезти её к машине, на которой мы с ним собирались ехать. Но Манай не поедет, а договорится с министром, что отправит к нему своё доверенное лицо. Чтобы всё прошло без заминок, доверенное лицо назовёт пароль. Мы с Сержантом, на всякий случай, будем находиться в постоянной связи, чтобы он слышал, что происходит вокруг меня, и по мере возникновения ситуаций, помогал мне необходимой для разрешения конкретного случая информацией, которую будет тут же вытаскивать из Маная.

С девочкой я отъехал от дома на метров двести и остановился.

- С этого момента всё плохое позади, слышишь? – спросил я её.

Ничего, кроме недоверчивости, в её глазах прочесть было нельзя. Я смог расшевелить потрёпанное психическое состояние девочки, пообещал и ей, что сегодня они со своим другом уже пообщаются, если всё будет устроено лучшим образом, и к дому министра мы уже подъезжали сообщниками.

- Веди себя так, как ты бы вела себя, если бы тебя привёз сюда Манай, - напомнил я ей, когда мы стояли перед отъезжающими в сторону воротами частного особняка министра.

Я уже видел несколько раз ритуал, как сюда привозили детей, поэтому восемь охранников во дворе для меня не явились неожиданностью и страха во мне не вызвали. В дом я пойду с каким-нибудь одним из них.

- Меня никто не спросил пароль, господин министр, - сказал я, когда предстал перед тем.

- Тебе надо сказать его мне.

Я назвал.

- Пойдёт, - сказал он.

Я рискнул.

- Господин министр, я хочу работать с вами без посредников. Помимо того, что Манай скоро допрыгается, он просто мне не совсем приятен, и я боюсь, что он скоро слетит с катушек и всех сдаст. Я гарантирую вам порядочность и качественное внимание, вы понимаете, о чём я? (Думаю, он сам додумал здесь, что ему понимать, и, соответственно, с охотой понял). У меня есть выходы на естественные продукты, есть свои врачи, свои тренеры, в сравнении с которыми Манай не существует на этой планете. Я долго копил связи и возможности, чтобы выложить их перед таким человеком, как вы, с такой властью, какая у вас. Я разделяю все ваши взгляды на жизнь, на смерть и всё остальное, вы понимаете, о

чём я. Я собираюсь стать вам отменным партнёром, и другом, если позволите. Если вы согласитесь, уже завтра эта девочка, - я указал на стоящую рядом, которую привёз, - может быть заменена одной из этих.

Последнюю фразу я сказал, потому что по глазам министра понял, что от колебаний он перешёл к размышлениям, а значит, стоило замолчать, но пресечь размышления (я тут же придумал) созерцанием фотографий. Я достал телефон и стал перебирать на его дисплее фотографиями детей.

- Ты ещё не поздоровалась со своим господином, - обратился я к девочке (мы разыграли эту сцену, заранее договорившись, что она постарается не здороваться до последнего момента).

- Здравствуйте, - сказала она.

Созерцание фотографий было прервано напоминанием о девочке.

- Говоришь, может быть заменена одной из них?

- Без всяких сомнений.

- Пройдём со мной, - предложил он, и добавил, обратившись к девочке, - и ты.

Мы немного прошли по коридорам, - одним за другим, - и министр обратился ко мне:

- Почему ты решился так мне довериться?

- Во-первых, я достиг в своём развитии предела, а мне нужен рост, а во-вторых, потому что вы меня не боитесь и одним махом руки можете уничтожить меня.

- Что правда, то правда.

Мы прошли некоторый путь молча.

- Так говоришь, может быть заменена одной из них?

Я напрягся в поиске ответа, о чём он, чёрт возьми, думает?

Стал слышен шум водопада. Мы приближались к двери в конце коридора, послышавшийся звук водопада усиливался. А потом министр отпёр дверь…

За дверью оказался просто рай; как будто дом был построен где-то в Адриатической лагуне: и несколько бассейнов, как бы нависающих один над другим, и пальмы, и тот самый водопад, звук которого был слышен в коридоре.

Министр прошёл к бассейну и прилёг на кушетку. Он указал мне на другую. Я присел. Сразу подошла одна девочка и стала массировать ему ноги, другая поднесла зелёный коктейль. Я от всего отказался. Искусственная регулировка внутри уже ощущалась – я был неестественно спокоен.

- Так ты говоришь, может быть заменена одной из них?

- Повторюсь, вне всяких сомнений.

Я понял - министр думал над свалившейся на него информацией, и ничего страшного.

- А всех их заменить можно? Ресурсов хватит?

Вокруг нас были одни девочки от девяти до одиннадцати лет, их было около двадцати. Каждая занималась чем-то своим: кто-то плюхал ногами в бассейне, кто-то кушал фрукты, некоторые играли.

- Честно говоря, я не знал обо всём этом. Но – да, думаю, справлюсь. Я со всем справляюсь.

- Ты второй человек, который об этом знает. Все остальные мертвы. Если решишь и будешь со мной работать, через год построишь тоже самое у себя дома. Если откажешься, погибнешь под колёсами автомобиля. И это уже решено.

- Я должен вас бояться?

- Если ты работаешь на меня, то нет; если плывёшь против моего течения, ты – труп. И всё это чётко и рядом с тобой. Усёк?

- Конечно. Можем перебраться в более укромное местечко?

Его взгляд сделался подозрительным.

- Можем. Только если мне хотя бы ещё одно твоё предложение не понравится, дышать перестанешь быстрее, чем научился.

Я промолчал, ожидая затухания его раздражения.

Мы прошли теми же коридорами обратно. Девочке я незаметно подмигнул, зная, что она забеспокоится, вынужденная остаться.

- Можем пройти на кухню? Можем выпить по чашечке кофе? Скажите, как вы хотите получать товар? Вернее, как мне его надо будет поставлять? С указанной вами периодичностью или переложите эту заботу на меня? И, кстати, вы говорите, что только вы знаете о той комнате? Вы и я?

Я нёс, что приходило на ум, отвлекая внимание министра, и увлекая его в столовую. Гипноз я решил в его случае не применять, у меня появилась другая идея.

- Вы говорите, об этом райском уголке знаем только мы вдвоём? Есть маленький нюанс. В своей работе я придерживаюсь нескольких правил, как и вы в своей. – Мы пришли в столовую. – И, ведь, именно этому вы обязаны своим грандиозным успехом, господин министр. Вот и у меня ничего не получилось бы, если бы я позволял себе игру без установленных правил. Одно из моих правил: дети никогда не видят меня в лицо. И не только дети. Вы говорите, что о той комнате никто, кроме вас и меня не знает. А я хочу сказать, что кроме вас никто не знает, на что я способен. Но меня видела ваша охрана. Как можно решить эту проблему?

- Ты только для этого меня сюда позвал? Я могу эту проблему решить двумя словами. Охрана предана мне и ничего не знает. Я могу сейчас же набрать начальнику охраны, и все они до единого забудут твоё лицо.

- Можете пригласить всех сюда, и сказать им, что с этого момента они должны забыть моё лицо? Это будет более эффективно с точки зрения психологии запоминания, потому что те, кто меня увидели мельком, смоделируют у себя в мозгах моё другое лицо, а при встрече укажут, как на «что-то» знакомое, потому что будут помнить забыть другое лицо, а у тех, кто меня запомнил хорошо… - так я постарался проговорить минуты три, пока он не потянулся к домофону, загруженный самой неперевариваемой информацией, которую когда-либо слышал в своей жизни, но убеждённый в необходимости совершения действий, на которых я настаивал.

Все восемь охранников собрались в столовой, где мы были с министром, через четыре минуты.

- Я владею кое-какими технологиями, - обратился я к министру. – Можно я

попробую объяснить?

- Валяй.

- Тогда, пожалуйста, не останавливайте меня, чтобы не стало происходить у вас на глазах.

Через семь минут все восемь охранников стояли с закрытыми глазами и спали. И проспать они должны будут так около трёх часов. Этого времени должно будет хватить, чтобы вывезти всех детей и сделать мне кое-что.

- Ну, сделано, - сказал я, обернувшись к министру.

Министр, показалось, уменьшился в росте.

- Ловко, однако. И что, потом ничего не вспомнят?

- Не-а. Теперь твоя очередь.

По его вопросу я понял, что министр – смышленый человек.

- Забыть?

Я усмехнулся.

- У тебя есть дома спички?

- Там.

- А перекись?

- Есть, надо поискать.

- Ещё нам понадобиться немного моющего средства, бензина. Пойдём, прогуляемся до машины.

Когда мы вернулись в дом, я заставил его найти всё, что мне было необходимо. Он методично, немного трясущимися руками смешал в указываемых мною пропорциях всё, что мы нашли, как я ему говорил.

Я зажёг газовую конфорку.

- Ставь на огонь и кипяти, - скомандовал я ему.

Тот подчинился.

- А теперь возьми телефон, открой почту и забей в поле адресата один из своих мэйлов, телефон и все чат-сервисы. Свои, не чужие. Пошлёшь сейчас себе письмо, куда только можно. Теперь текст письма.

И я продиктовал ему рецепт «Крокодила».

- Когда очухаешься, когда поймёшь, что тебе хочется пережить весь этот космос ещё раз - ингредиенты, их пропорции, правила смешения и нагревания найдёшь в электронной почте. Называется это волшебное зелье «Крокодил». Так в тему письма и напиши. А теперь…

Я извлёк из кармана перчатки и одноразовый шприц. Втянув в шприц немного светло-коричневой гадости, повернулся к министру.

- В глаз или в вену?

Мне стало интересно: смышленому человеку ведомо отчаяние? Голос его разума оказался громче, чем голос сердца, чего и следовало ожидать от такого, и в такой ситуации. Он не пошевелился. Я взял подставку от электрического чайника, от которой тянулся электрический провод, и последним перемотал несколько раз ему руку выше локтя. Он не препятствовал никаким моим действиям, и поэтому в скором времени получил дозу самого чудовищного наркотика в одну из своих

проклятых набухших вен. Я тут же размотал шнур с его руки, сделал на его телефон видео в несколько секунд, как у него закатываются глаза, и загрузил это видео на наш файлообменник. Затем извлёк из его кармана ключи от бассейна, поставил его телефон на видеосъёмку, направив на него самого, и вышел из столовой, связываясь со своей организацией. Ответил Седой.

- Что-то ты часто стал отвечать мне, - говорю.

- Я не успел сказать тебе в прошлый раз. После этого небольшого кипиша с несколькими группами, теперь у каждой группы по личному аналитику, который отслеживает всё вокруг свои подопечных. Я ваш аналитик.

- И за что нам такая честь?

- Не за что, а из-за кого. Из-за тебя. Неплохие результаты по стрессоустойчивости. А ещё, у вас с Сержантом лучшие показатели по совместности действий; с большой долей вероятности прогнозируется, что вы окажетесь самой долговечной и самой продуктивной группой. Вот только ты со своими фокусами лично меня начинаешь беспокоить. Только что ты уничтожил ещё одно доказательство.

- Опа, вы там уже начали заниматься прогнозами продолжительности фаз жизни групп? На нашу, я так понимаю, можно сделать ставку? Седой, только не сердись, я шучу. А по существу: всего этого хватит, чтобы отравить институт правительства в глазах общественности на несколько лет.

- Во-первых, не это наша цель, а во-вторых, ты недооцениваешь жидкости под названием «политика». Брошенный в эту жидкость камень, практически не даёт кругов. Так что никаких политических устоев ты такими действиями не поколебал.

- Ладно, посмотрим. Автобус рядом?

- Рядом, рядом.

- Тогда я выхожу?

- Да.

- Видео с телефона закиньте на файлообменник. На старости лет буду просматривать свои деяния.

- Сумасшедший ты, Сержант. Езжай, сделаем.

Манай с Сержантом находились там, где я их оставил – недалеко от «нашего» дома. Через пять минут мы втроём зашли внутрь.

- Где ты их отыскал? – закричала «мать».

- По саду бегали.

- Когда их уже заберут?

- Завтра узнаю, отстань. Меня сегодня все достали, поэтому лучше тебе не оказаться последней из них.

- Завтра надо вести детей в торговый центр – плановые закупки. Если не отоваримся, будет штраф. И этих придётся брать?

- Я же тебе сказал, отвали. Возьмём и их. Ни тебе вести, ни тебе им что-то покупать, ни тебе по деньгам отчитываться. Так чё разоралась?

Женщина оставила Маная в покое, чувствуя, что тот конкретно не в духе.

Перед сном Манай подошёл к двери в подвал, дотронулся до её дверной

ручки, развернулся и прошаркал мимо нас по лестнице к себе.

- В магазин едем завтра?

- Конечно, почему нет. Может спать? – предложил я.

Мы весь вечер делились с Сержантом впечатлениями и размышлениями о проведённом дне, поэтому к этому моменту уже прилично наговорились, и напарник не стал давать себя долго уламывать, чтобы отправиться на отдых.

Начало

Утром следующего дня сразу после завтрака все стали собираться в торговый центр, как договорились накануне. Не было видно особого ажиотажа, даже чувствовалось некоторое недовольство детей – видимо, эта процедура не доставляла им удовольствия. Манай появился за утренним столом какой-то измученный, без настроения, мрачный. На все расспросы реагировал нервно, ел тихо.

Перед магазином мы заехали в сиротский суд, где получили справку на сумму денег, которую нам выделили, чтобы купить детям игрушки и одежду. После суда заехали в банк, где эта сумма была получена. «Отец», «мать» и Манай тут же в машине поделили деньги на троих.

- Здесь поставьте свои подписи.

Манай протянул родителям бумаги. На листах, где они поставили свои подписи, уже заранее содержались персональные списки того, что каждый из них купил на те деньги, которое выделило им государство.

Мы приехали в «Пирамиду». Так называлось здание торгового центра. Само сооружение представляло собой гигантский конус, несколько образующих этого конуса были выполнены из железобетона, перпендикулярно им здание опоясывалось восьмью увесистыми кольцами из нержавеющей стали, деливших его на семь этажей, всё остальное пространство было покрыто стеклом. Торговые палатки внутри располагались по стенам. К каждой палатке можно было подойти по винтовой лестнице, начинающейся от самого низа и по спирали уходящей вверх под самую вершину. Можно было подняться на лифтах, скользящих вдоль наклоненных стен, а потом, спускаясь по лестнице, посещать палатку за палаткой; можно было начать своё закупочное путешествие снизу. Сразу по открытии здания, оно приглянулось самоубийцам, и не простоял торговый центр ещё месяц, как три человека уже умудрились, пройдя спираль лестницы до последней ступени, спрыгнуть на мрамор первого этажа. Поэтому было решено установить на первом этаже бассейн метровой глубины. В бассейне плавали экзотические бассейновые рыбы. Самоубийства прекратились, потому что падение на воду метровой глубины, хоть и с приличной высоты, серьёзно увеличивало шансы на выживание, а система с такой характеристикой бессознательно избегается человеком, помыслившим свести счёты с жизнью.

Детей, и нас Сержантом, отвели в детскую комнату. Никаких защитных сеток или барьеров, кроме декоративного заборчика, и никакого присмотра за детьми. Поэтому мы с Сержантом спокойно покинули детскую игровую площадку и

направились в глубь одного из ответвляющихся от бассейна коридоров. Пока преодолевали пространство коридора, направляясь к широкому окну, у нас запищали передатчики. Сообщение оказалось в высшей степени негативным: «Всем вернуться в место, где вас высадили при заходе; операция должна быть прекращена каждой группой. Время исполнения: сейчас».

Мы сразу стали связываться с Седым, предположив, что при таком раскладе имеем право на некоторые пояснения, но что Седой, скорей всего, даже не ответит, а он оказался выше хорошего мнения о нём, сразу откликнулся и охотно понёс:

- Половина групп дезактивирована. Как? Мы сами пока не знаем. У нас просто нет с ними связи, они исчезли. Всё-таки там не такие дураки!

- Да нигде не такие дураки! Как же так? Как же так не просчитали? Как так недооценили их? – спросил я.

- Я же тебе говорю, мы пока ничего толком не знаем, и поэтому рано паниковать. Всё просчитано было, всё известно. Но к печали оказалось, что наши «друзья» кое-что умеют, и располагают кое-какими технологиями, о которых мы оказались не в курсе!

- Очень интересна твоя реакция при произнесении последних слов.

- Где вы сейчас? Я не могу посмотреть.

- Класс! Как так – не можешь посмотреть? В «Пирамиде».

- Вот и валите оттуда быстрей, и желательно туда, где вас выбросили при забросе. Не пользуйтесь гипнозом. И вообще ничем постарайтесь не пользоваться. Ребята, они что-то перехватывают, подавляют внушаемое оборудованием, о котором мы не подозревали, и не известно, что могут ещё, вот так. И заканчиваем связь, полностью обрываемся, потому что и это, скорей всего, они научились ловить. Вам в виде исключения я ответил, в нарушение всех инструкций, потому что хочу, чтобы вы не наделали глупостей, потому что хочу, чтобы вы вернулись. Соберёмся потом с силами, изучим ошибки, подготовимся основательней, и сделаем то, что ожидает добрая часть населения наших штатов. Всё, ребята, конец связи.

Мы уставились с Сержантом друг на друга.

- Как тебе? – спросил я.

- Очень-очень плохо. У нас вообще-то неплохо получалось. Я вчера, пока ты ездил к министру, из Маная вытащил почти всё. Где и как он достаёт детей, с кем сотрудничает, телефоны, каналы, у него несколько резервуаров с детьми! Их можно сейчас ехать и накрывать. Вместе со всеми теми псевдополицейскими, которые их охраняют! И там может наши дети! Я из него почти всё вытащил, а теперь…

- Что ты из него вытащил? – возник перед нами Манай с вопросом.

И откуда он взялся?

Мы уставились мгновение на него. Не действует гипноз? Что же он сейчас помнит, думает. И не проверить.

Рядом с Манаем стоял Ушастый и спокойно поглядывал то на меня, то на моего напарника своими интеллектуальными глазами, контрастирующими с его

тупой физиономией. Времени на подумать была секунда.

Манай, бросая на нас взгляды, нервно и лихорадочно что-то тыкал в своём телефоне. Я выхватил телефон из его руки и со всего размаха опустил его ему на голову. Телефон разлетелся на батарейку, крышку, сам телефон и ещё несколько мелких кусочков.

Манай свалился замертво. Я бросился на одно колено, чтобы пощупать у него пульс, и одновременно оглядеться по сторонам.

Не знаю, что произошло, - этого не должно было случиться, – но мы с напарником побежали в разные стороны. Он к выходу – правильно, а я бросился по лестнице вверх. Оказавшись между вторым и третьим этажами, я услышал поднявшийся шум внизу и вой сирены. Потом прочёл по новостям, а сейчас понял, что ко всему прочему, произошёл подземный толчок. Никогда не испытывал воздействие землетрясения, - в нашем штате это вообще редкость, раз в сто лет может произойти, - но по ощущениям понял, что только что это было оно. И шумиха по случаю наших с Сержантом действий, и это землетрясение, сопровождаемое падением с различных высот в бассейн и рядом с ним мелких предметов, и необходимость бежать, потому что охрана уже выхватила меня взглядом под указывающие в мою сторону указательные пальцы посетителей – всё это заставило меня броситься по коридору к окну. Путь через первый этаж уже не был путём к отступлению, только если не начать убивать, и крушить всё кругом.

Выглянув в окно, пришлось решать - прыгать или нет. Прыгнул на крышу машины, скатился с неё по капоту – ну прям как в фильме. Оглянувшись кругом, увидел несколько приезжающих и уезжающих автомашин. Решил не трогать те машины, где есть женщины и дети, выбрал курящего мужика в неприметной малолитражке. Гипноз не сработал – как будто «Пирамида» и какое-то пространство вокруг неё, действительно, были покрыты каким-то сигналом, который незаметно не позволял сознанию людей больше скольких-то секунд концентрироваться на чём-либо. Но ничего такого лично я по себе не ощущал. Пришлось пойти на грубость: ухватил одной рукой мужика за шею сзади, а другой обхватил сонные артерии, пытаясь зацепить, как можно больше от венозной системы, снабжающей мозг кровью. Через одиннадцать секунд он потерял сознание, я уложил его на тротуар, сел в его машину и рванул со стоянки.

Погони не было, но не было ли слежки? Я не мог это узнать, я не знал, чем мне можно воспользоваться, а чем нет. У меня ничего не пульсировало внутри, поэтому я не знал ни где мой напарник, ни куда мне ехать, ни можно ли мне ехать вообще. Самое главное – погони не было. Но самое ли это было главное? Можно ли сейчас туда, откуда всё началось? Скорей всего, мне предстояло всё обдумать и дальше действовать очень осторожно. Чем больше я думал, тем сильней убеждался, что на этом моё приключение с этой организацией будет прекращено. Я не хотел заново возвращаться ни к каким обучениям! Не хотел узнавать ничего нового, чтобы бороться со старым! Не хотел иметь точные координаты своих врагов, мне достаточно было знать, где они приблизительно. Я потратил очень много времени, и мне было никак снова начать тратить его. Размышляя, я гнал - на восток. Мне

надо было собраться с мыслями.

Стал изучать машину на предмет того, чем располагаю. У меня оказался телефон, немного денег, банковская карточка, завёрнутая в бумажку, на которой были четыре цифры, – явно код от самой карты, - и полбака топлива. Теперь никаких просчётов. Те, кому я сейчас интересен, и которые желают мне не самого лучшего, пусть будут не просто крутые, а очень крутые. Надо считать, что они сейчас подглядывают за мной, будто зритель отслеживает меня в киноленте. И мне надо исчезнуть из этой киноленты на глазах у этого изумлённого зрителя, чтобы он, сколько б не старался, сколько б не прокручивал эту киноленту туда-сюда, не смог определить, как я смог исчезнуть, и где меня в ней теперь найти. Надо по максимуму извлечь пользу из денег и банковской карты, чтобы потом оказаться как можно дальше от места её использования.

Сзади стояли пакеты с едой. Я пошарил в них рукой и достал кусок сыра, завёрнутый в плёнку, стал есть. Сейчас надо планировать всё: энергию, калории, эмоции... С радостью обнаружил, что внутренняя лихорадка пошла на спад, голос разума стал давать о себе знать.

Итак. Пока отъехать подальше. Сейчас можно смелее полагаться на свою интуицию, над которой несколько месяцев работали три человека у нас в организации. Думаю, она меня отправила наверх по лестнице, а сейчас отправила на восток. Значит пока на восток. Насколько далеко? Очень-очень плохо, что всё так обернулось.

В одном из городков я купил мощный монокуляр, травматический пистолет, упаковку длинных и мощных кабельных стяжек, десять сим-карт для Интернета, самоклеющуюся плёнку серого цвета и ещё десяток разных мелочей, что, как мне казалось, может пригодиться мне в ближайшие десять дней, которые я собирался провести в какой-нибудь норе, где меня будет тяжело найти, а найдя, выкурить.

Мне подумалось - из-за соображений изощрённой безопасности интуиция погнала меня к самой границе нашего штата. В силу того, что он является у нас самым восточным и граничит с землями аквапофагов, можно было ожидать там повышенных мер по охране нашей границе. А значит: а) можно быть уверенным, что единственная опасность, о которой только и могут думать пограничники, эта угроза со стороны наших диких восточных соседей, поэтому я буду находиться под прикрытием, в каком-то отношении, их беспечности; б) никто не ищет укрытия в самом логове врага, поэтому там меня решат искать в самую последнюю очередь. Этих двух аргументов мне вполне хватило, и через три часа езды я уже продвигался километрах в пятидесяти от границы нашего штата. Теперь стал присматриваться к редким населённым пунктам, названия которых может и залегали где-нибудь в уголках моей памяти, но казалось, что прочитываю я их впервые. Тревога стала нарастать у меня несколько минут назад, и лишь спустя некоторое время я осознал причину своего беспокойства - не было кругом курсирующих туда-сюда танков, БМП, строев солдат, не было видно носящихся военных вертолетов и самолётов (не говоря уже об учебных полётах на низкой высоте, около шестидесяти одного метра, несмотря на близость населённых пунктов, но так было необходимо, чтобы со всей

серьёзностью выказывать постоянную готовность на угрозу нападения со стороны аквапофагов), не было, в конце концов, не видно и не слышно ничего такого, что мы привыкли видеть по новостям, и знать, что таково положение у нас на приграничных восточных зонах. И не было признаков, что это должно вот-вот появиться. Мой выбор пал на самый последней городок у границы, в котором может когда и было тысяч двадцать-тридцать жителей, но сейчас, судя по заброшенности некоторых домов и учреждений, здесь проживало от силы четыре тысячи. И тут ни намёка на усиленное пограничное бдение. Но может всё это здесь находиться в скрытном виде? Тогда…

Не направившись в город, я повернул машину в лес. Там я достал самоклеющуюся плёнку, и наскоро, но качественно, постарался оклеить машину – мне надо было только проехаться на ней по всему городу, чтобы зафиксировать для себя его «достопримечательности». Но сначала…

Доехав до центра города, я достал телефон и подключился к нашему серверу. Это работало – хорошо. Скачав одно из приложений, я смог телефоном просканировать весь диапазон радиочастот – от мириаметровых волн до децимиллиметровых – ничего кроме обычного гражданского радио и мобильной связи. Это больше насторожило, чем порадовало, потому что в случае, если это не так, у меня серьёзные проблемы.

Я решил запомнить город. Мне ещё оставалось минут двадцать пять существовать в этом статусе, до того как сменить имидж. Люди соответствовали характеру города – всё здесь прибывало в серьёзной заброшенности, даже в падении. Кругом ощущалось злоупотребление алкоголем; мне показалось, что я увидел полицейского, потому что на человеке была форменная фуражка и автомат, вот только он был серьёзно пьян, да с этим своим автоматом на перевес. Давно не видел столько мусора на улицах, у нас так бывало во время сильного ветра, урагана. Когда лёгкий мусор из баков с отходами - пакеты, бумага – выметались и разносились по всему сектору.

Я присмотрел для себя заброшенное помещение, которое раньше было детским садом. Учреждение находилось на самой окраине города, и получалось, что оно будет самым крайним зданием нашего штата. В двух километрах виднелся блок-пост пограничной заставы, несколько машин стояли в очередь, чтобы пройти границу. Кому могло понадобиться отправиться в земли аквапофагов? Вот и ещё одна странность - всё, что я наблюдал кругом себя, совпадало с описанием из той книги, что нам раздал Седой перед заходом. Я только сейчас это вспомнил, и меня даже пробил пот от этого открытия. Там – аквапофаги, одичавшие, живущие разрозненно и стаями, похожие на нас существа – об этом говорит история, которую я неплохо знаю для среднестатистического обывателя, об этом говорят мне мои глаза, уши, мозг и сердце, в конце концов. Свидетельства их одичалости на лицо: я видел, как они нападают на всё живое, как они пожирают всё живое, как они ненавидят всё живое. Ладно, если б я видел одно видео, но это можно видеть кругом; можно не верить тому, что видишь на одном видео, на втором, на третьем, но целиком полагаться на свою способность читать между строк; и я видел, что дело

– дрянь. Проверять, насколько то, что описано в той книге совпадает с тем, что окажется в жизни, если пересечь границу земель аквапофагов, пока у меня желания не было. Поэтому я оставил эту тему в покое. Да и было над чем подумать.

Сейчас, перво-наперво, надо было как можно незаметней избавиться от машины. Решил утопить в городском мутном водоканале: и бесшумно, и электронику заодно всю закорочу.

Накатавшись по городу и изучив расположение его учреждений, ознакомившись с его характером и запомнив детали, я направился к выбранному для своего убежища зданию. Каким запущенным и тоскливым оно выглядело вместе с прилегающей к нему территорией, как будто часть города после атомной бомбёжки спустя десять лет. Для полного довершения жуткой картины не хватало колючей проволоки по забору и таблички с надписью «Вход воспрещён».

Людей вокруг не было, и я, никем незамеченный, без особых препятствий пробрался во внутренний дворик п-образного здания бывшего детского сада. Забросив на подоконник первого поддавшегося открыванию окна два своих рюкзака, сам ухватился руками за его подоконник, и через мгновение оказался в комнате с детскими железными кроватками без единого матраса. Мне понадобится электричество, поэтому сначала я убедился, что мне повезло с этим делом. Запихнув под кровать рюкзаки, вернулся в машину за ещё одним и пакетами с едой с заднего сиденья. Уже в помещении, перекусывая шоколадкой, извлёк из одного из рюкзаков наполовину затемнённые очки, кусок чёрного ворса и двусторонний скотч. С помощью скотча и ворса наклеил себе небольшие бакенбарды и полоску бороды, вертикально спускающуюся от нижней губы. Осмотревшись по сторонам, запихнул рюкзаки и пакеты с едой в один из шкафов. Пока меня всё устраивало.

Я вернулся в машину, чтобы отъехать куда надо, и уничтожить её, как задумал, осматривая достопримечательности городка. Назад возвращался пешком. Небо заволокло чёрными тучами, им на смену неслись болотного цвета – тучи, которые могут устроить потоп. Я всё равно нацепил очки. Городок меня убивал своим бытом: сваленные в кучу доски и кирпичи, уже местами тронутые плесенью; косящиеся заборы; гниющие от земли двух и трёхэтажные кирпичные дома; женщина неопрятного вида, упёршаяся рукой в стену, извергающая содержимое своего желудка прямо на тротуар себе под ноги – я даже не стал предлагать помощи, потому что её состояние было очевидно. Редкие машины были грязны, все сплошь ржавые, самой молодой из видимых, наверно, было лет двадцать. Я думал, что наш штат, как крайний, менее других обделён вниманием центра, но что б такое запущение, пусть и на окраинах…

Я зашёл в магазин и купил несколько банок консервов, хлеба, чая и сахара. Это и то, что было в пакетах в машине, обеспечит мне неделю пропитания без вылаза. Я думал, что за неделю разработаю план.

Вернувшись к себе, бороду и бакенбарды смыл в унитаз, а очки разбил, и по деталям распихал по разным местам, где только проходил, изучая здание. Оставаться на этажах, конечно, не стоило, поэтому я спустился расположиться в подвале. Быстро отыскал подходящее помещение (наверно здесь жил дворник) с

маленьким окошком в сторону земель аквапофагов. Окно заслонил куском фанеры, проделав в нём несколько микроскопических дырочек, чтобы видеть всё, оставаясь незамеченным. Потом ещё раз прошёлся по зданию, чтобы дополнительно изучить, насколько я в безопасности, и чем, в случае чего, располагаю. Вот и всё. На сегодня надо было прекращать свою активную фазу. Было много потрясений за день, я чувствовал, как плохо начинаю соображать, и как мыслительная деятельность идёт уже во вред моей психике и физиологии, а тут ещё стала зудеть раздражение по поводу отсутствия у меня соображения, что же дальше, и что делать. И чем дольше я оставался в бодрствующем состоянии, тем больше ощущал ненужную нагрузку от этого раздражения, а мне сейчас следовало рационально расходовать каждую толику своего потенциала.

Я обрадовался этой вынужденной, как будто ненадуманной остановке на лень и ясные действия, и поэтому с удовольствием, и слегка трясущимися руками от предвкушения желанного ужина и долгого сна, приступил к приготовлениям. Из двух железок соорудил кипятильник, заварил себе литр чудесного чёрного чая и бухнул в него четыре столовых ложки сахара. Потом ел, пока не объелся: консервы, сыр, колбасу, хлеб, запивая всё это большими глотками чая. Мне стало становиться очень хорошо от пищи и тепло от двух электрических батарей, которые я принёс сверху, и включил обе на полную мощность, чтобы основательно просушить своё помещение.

Потом просыпался два раза: первый раз, когда стало жарко - я проснулся мокрый, батареи жарили нещадно; второй раз, потому что замёрз так, что меня трясло, потому что, проснувшись в первый раз, я эти батареи отключил и разделся до одних штанов; зато моё окончательное пробуждение оказалось словно вторым рождением – настолько сильно я выспался. С удовольствием, дико голодный, подумал о нескольких пакетах с едой и большой кружке чая, которую я сейчас себе приготовлю. И тут нахлынули мысли о моём положении…

Итак, скрыться, вроде, получилось. Это уже была маленькая победа. Теперь следует узнать официальную версию штата о наших деяниях и о нас. Но сначала позавтракать.

Поев, как накануне перед сном, я извлёк из упаковок новенькие компьютер и мобильный телефон. Из телефона я соорудил IP-генератор, который каждые тридцать секунд будет презентовать мой компьютер, как находящийся то в одном штате, то в другом, то в одной стране, то в другой, то на одном континенте, то на другом. Потом я извлёк из упаковки сим-карту мобильного интернета и вставил её в слот, который был вмонтирован мне в зуб. Теперь в радиусе двух с половиной метров я расточал вокруг себя интернет.

Изучение официальной части работы правоохранительных органов наших штатов ничего не дало. На поверхности всё выглядело спокойно. Нигде не было упоминаний ни о моих «злодеяниях», - никакого упоминания о диспансере и министре, - ни о том, что натворили мои «коллеги», хотя, как говорил Седой, некоторые устроили мясорубку похлещи моей. Нигде я не нашёл информации о нашей организации, о преследованиях. Ни слава об инциденте в «Пирамиде», хотя

в таких случаях всегда появлялась информация о розыске преступника. О прессе и говорить не стоит. Значит, меня ищут. И ищет не полиция.

Я стал заходить на сервера спецслужб, используя заданные имена и пароли. И опять ничего. Ничего. Значит, нашими поисками занимались и ни спецслужбы, и ни бандиты. Тогда - кто? И что у этих «кто-то» имеется против нас, на нас? Чем они собираются нас изловить и что с нами сделать? И ещё: где те из нас, которые исчезли?

Основательно проанализировав всю информацию, я решил установить связь со своими. Намёка на Сержанта не было нигде. Значит ли это, что он мёртв? Значит ли, что все, кто канул в неизвестном направлении, мертвы? Ведь, будь иначе, все попытались бы выйти на связь или заявить о себе каким-нибудь иным способом – инстинкт самосохранения у нас был закреплён жесточайшим ассоциативным рядом, мы не могли поступить иначе, у нас в этом вопросе не было выбора. Вот, как сейчас поступаю я. Значит, все мертвы, и мой напарник?

Я попытался выйти на связь с организацией, но не смог зайти даже на наш сервер – и это был плохой знак. Сто процентов, что Седой жив, и сейчас, наверно, занят набором новых рекрутов для возобновления прежнего состава солдат. Может он даже чуть–чуть сокрушается, что не все мы вернулись. И сейчас я мог бы находиться там. Недавно я подумал, что мне не хотелось бы снова окунуться в обучение и тренировки, а сейчас даже взгрустнул, что не там. Мне надо было найти спасительную мысль, мне надо было создать у себя настроение, чтобы действовать разумно, без отчаяния, не от безысходности, но по нужде, по необходимости, намерено.

Для меня теперь стало очевидно – у меня проблемы. Ситуация матовая, не в мою пользу. Вчера я думал, что сегодня мне надо будет подумать, а вот сегодня я думаю, что мне придётся подумать пару-тройку дней. Я включил на компьютере музыку и растянулся на своём маленьком диванчике. Вывод за выводом для меня были неутешительны. Любой план действий упирался в то, что я не знаю, чем против меня располагают, и кто. Иногда думалось очень неутешительно, например, что может придётся, как говорится, залечь на дно. И, скорей всего, на пару месяцев. Убийственное количество времени должно быть потеряно, чтобы мне начать действовать. А дубляж? Как я забыл про дубляж?

Я опять ухватился за компьютер. По беспроводному каналу добрался до карты памяти, которая была имплантирована у меня где-то внутри, и изучил всё, что собрал мой напарник. Особенную ценность представляла информация, которую тот вытащил из Маная, пока я ездил к министру. Поэтому в последний момент он так вспомнил об этом. Если принять во внимание временные фазы объектов (как называли детей структуры, поставляющие на рынок педофилии детей), моя дочка должна была ещё находиться в одном из тех резервуаров, о которых теперь я знал. Мелкий человек Манай, а задействован в таких больших делах. И чем (в смысле мозгов-то) он умудрялся управлять? По всему, в запасе у меня было чётких четыре месяца, но я хотел действовать сразу, поэтому то, что за двое последующих суток я ничего толкового придумать так и не смог, действовало на меня угнетающе. Запасы

еды сокращались. Все деньги, которые я снял с карточки хозяина машины, я потратил за один раз, думая, что закупил всё необходимое на необходимое время. И сейчас мне надо было подумать о пропитании, чтобы мочь думать о чём-то другом вообще.

Я стал перебирать картотеки жителей города. Кого-то убить за документы я бы не смог, а следовало б для чистоты дела. Но, нет. Вообще светиться ничем нельзя. Я придумал два варианта: или я создаю нового жителя в базе данных города, - нового иждивенца, живущего на государственное пособие, которое аккуратно мне будут доставлять каждую неделю в занятую мной пустующую квартиру, или мне следует неофициально устроиться на работу. Два-три месяца, может, придётся жить здесь, так что следовало продумать, как поухаживать за собой. За этими размышлениями, чтением новостей, изучением деятельности государственных органов и попытками связаться со своим, я провёл ещё одни сутки.

Наступил четвёртый день. Было солнечно. Как я уже писал, здание, в котором я нашёл своё убежище, находилось на краю города. Я захотел выйти подышать воздухом. В принципе, мне ничего не угрожало. Если бы что-то должно было случиться, оно бы уже случилось. Поэтому я решил, что прогулка меня только порадует.

Я открыл окно и выбрался наружу из своего подвального помещения. Солнце стояло в зените; от нагретой за утро солнцем стены, за моей спиной, исходил такой жар, аж защипало обнажённую шею. Я подошёл к забору, который доходил мне до шеи, положил на него скрещение руки, а на руки подбородок, и устремился взглядом вдаль. Метрах в ста от забора, после немногочисленных кустарников и оврагов проходила наша граница – символический ров метра в полтора шириной. Кривой и неухоженный, даже заброшенный, что не соответствовало, вообще-то, политике наших Соединённых Штатов - ведь с той стороны на нас могли напасть полчища одичавших аквапофагов, земли которых как раз и начинались за этим рвом. И я стоял, и всё смотрел и смотрел в даль поля за рвом.

Постепенно из обозреваемого пространства стали выхватываться и привлекать внимание то одна деталь, то другая. Начинающееся ото рва травяное покрытие метров через пятьсот плавно переходило во что-то покрытое будто золотистой травой. Я знал только один вид травы такого цвета – рожь. Могло ли такое быть, чтобы на земле аквапофагов росла трава, из которой изготовляют хлеб? За полоской так называемой ржи шла луговая растительность, и если это не была какая-нибудь радужная игра света, то, то там то тут можно было наблюдать разноцветье и скопище высоких кустарников, а то и деревьев, а чуть дальше и вовсе начинался лес, не высокий, степенный, величественный и бескрайний. Картина хватала за душу. Однако, всё это было в высшей степени странно.

Я стал всматриваться и всматриваться в эту природную красоту. Было бы странно, если б мне сейчас удалось наблюдать картину, о которой, быть может, мечтают многие из нас – а именно, увидеть полчища одичавших жителей земли, на которую я сейчас смотрел. Правда, земли, которая представлялась мне иной; ну просто природой своей аквапофаги обусловливали отсутствие растительности там,

где есть они. И тут я заметил две фигуры, которые показались из далёкого леса. У меня перехватило дыхание. Это были всего лишь две белые точки. Не животные, это точно. Наличие растительности, куда не шло, но чтобы живые организмы, кроме самих аквапофагов. Я стал дико всматриваться, а потом бросился к себе в коморку за монокуляром.

Картина, которую я стал рассматривать при сильном приближении, просто не могла существовать в реальности. Молодые парень и девушка в белых, почти одинаковых распашонках. На девушке ещё лёгкая, чуть ниже колен, широкая юбка красно-оранжевой расцветки, на молодом человеке светлые штаны, оба босиком. Мощности монокуляра хватало, чтобы разглядеть распущенные, чёрные, длинные волосы девушки, с вплетёнными в них двумя ленточками расцветки юбки, и тёмные короткие волосы у него. Девушка была на две головы ниже мужчины и в два с половиной раза меньше его в объёме, у того были покатые широкие плечи, он казался до безобразия спортивно сложенным и здоровым, и высоким. Иногда он с лёгкость подхватывал девушку на руки, и они кружились с ней на одном месте, радостные, смеющиеся; или просто стояли, держась за руки, или шли, обращая друг к другу свои лица, светившиеся таким счастьем, что я позавидовал им от имени всех граждан и неграждан наших Соединённых Штатов Европы. Я отстранил монокуляр, чтобы вживую посмотреть в их сторону, и может увидеть ещё что-нибудь заманчивое рядом с ними для рассмотрения в монокуляр, но обнаружил, что лежу на краю глубочайшей пропасти.

Метров восемьсот внизу была земля, а я лежу, свесившись одной рукой вниз. Прежде, чем я сообразил, что подвержен какому-то галлюциногену или, что хуже, воздействию каких-то гипнотических технологий, я бросился бешено отползать от пропасти. Но, как только до меня дошло, что меня «обработали», и я остановился ползти туда, где, скорей всего, меня ожидали отползшего и лежачего, галлюцинация исчезла…

Я лежал, распластавшись на земле вдоль забора, а надо мной стоял пограничник с направленным на меня дулом автомата. Я понял по нему, я по воздуху понял, что сзади меня ещё один. И я лежу чётко между ними – самое выгодное для них моё положение.

Это я потом проанализировал своё поведение и с поразительностью осознал, каких монстров из нас создала организация, а совсем немного позже смог разглядеть это, прочувствовать и испытать; тем из нас, кому не посчастливилось, и они угодили в лапы до наших внутренних преобразований, действительно, не повезло – сейчас бы этого не произошло, а если б и произошло, то статистика таких «провалов» была б не такой печальной. Или, всё-таки, я оказался немного круче, чем мои «коллеги»? Но ведь я ничем никогда особо не отличался от других. Да… Это я понял некоторое время спустя, а на тот момент у меня проскочила последняя «человеческая» мысль. Мысль, которая теперь мне кажется не иначе, как жалкой. Последняя «человеческая» мысль… Я подумал, что следует сдаться, чтобы таким образом оказаться среди «них» - тех, на кого мы устроили охоту. Сдаться, сделаться «своим», или найти какой-то другой способ, чтобы остаться в живых, среди них, и

изнутри продолжить борьбу с ними. Так я подумал тогда. А сделал…

- О, господи, я всё понял! Я всё понял! Я всё понял! Простите меня, я больше никогда так не буду! – я кричал исступлённо, у меня заструились слёзы из глаз.

Я поднялся на колени, пограничник дёрнулся, я стал заламывать руки, как в молитве, кричать разную чушь о всепрощении и человеколюбии, стал целовать землю, приближаясь и приближаясь к ошалевшему вояке, и через восемь секунд комедии ухватился рукой за цевьё автомата пограничника и рванул его дулом в направлении подбородка его хозяина. Дуло упёрлось тому под подбородок одновременно с опустившимся на курок моим пальцем. Три патрона подняли в воздух фонтаны крови, куски мозгов и частицы черепа, и уже в следующее мгновение другая очередь из трёх патронов вошла в сердце, верхнюю часть груди и шею другого, пустившего очередь в тело своего товарища, которым я предосудительно прикрылся. Мы все втроём оказались на земле: они, потому что были мертвы, я - чтобы осмотреться, и оценить, что произошло, а главное, что будет происходить в следующие мгновения.

После такой заварухи, как это часто показывается в кино, в небо поднимаются стаи ворон, и повсюду разносится эхо их карканья, а тут: почти тишина, зелень кругом ласкаема ярким солнышком, редкий ветерок, чириканье воробьёв. Я снова обратил внимание на жгучую жару от раскаленной стены здания.

Они знали - кто я. Я это понял по их глазам. Но они знали меня, как того, кто я сейчас. Моё настоящее имя им не было известно. Всё равно. Значит, мне не удалось исчезнуть с киноленты. Кто-то методично продолжает отслеживать мои перемещения и мои наивные попытки скрыться. И эти «кто-то» не подозревают о моём намерении через известное время найти и спасти свою дочь, но, скорей всего, они рассчитывают мою цель воздать им по заслугам – тем, из-за кого я сейчас тот, кто есть и там, где я есть. Итак, за мной с завидным успехом следят.

Подумав так, я вскочил с земли и бросился в свою каморку. Оттуда пробрался в помещение рядом с моим, открыл окно, выбрался через него наружу и одного за другим затащил туда трупы солдат.

Чуть отдышавшись, я забегал туда - сюда от стены к стене, не обращая внимания на только что убитых мною людей, и первой мыслю, со всей справедливостью, я обвинил себя в бездействии последние три дня. Пока я тут пожирал пакеты с едой, кто-то методично думал (с унижением для себя отметил, что я, скорей всего, небольшая часть от всего проекта этих «кого-то»), и вот результат – меня навестили. А ведь я наивно полагал, что изощрённо и эффективно замёл следы, что ни одна ищейка не должна была меня тут отыскать, но это произошло! У всех солдат нашего штата стоят чипы в сердце, а сейчас, когда эти два сердца перестали биться, у кого-то на телефоне, кто в этом очень заинтересован, выскочило сообщение примерно такого содержания: «тот-то и тот-то не выполнил задания, потому что он уже никогда ничего не сможет сделать». Маловероятно, что эти двое, переодетых в пограничников, случайно меня нашли; и уже без разницы, успели они или нет сообщить о моем местонахождении. С такими лицами, да с автоматами, случайно ни на кого не «напариваются». Теперь я даже не

знаю, где заканчиваются границы, до которых простираются их возможности отслеживать меня. А если это происходит благодаря оборудованию, которое во мне? Зачем быть такой организации, как наша, зачем надо было потратить столько времени и средств, так серьёзно обучить сто человек, располагать такими средствами, зданиями, таким потенциалом, чтобы оказаться такой уязвимой? Если только… Если только эта организация не есть сама часть всей системы, на так называемою борьбу с которой она создана самой этой системой! Но зачем? А затем, чтобы это святое место не заполнилось подлинными намерениями и субъектами; чтобы была создана достаточная видимость борьбы, и у других не возникло желания создавать такое же, но примкнуть к уже готовому! А теперь мы вышли из-под контроля, и нас следует уничтожить. Но я скорей поверю в нереальность этого мира, чем в это! Я достаточно повидал за эти четыре месяца и столько же изучил, чтобы понять, что это не так. Однако, теперь можно рассуждать, как угодно, но меня вычислили. И надо опять сбегать или нападать. С удовольствием стал отмечать восстановление нормальной работы мысли. Так. Что-то было ещё... Что-то странное… Меня что-то поразило во всём этом. До сих пор эхом то ощущение разносятся у меня внутри. И тут же я вычислил. Моё поведение, когда меня «взяли», и способ, каким это получилось сделать. Во-первых, чтобы заставить меня оказаться в положении лёжа, применили какие-то гипнотические технологи, может и прямой гипноз, но это невозможно, у меня иммунитет! Значит, что-то оказалось сильнее меня. И сколько раз я ещё испытаю действие этого чего-то? И когда, и где? Дальше. Моё поведение. Я не сплоховал, далеко не сплоховал! Но как у меня получилось это всё проделать? Это не было моё поведение! Как у меня получилось пустить слёзы? И я бы никогда не стал лизать ботинки людям! Значит, меня не плохо напичкали рефлексами и способностями. Значит, то, что нам говорили про это – оказалось правдой, причём правдой впечатляющей в том смысле, что можно не бояться, что меня убьют, если в природе для меня будет существовать хоть малейшая возможность избежать смерти. По этой причине я не смогу убить себя. По сути, мне изменили природу – не очень-то оно как-то с одной стороны.

А ещё эти аквапофаги! (Здесь я остановился в своей беготне, прислонился спиной к стене и опустился на пол). Да уж, ничего себе – аквапофаги! Люди, такие как мы, и даже чище, приятнее и… счастливее нас! Я прочёл по их лицам столько правильности и чёткости, столько счастья, благоразумия и справедливости! Ведь сразу видно, как они нежны, но в тоже время как сильны; к таким бегут и жмутся, когда на тебя нападают; такие сами без приглашения встают на сторону угнетённого, и горе угнетателям, потому что видят они перед собой тогда непобедимых. Их женщины и дети сыты, потому что мужчины умеют сеять хлеб, и спокойны, потому что, если понадобится, их мужчины умеют сеять смерть. И много чего ещё я прочитал по их лицам, и это было что-то!

Вся книга, которую нам дал Седой, и которую нас попросили прочитать перед заходом в свои объекты, мгновенно обросла смыслом, истина вырвалась из неё, потому что я увидел собственными глазами подтверждение пятистепенного факта, а ведь в доказательстве истины или лжи никто не доходит даже до фактов третей

степени важности. То, что я увидел, оказалось достаточно со всех точек зрения, чтобы напрочь перечеркнуть всё, что я думал о себе и о мире до этого момента!

Но что это меняет теперь? Как это может оказаться полезным для меня?

Мог бы, например, я перевезти сейчас туда свою жену и сына? А смогу ли? «Мысль немыслимая» - самому, в одиночку, укрыться, спастись в земле Счастья (так я назвал земли аквапофагов). Конечно, предательством будет такое моё поведение, но и не только поэтому я не мог бы этого сделать. Просто я сразу определил, что мы не достойны ступать по той земле. Да, мы заслужим их уважение и любовь, если попытаемся здесь у себя повторить их опыт; да, они смилостивятся над нами, если мы этого у них попросим; поразительно, но они всегда, всем, всё простят, хоть бесконечное количество раз возвращайся к унижению и оскорблению их (как любящие родители всё прощают своим детям); и да, если мы хотя бы один раз ударимся головой о стену, чтобы добыть и отстоять для себя достойную и полную жизнь (теперь я на всё смотрел по-другому), они не дадут нам расшибить лбы. Обо всём этом теперь предстояло хорошенько подумать, обязательно и основательно. Но позже. А сейчас надо было опять пускаться в побег.

Я выскочил из помещения, куда затащил через окно трупы «пограничников», и огляделся. Подвал есть подвал: кругом были кучи мусора, деревянные балки, водопроводные трубы, краны и раздолбанные кирпичи. На груде таких кирпичей лежала моя дочь, мёртвая, на ней была кровь.

Я бросился к ней, издав глухой крик, поднял её на руки и прижал к своей груди. Но тут же мысль копьём врезалась мне в мозг - дочка выглядела точь-в-точь, какой я её помню в своём последнем воспоминании. Прошло уже четыре месяца, она должна была измениться! На ней не могла быть одежда, которая сейчас была на ней. Я понял, что опять нахожусь под воздействием чего-то галлюциногенного. Ситуация требовала срочного анализа и разрешения. Я спросил себя, что было общего между первой галлюцинацией и второй? И оказалась, что ничего, но только «пограничники». Заглянув в помещение, где лежали «мои» трупы, и не обнаружив их там, я потерялся, но тут же вспомнил про технику, благодаря которой можно проснуться во сне. Результатом стало то, что я снова увидел мёртвых пограничников, где я их и оставил, но дочка из рук не исчезала. И, тем не менее, она была порождением работы моего, чем-то поражённого мозга. Я знал, что надо сделать, чтобы восстановиться. Но и бежать тоже следовало. Нельзя было оставаться ни на мгновение. Но сначала…

В стене я увидел отверстие, похожее на нору сантиметров сорок в диаметре. Отчасти, чтобы спрятать, но больше, чтобы восстановить работу сознания, я засунул в это нору свою мёртвую «дочку» и протолкнул её вглубь, дальше, и ещё немого дальше. И стал смотреть. «Дочка» исчезла. Я посмотрел на трупы пограничников – на месте. Так, стоп! Пограничники. Если не вся территория детского сада, то всё дело в них. Я бросился к их трупам и стал их обыскивать. Вот оно! Вот устройство, которое заставляло меня галлюцинировать. И больше ничего примечательного. Может, я ошибся, прочитав у них в глазах, что они знают, кто я? Если да, то мне ж ничего не угрожает. Возможно, что и нервы расшатались. Я замер

и прислушался.

Тишина. Полная тишина. Даже какая-то умиротворяющая. Тут, в подвале, окружённый толстостенным бетоном, в недосягаемости от врагов. А может и бежать никуда не надо? Может, следует вернуться к прежней своей задумке по поводу создания в базе данных иждивенца? Но тут я почувствовал непреодолимое желание оказаться на улице. Эта была не интуиция, я думаю, а работа тех систем, которые чудесным образом были нам имплантированы.

Я оказался на улице, озираясь по сторонам. Через забор перелазил мужчина лет шестидесяти. Он не мог не заметить меня, однако виду не подал, и прямиком направлялся к забору на противоположную сторону. Метра под два ростом, коренастый, двигался сильно, его лицо напоминало морду доброй, чёрной собаки. Он уже точно должен был заметить меня, но до сих пор даже не посмотрел в мою сторону.

- Сержант! – крикнул я. – Сержант, стоять!

Это был он.

Как и в предыдущих двух случаях, когда я подвергся внушению с помощью технических средств, я догадался, а теперь чуть быстрее, что я подвергаюсь гипнозу. Вот только сейчас было другое. Потому что сейчас не было механического воздействия (да и те устройства я вывел из строя), сейчас я подвергался воздействию нашей техники гипноза, технике, которую изучали мы в организации. Сейчас мне не аппаратурой внушали, что я вижу не своего напарника, а напарник сам внушал, что я вижу не его.

- Стоять, Сержант! Очнись, слышишь? – мне подумалось, что его заставляют так делать, что кто-то рядом его контролирует.

- Да куда ты прёшь?! Стоять, я тебе говорю! Всё нормально, слышишь, это я! Теперь всё нормально!

Он посмотрел на меня, продолжая свой путь к противоположному забору.

- У меня теперь всё будет нормально. Я это знаю, - ответил он, и взгляд его наполнился страхом.

- Да что случилось? Куда ты идёшь? Давай вместе! Вдвоём мы их теперь порвём!

- Для меня всё кончено! Посмотри на меня.

Сержант развёл чуть-чуть в стороны руки и покрутил ими, демонстрируя их со всех сторон. Он перестал внушать мне постороннюю не свою внешность, и теперь я увидел его таким, каким он был на самом деле.

- И такое по всему телу! – добавил он.

Его руки были сплошь покрыты заживающими ранами. Судя по ранам, можно было предположить, что от него отдирали куски мяса. Я даже не могу предположить, чем можно было оторвать такие куски от человека. Плоскогубцами?

- Меня так пытали, - сказал он и остановился, - со мной такое делали, что я представить себе не мог. От меня отрывали куски, вырывали печень, тут же всё восстанавливали, и всё повторялось сначала в точности до укола иголочки. На девятом разе мне казалось, что я сам себе всё это делаю. Я убежал, Сержант! А все

наши там остались. И это ждёт всех нас. Все они там будут ещё долго, потому что наши сделали так, что мы не можем ничего им сказать. Мы запрограммированы на победу. Но это очень, очень больно! Это очень больно! И мне больше ничего не надо. Мне больше ничего не надо. Мне больше ничего не надо.

Он забубнил последнее уже каким-то полусумасшедшим тоном, и отправился, куда шёл до этого.

- Ты знаешь, что в той стороне? – спросил я его, удаляющегося.

- Да, а ты? – крикнул он, не оборачиваясь.

- Я их видел!

- Как написано в книге?

- Ещё лучше.

Он обернулся, чтобы выразить мне сочувствие, остающемуся тут, а не чтобы удостовериться по моим глазам, что я говорю правду.

- А ещё меня пытались убить, - говорю.

Он остановился.

- Мне больше ничего не надо. На нас охоту ведут ребята крутые, но не настолько, чтобы очень. Не думаю, что они знают, где ты. Но мне всё равно, хоть я только что узнал и это, и то. Мне больше ничего не надо.

- Сержант, тебе влезли в мозги. Давай вдвоём поправим. Теперь мы будем осторожней, и доведём до конца, что хотели.

- Мне больше ничего не надо.

- Как тебе погода? – спрашиваю его.

- О, моя любимая, обожаю такую жару.

- Мне больше ничего не надо, - сказал я.

На секунду у Сержанта появился стеклянный взгляд, но тут же он вернулся к предыдущему предложению.

- О, моя любимая, обожаю такую жару.

Я всё понял. У него была установлена заглушка на ту деятельность, к которой нас готовили, на борьбу. Причём заглушка была установлена некорректно, по-дилетантски. На саму заглушку он реагировал возвращением к предыдущему моменту памяти. Непрофессионально и некорректно, наспех, лишь бы.

- Ну тебя и накачали, Сержант.

- Просто я всё понял и мне больше ничего не надо.

- Да слышал я уже это.

Но он уже перелезал через забор.

Я медленно подходил к забору, провожая взглядом напарника, направляющегося через поляну в сторону земель аквапофагов. Конечно, его не разорвёт на молекулы, когда он будет пересекать ров – условную границу между нами и ими.

Потом я вернулся к себе в подвал.

Что ж, мне ничего не угрожало. Я мог спокойно собраться и отправится за напарником, и скорей всего те люди нас примут, как родных. Но это немыслимо. Я не могу так даже думать. А не могу я не думать, а уж тем более теперь, о том, чтобы

быть самому по себе неблагоприятным условием для существования той гнилой системы внутри нашего государства, которая в своих порочных целях сопровождает наше рождение, ведёт нас проторенной различными бумажками дорожкой, а потом хоронит нас за наши же деньги. Кого-то раньше, кого-то позже, а кого-то и преждевременно - только бы всё оставалось, как прежде. И ещё.

Есть ещё одно «ещё». Вернее оно появилось. Может, Сержант и потерянный патрон из нашей обоймы, может, и те, над кем сейчас колдуют, как поколдовали над Сержантом, тоже. А может, и нет. Дело в том, что теперь очевидным становится один неожиданный момент. Оказывается, мы ещё кое в чём просчитались - то, что сделали с нашими телами, на выходе оказалось не тем, что ожидали. Наш мозг, столкнувшись со всеми этими имплантатами внутри нас, призванными на порядок увеличить наши человеческие способности, а вернее, наш мозг, столкнувшись с самими этими увеличенными способностями, и восприняв их как «свою», подчинённую ему систему, стал, и наверно лучше не выразиться, мутировать. И если вначале это было незаметно, не чувствовалось (как, например, только что с этими пограничниками: и моё поведение, и моя физическая реакция, и расчет, и сами механические действия – всё это было моё, но в тоже время ещё вчера я не смог бы этого проделать так чётко), то теперь с каждой минутой происходило что-то удивительное. Только что меня удивило, что я стал слышать щебет птиц на улице, а сейчас я умножил про себя триста пятьдесят восемь на двести шестьдесят шесть, проверил полученный результат на компьютере, и уже в следующее мгновение мне даже проверять такие вычисления не возникало желания, потому что я просто знал, что это так. Я смог без ошибок называть любой символ после запятой в числе Пи: сто тринадцатый, семисотый, тысячный. У меня в пакете лежали сим-карты мобильного Интернета, я с лёгкостью «увидел» через пакет их штрих-код. За долю секунды я смог определить не только возникшее и нарастающее беспокойство, но и причину этого беспокойства – десять человек пограничников, точно таких же, как те двое, что валялись у меня за стенкой, прочёсывали территорию вдоль границы в нескольких часах ходьбы до меня. Как из темноты, мне то и дело выплывали их лица и силуэты с автоматами наперевес. И в следующее мгновение я уже знал: когда я с ними встречусь, что я с ними сделаю, и как я это сделаю, чтобы никто не узнал, кого они встретили, и что с ними произошло. И многое, многое другое стало мелькать перед моими глазами, множимое нарастающими внутри меня способностями, пугающими меня своей самостоятельной жизнью и неподконтрольной моему разуму природой. Я завис, боясь пошевелиться; меня пугали те процессы, которые должны были произойти у меня внутри, пошевели я рукой или ногой. Как только я стал чувствовать, как бьётся моё сердце, через пятнадцать секунд я стал слышать его. Я стал слепнуть, а через несколько секунд перестал видеть вообще, и страх всех этих ощущений параличом стал заполнять всё моё существо. Из последних сил я опустился на колени, сложил руки на груди в молитве, и обратился к Богу. Я умолял, чтобы он спас меня; обещал, что больше никого в своей жизни не обижу! Я просил дать мне сил совладать со своим состоянием; просил насадить мне мысль, которая станет для

меня опорой… И тут подумал о встроенных в меня регуляторах. Как только подумал об этом, резко почувствовал улучшение, зрение стало восстанавливаться, я развёл руки в сторону, покрутил ими, - удивлённо, без страха разглядывая то одну, то другую, – руки казались мне какими-то диковинками. Я поднялся на ноги, посмотрел на них. Странные ощущения отдавались от каждого движения: я весь скрипел, как будто я был набит полиэтиленом. Смогу ли я контролировать теперь всё это? И мне пришёл ответ, что да, и что это не заставит себя долго ждать. И действительно, всё как-то кругом стало успокаиваться, погружаться в тишину. Или это очередная волна чего-то? Нет. Мой разум подстроился, охватил всё своей чудовищной хваткой, стал, наконец, моим другом, мной, я стал разумом, я снова стал разумным существом… Очень разумным. Эмоции, раньше только кое-как волновавшие тело, теперь ощущались физически, мощно, гуляющими различными ощущениями по всему телу: по рукам, ногам… Я включил на компьютере музыку, и тело отозвалось на неё волнами мурашек и мультипликационными бликами перед глазами.

И вот, всё, что мне необходимо теперь было делать, вся моя миссия престала передо мной, как раньше я мог наблюдать лишь пространство вокруг себя. Я стал убийственно спокойным, высокая степень концентрации давалась мне легко, без усилий, как нечто само собой разумеющееся. В какой-то момент мне показалось, что я уже собой не управляю, но что-то внутри меня навязывает мне свою волю и управляет мной. Но это было не так. Просто принимаемые решения заходились колоссальным количеством мыслей и аргументаций, которые непривычно были удерживаемы и осознаваемы в один момент. То, вдруг, привычный ход мысли раздвоился, а затем и растроился – и три потока мышления стали обслуживать каждую ситуацию, выдавая всякий раз свою победоносную мысль. Только что мне пришло знание, путём логического вычисления, а следом и прозрение, где моя дочь, и как я спасу её, и с ней многих других девочек и мальчиков, уготовленных на убой нашей аристократии. Я знал - моя семья будет в земле Счастья. Многое я стал способен вычислить, бесконечное разнообразие событий узреть; всякая географическая точка или человек, помыслимые мной, тут же обрастали сетью причинно-следственных связей с различными объектами и явлениями в пространстве и времени, но я ни где не находил своей смерти - вопрос, который на фоне происходящего тут же меня взволновал, в своём единственном числе оставался без ответа. Я знаю, что погибну; логично, что если я буду двигаться и двигаться в этом своём направлении, смерть станет моим конечным пунктом назначения, но знать это неконструктивно, поэтому, наверно, я не могу это «увидеть» - где, как. Таково теперь стало чудовищное свойство моей новой натуры.

Итак, чтобы потомкам потом разобраться, что да почему произойдёт, начиная с сегодняшнего дня, а предшественникам, вдруг, выпала бы возможность всё это предотвратить, - ибо лучше второе, - обо всём этом должны узнать многие, а уже потом…

Я сел за компьютер, и сначала не быстро, как умел до этого, но, постепенно убыстряя и убыстряя темп набора текста, описал всё, что меня привело сюда. Начав

с описания ситуации в наших Соединённых Штатах Европы, заканчиваю тем, что произошло со мной тут, в этом заброшенном детском саду, у границы земель аквапофагов. На описание всего у меня ушло пятьдесят восемь часов, тринадцать минут и, когда я пишу это, восемь секунд.

Сейчас, пока буду перекусывать, перечитаю всё, что написал, и допишу, если ещё что-то понадобиться, или если что-то упустил: или в конце, или в начале (единственное, что решаю дописать, перечитывая, дойдя до этого места, и именно в этом месте, и именно в скобках, так это то, что сейчас чётко знаю, что потенциал моего мозга возрос в два раза, и процесс развития уже затормаживается – но и этого уже достаточно). А когда допишу, разошлю это электронным письмом на сотни тысяч адресов, куда только смогу. А потом…

А потом, сейчас, я выйду из своего убежища и отправлюсь на встречу той дюжине автоматчиков, которые всё приближаются и приближаются. Они идут за мной. А после них отправлюсь в самое пекло, потому что если никто не решится стрелять в меня с расстояния (пока), мне ничто не угрожает, а в будущем, надеюсь, я смогу видеть полёт пули. И, наконец.

Может где-то сейчас и взрастает Зло, которое меня остановит, но пока - я Добро, которое будет уничтожать Зло. Я отправляюсь, чтобы бороться, чтобы освобождать, чтобы наказывать, и побеждать, потому что я – солдат.